РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ЧАСТЬ V. — ТЕТРАДЬ II.

ВЗГЛЯДЪ НА ДѢЛА РОССІИ.

Н. ТУРГЕНЕВА.

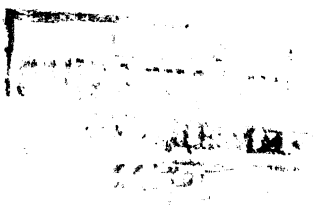
(Coup d'œil sur les affaires de la Russie par N. Tourguéneff.)

LEIPZIG,
A. Franck'sche Verlags-Buchhandlung.
(Alb. L. Herold).

1862.

Librairie A. Franck, 67, rue de Richelieu, Paris.

P



ВЗГЛЯДЪ НА ДѢЛА РОССІИ.

Н. ТУРГЕНЕВА.

Сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде въ міръ, и возлюбиша человѣцы паче тму, нежє свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла. Всякъ бо дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть: Творяй же истину, грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана.

Ев. отъ Іоанна. IV. 19. 20. 21.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Записка 1819 года	VII — XXXVIII.
I. Вступленіе	1
II. О государственномъ устройствѣ въ Россіи	2
III. Обновленіе существующаго порядка вещей	29
IV. О гласности	35
V. О министерствѣ Просвѣщенія	43
VI. О Судахъ.	58
VII. Объ Управленіи	94
VIII. О Финансахъ.	124
IX. О Войскѣ	161
X. О тѣлесныхъ наказаніяхъ вообще.	178
XI. О начертаніи новыхъ плановъ и проэктовъ	189
XII. О редакціонныхъ коммиссіяхъ.	216
XIII. Заключеніе	220

Вмѣсто предисловія, да будетъ мнѣ позволено помѣстить записку, которая, за сорокъ лѣтъ предъ симъ, была представлена императору Александру I-му, принята и прочтена имъ съ живымъ вниманіемъ и съ истинно человѣческимъ участіемъ.

Въ началѣ я хотѣлъ только привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ сей записки: но, прочитавъ её еще разъ— теперь, послѣ столь долгаго времени, — я рѣшился помѣстить всю записку, если не для чего инаго, то по крайней мѣрѣ для доказательства: какъ свободное слово было доступно для императора Александра I-го. Отъ меня требовалось представить нѣкоторыя средства къ ограниченію злоупотребленій помѣщичьей власти. Я придумалъ что̀ могъ. Но я не удовольствовался сими средствами и высказалъ мнѣніе мое о крѣпостномъ правѣ вообще. Благородный гр. Милорадовичъ, по желанію коего записка была составлена, осыпавъ меня всякаго рода привѣтствіями и похвалами, говорилъ мнѣ, что и Государю записка весьма понравилась и приводилъ разныя подробности, доказывающія, что человѣческое чувство не преставало наполнять великую душу сего монарха. Между прочимъ гр. Милорадовичъ разсказывалъ, что прочитавъ записку,

Государь съ особенною живостію, съ нѣкоторымъ жаромъ говорилъ объ освобожденіи и показавъ ему печать, изображающую улій съ пчелами, прибавилъ: „Эта печать моей Бабушки. Слѣдуя ея девизу, какъ изъ этой записки, такъ и изъ другихъ, которыя я имѣю по этому предмету, я выберу всё что̀ есть лучшаго и непремѣнно сдѣлаю что нибудь.“

Слава Александра I-го не изчезла съ его жизнію. Напротивъ, она увеличилась и всѣ его славныя дѣла украшаются въ памяти потомства воспоминаніемъ, что великій императоръ былъ, прежде всего и свыше всего, истинно *добрымъ* человѣкомъ.

Моя записка выражаетъ мысль, которая одушевляла меня во всю мою жизнь. Я остался вѣренъ моимъ убѣжденіямъ. Мнѣнія мои никогда не перемѣнялись. Несправедливости и противозаконности, по мѣрѣ какъ онѣ коснулись только до меня самого, до меня лично, никогда не могли смутить моего духа даже и на одну минуту. Здравымъ смысломъ, логикою и закономъ отстраняя нелѣпыя обвиненія и еще болѣе нелѣпые приговоры, я указалъ на истину. Истина суха, скромна и неумолима: она рѣдко нравится. Но потому самому что истина, для меня она всего важнѣе, всего драгоцѣннѣе на свѣтѣ. Въ покоѣ съ совѣстію и честію, я продолжалъ желать и надѣяться осуществленія той мысли, которая всегда наполняла мою душу и, просто, мучила её. Мои надежды меня не обманули: мнѣ дано было дожить и быть свидѣ-

телемъ святаго дѣла освобожденія русскихъ крестьянъ. Это произшествіе есть для меня величайшее утѣшеніе, которое я могъ имѣть въ сей жизни, и укрѣпляетъ еще одну мою надежду: я надѣюсь также дожить и до уничтоженія въ Россіи тѣлесныхъ наказаній и увидѣть, что и это постыдное пятно будетъ смыто съ моей родной земли.

ЗАПИСКА 1819 ГОДА.

Нѣчто о крѣпостномъ состоянiи въ Россiи.

Россiя, какъ думаютъ многiе и какъ позволительно думать каждому, дѣлаетъ успѣхи въ просвѣщенiи.

Но въ чемъ состоитъ истинное гражданское просвѣщенiе?

Оно состоитъ въ знанiи своихъ правъ и своихъ обязанностей. Продолженiе сего разсужденiя покажетъ до какой степени просвѣщенiя, въ семъ смыслѣ, мы достигли.

Права раздѣляются на два главные рода: права политическiя и права человѣческiя.

Дворянство, купечество, мѣщанство, и даже крестьяне свободные, т. е. казенные, пользуются въ Россiи правами человѣческими, первые два класса даже отчасти и правами политическими.

Надобно ли желать разпространенiя сихъ правъ политическихъ?

Дабы по совѣсти разрѣшить вопросъ сей, надобно вспомнить, что Россiя съ горестiю взираетъ на нѣсколько милiоновъ сыновъ своихъ, которые не имѣютъ даже и правъ человѣческихъ. Всякое распространенiе политическихъ правъ дворянства было бы неминуемо сопряжено съ пагубою для крестьянъ, въ крѣпостномъ состоянiи на-

ходящихся. Въ семъ то смыслѣ власть самодержавная есть якорь спасенія для отечества нашего. Отъ нея, и отъ нея одной, мы можемъ надѣяться освобожденія нашихъ братій отъ рабства, стольже несправедливаго, какъ и безполезнаго. Грѣшно помышлять о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны не знаютъ даже и свободы естественной.

Нынѣшнее правительство Россіи ознаменовало себя въ исторіи нашего отечества тѣмъ, что оно болѣе прежнихъ помышляло объ участи крестьянъ. Уничтоженіе обыкновенія награждать государственныхъ чиновниковъ деревнями и крестьянами, дарованіе законнаго состоянія крестьянамъ Остъ-Зейскихъ губерній, пойдутъ на ряду съ славнѣйшими произшествіями въ бытописаніяхъ человѣчества.

Но будутъ ли сіи произшествія единственнымъ утѣшеніемъ душъ, любящихъ добро и справедливость? Будутъ ли сіи произшествія единственнымъ возмездіемъ за претерпѣнныя и претерпѣваемыя бѣдствія цѣлыми милліонами крѣпостныхъ земледѣльцевъ?

Нѣтъ! Вѣра въ благое провидѣніе, надежда на мудрое и народолюбивое правительство не позволяютъ намъ сомнѣваться, что наступитъ часъ радости для Россіи, когда сыны ея будутъ принадлежать всѣ ей одной, а не одинъ другому!

Съ скрѣпленнымъ сердцемъ обратимся отъ сей пріятной, но можетъ быть далекой будущности къ печальной дѣйствительности въ настоящемъ.

Вы находимъ въ Россіи 13 милліоновъ крестьянъ,

принадлежащихъ дворянамъ, разбогатѣвшимъ отъ продажи вина откупщикамъ и фабрикантамъ, которые имѣя фабрики, владѣютъ приписанными къ онымъ крестьянами на правѣ помѣщичьемъ.

Крестьяне принадлежащіе бывшимъ откупщикамъ и вообще людямъ въ купеческомъ званіи обогатившимся, не могутъ наслаждаться весьма хорошимъ положеніемъ, по простой причинѣ: владѣльцы ихъ, привыкнувъ къ большимъ барышамъ по прежнему ихъ торгу, не могутъ довольствоваться умѣреннымъ доходомъ отъ недвижимой собственности, который никогда не можетъ сравниться, при соблюденіи справедливости, съ доходомъ отъ торговли; но въ семъ случаѣ бываютъ изключенія. Нѣкоторые изъ таковыхъ помѣщиковъ, владѣя крестьянами, не забываютъ Бога, и помышляютъ о ихъ благосостояніи.

Крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ почти всѣ безъ изключенія должны находиться въ нищетѣ и въ несчастіи.

Прежнія, на ложныхъ умствованіяхъ основанныя понятія о государственномъ хозяйствѣ, извиняютъ сей порядокъ вещей. Не только у насъ, но и во всей Европѣ, правительства жертвовали прежде всѣмъ для учрежденія фабрикъ и мануфактуръ. Разлившійся свѣтъ наукъ политическихъ убѣдилъ Европу, что богатства народныя рождаются не отъ фабрикъ, а отъ свободы промышленности и торговли. Россійское правительство лучше многихъ другихъ постигло сію великую истину и приводитъ ее въ дѣйство; но слѣды ложной системы остались, и крестьяне продолжаютъ *принужденно*, безъ *добровольной*

платы, часто и совсѣмъ безъ платы, работать на фабрикахъ, которыя никому кромѣ самихъ фабрикантовъ, никакой прибыли не приносятъ.

Крестьяне помѣщичьи раздѣляются на два различные класса:

Крестьяне *оброчные* и крестьяне *пахотные*.

Дабы справедливо судить о положеніи крестьянъ, надлежитъ всегда имѣть въ виду сіе различіе.

Къ чести русскихъ помѣщиковъ и слѣдовательно къ чести русскаго характера, надлежитъ здѣсь принять въ уваженіе, что большая часть крѣпостныхъ крестьянъ находится на оброкѣ. Обыкновенно полагаютъ, что изъ 13 милліоновъ крѣпостнаго народа 8 м. находятся на оброкѣ, и только 5 м. на пашнѣ. Не нужно доказывать, что оброчные крестьяне пользуются лучшимъ состояніемъ нежели пахотные. Рѣдко случается, чтобы оброкъ былъ чрезмѣрно великъ. Рѣдко мы также видимъ, чтобы помѣщики во взысканіи оброка встрѣчали недоимки, въ особенности неоплатныя недоимки.

Россія, какъ государство юное, въ сравненіи съ пространствомъ земли еще мало населенное, представляетъ обширные способы для промышлености простаго народа. Ни въ какомъ другомъ государствѣ, выключая Сѣверную Америку, простая работа не доставляетъ такой прибыли какъ у насъ. Такимъ образомъ, съ нѣкоторымъ трудолюбіемъ — а русскій народъ трудолюбивъ — оброчный крестьянинъ всегда можетъ работою одного, двухъ или трехъ мѣсяцевъ въ году, добыть довольно денегъ, чтобы заплатить оброкъ своему помѣщику. Остальное время онъ работаетъ на себя.

Кромѣ сего, состояніе оброчнаго крестьянина улучшается еще тѣмъ, что онъ въ быту своемъ обыкновенно не чувствуетъ надъ собой едва неограниченной власти господина. Оброчныя деревни управляются старшинами, отъ самихъ крестьянъ избираемыми, крестьяне повинуются міру, а не прихотямъ помѣщика или управителя.

Дабы болѣе убѣдиться въ сей истинѣ, взглянемъ на наше законодательство въ семъ отношеніи. Всякое законодательство есть свидѣтельство нуждъ и потребностей народа или государства.

Въ нашемъ законодательствѣ мы не найдемъ никакихъ постановленій въ разсужденіи оброка; но напротивъ того найдемъ постановленія относительно работы крестьянъ на помѣщиковъ.

Императоръ Павелъ I, въ душѣ котораго таилось глубокое чувство справедливости, узаконилъ, что крестьяне обязаны работать на помѣщиковъ не болѣе трехъ дней въ недѣлю.

Изъ сего явствуетъ, что состояніе оброчныхъ крестьянъ было *сносно*, и не требовало особенныхъ узаконеній отъ правительства; между тѣмъ какъ состояніе крестьянъ пахотныхъ уже и прежде обращало на себя чадолюбивое вниманіе Государей.

Здѣсь, можетъ быть, сдѣлаютъ возраженіе, что если законодательство свидѣтельствуетъ нужды и потребности народа или государства; то въ слѣдствіе сего и самое рабство нужно и полезно, существуя не вопреки законамъ.

На сіе слѣдуетъ замѣтить, что никогда законъ не водворялъ рабства въ Россіи, что еще за 150 лѣтъ всѣ

крестьяне были свободны; что съ начала они, для порядка, котораго тогдашнее правительство не могло утвердить иными, болѣе справедливыми средствами, что для сего порядка, крестьяне были приписаны къ землѣ, но еще не отданы чрезъ то въ собственность помѣщикамъ, которымъ принадлежала одна только земля; что въ послѣдствіи сіе *приписаніе къ землѣ*, мало по малу, и совсѣмъ не по законамъ, а по праву сильнаго, обратилось въ настоящее рабство. Если же сія часть исторіи нашего отечества обработана несовершенно и не въ настоящемъ видѣ, то сіе происходитъ только отъ того, что исторію пишутъ не крестьяне, а помѣщики.

Сказавъ съ сердечнымъ удовольствіемъ нѣсколько словъ о состояніи крестьянъ оброчныхъ, что можемъ мы сказать о положеніи крестьянъ пахотныхъ? Тамъ, если мы и не находимъ того чего мы желаемъ и чего требуетъ вѣчная справедливость и достоинство человѣка; то видимъ по крайней мѣрѣ на самомъ дѣлѣ, съ одной стороны умѣренность, а съ другой нѣкоторое благосостояніе и хотя тѣнь бытія гражданскаго. Здѣсь, рабство представляется намъ во всемъ своемъ ужасѣ.

Извѣстно, что не всѣ помѣщики довольствуются тремя днями работы крестьянъ своихъ, вопреки существующему и ни чѣмъ не отмѣненному закону. Извѣстно, что многіе помѣщики сверхъ трехъ дней работы, берутъ съ крестьянъ другія подати въ натурѣ и деньгами. Извѣстно, что нѣкоторые заставляютъ крестьянъ своихъ работать не 3, а 4, 5 и даже 6 дней въ недѣлю, и въ семъ послѣднемъ случаѣ даютъ крестьянамъ такъ называемую мѣсячину,

ибо безъ сего крестьяне, не имѣя своего хозяйства, не могли бы существовать, слѣдственно и работать.

Но законъ императора Павла I-го между тѣмъ существуетъ. Но отъ чего сила сего закона остается для крестьянъ недѣйствительною? Едва ли не отъ того же, отъ чего введеніе и укорененіе рабства не обработано въ нашей исторіи достаточнымъ образомъ.

Конечно случается, что и крестьяне пахотные наслаждаются нѣкоторымъ благосостояніемъ, когда добрые помѣщики живутъ сами въ деревнѣ, съ благоразуміемъ и справедливостію разпредѣляютъ работы крестьянъ, отдѣляя каждому для обработыванія особые участки. Въ такомъ случаѣ измѣняется такъ называемая барщина, столь для крестьянъ отяготительная, и при которой количество труда и работы столь мало соотвѣтствуетъ количеству дохода, симъ трудомъ и сею работою доставляемаго. Случается также, что богатые помѣщики, имѣющіе ограниченное землепашество, требуютъ отъ крестьянъ своихъ вмѣсто 3-хъ дней 2 или даже 1 день работы въ недѣлю. Но какъ первое, такъ въ особенности послѣднее весьма рѣдко.

Если обратимъ вниманіе на уголовные процессы производимые по дѣламъ, въ коихъ помѣщики, забывая обязанности нравственныя и гражданскія, простираютъ власть свою до жестокости и тиранства въ отношеніи къ крестьянамъ; то тогда откроется, что всѣ такія дѣла возникаютъ въ деревняхъ пахотныхъ. Весьма малая часть сихъ дѣлъ доходитъ до свѣденія правительства. Большая часть преступленій сего рода покрываются на самомъ мѣстѣ послабленіемъ начальства. Кто бывалъ въ губерніяхъ

согласится, что въ каждомъ уѣздѣ найдутся помѣщики, которыхъ общее мнѣніе осуждаетъ за несправедливости и угнѣтеніе въ отношеніи къ крестьянамъ; между тѣмъ какъ поступки ихъ никогда не обращали на себя справедливой строгости начальства. Въ одной губерніи, какъ сказываютъ, нѣкоторые помѣщики ежегодно на ярмаркѣ продаютъ дѣвокъ пріѣзжающимъ туда для сего постыднаго торга азіатцамъ, которые увозятъ сихъ жертвъ беззаконности далеко отъ мѣста ихъ родины. Что же дѣлаетъ предводитель сей губерніи? Онъ, какъ говорятъ, и можетъ быть въ тоже самое время, продалъ всѣхъ танцовщицъ своего театра другому помѣщику, который своими поступками и обращеніемъ съ крестьянами болѣе и болѣе доказываетъ, что благородство души не всегда сопряжено съ высокимъ званіемъ и славнымъ именемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, начальству представляются почти непреодолимыя препятствія въ надзорѣ за дурными помѣщиками и въ защитѣ крестьянъ въ семъ случаѣ.

Обыкновенно начальство думаетъ, что оно не можетъ приступить къ пресѣченію зла иначе какъ по просьбамъ самихъ крестьянъ. Сколько же угнѣтеній, сколько несправедливостей нужно для того, чтобы подвигнуть нашихъ крестьянъ къ формальнымъ жалобамъ на помѣщика? Къ тому же и жалобы сіи возможны здѣсь въ столицѣ, гдѣ присутствіе правительства подаетъ крестьянамъ надежду на безпристрастную защиту. Въ губерніяхъ сіи жалобы почти невозможны.

Сверхъ сего, въ случаѣ сихъ жалобъ, начальство, при всемъ желаніи оградить крестьянъ отъ притѣсненія, всегда

имѣетъ въ виду, что таковыя жалобы, будучи принимаемы и удовлетворяемы, могутъ подать вредный поводъ къ безпокойству крестьянъ. И такимъ образомъ мысль о *порядкѣ* часто заглушаетъ мысль о *справедливости*.

Говоря здѣсь о начальствѣ, мы разумѣемъ начальство отъ правительства опредѣленное. На защиту предводителей дворянства, крестьяне, особенно въ губерніяхъ, мало могутъ имѣть надежды. Предводитель избирается дворянами; дворянамъ не могутъ быть пріятны жалобы на одного или нѣсколькихъ членовъ ихъ сословія; ложный *esprit de corps* скорѣе побудитъ ихъ къ несправедливости, нежели къ обвиненію ихъ собрата.

Такимъ образомъ зло остается ненаказаннымъ, невинность страждетъ отъ беззащитности, правительство не имѣетъ возможности быть равно справедливымъ ко всѣмъ вообще подданнымъ, и одна, коренная несправедливость— существованіе рабства — влечетъ за собою множество несправедливостей, которыхъ устранить невозможно, не устранивъ самой причины. Какъ въ естественномъ такъ и въ нравственномъ мірѣ однѣ и тѣже причины производятъ однѣ и тѣже дѣйствія: отъ добра родится добро; отъ зла происходитъ зло.

Къ сему присовокупить слѣдуетъ, что если бы законъ и опредѣлялъ въ полной мѣрѣ права и обязанности каждаго состоянія въ государствѣ; то сего было бы недостаточно. Законъ безъ исполненія есть мертвое слово; а дабы законъ былъ не мертвымъ словомъ, надлежитъ чтобы каждый, видя право свое нарушеннымъ, могъ свободно приносить жалобу, просить и получать удовлетвореніе.

Защитники крѣпостнаго состоянія говорятъ, что злоупотребленіе власти помѣщичьей непозволительно, и что правительство можетъ такихъ помѣщиковъ укрощать, отдавать въ опеку и тому подобное. Но гдѣ же справедливость, если человѣкъ страждущій невинно, долженъ терпѣливо ожидать, чтобы за него вступилось правительство? И какое правительство въ мірѣ можетъ соблюсти правила точной справедливости тамъ, гдѣ оно находитъ съ одной стороны всѣ права, а съ другой всѣ обязанности? Одна только святая религія можетъ утѣшить бѣднаго крестьянина въ его бѣдствіяхъ. Единому и вездѣсущему Богу можетъ онъ, въ тайнѣ сердца, приносить жалобы на несправедливость людей. Защита человѣческая, такъ какъ и все человѣческое, имѣетъ свои предѣлы, и сіи предѣлы не могутъ заключать въ себѣ правъ такихъ людей, которые никакихъ правъ не имѣютъ.

Кромѣ крестьянъ существуетъ у насъ классъ людей, который еще яснѣе носитъ на себѣ печать рабства, а именно: *дворовые люди*. Здѣсь мы узнаемъ въ полной мѣрѣ всѣ печальныя послѣдствія крѣпостнаго состоянія: ложь, обманъ, къ которымъ всегда прибѣгаетъ слабый противъ сильнаго, и наконецъ величайшая испорченность нравовъ. Дворовые люди не родятся дворовыми людьми; т. е. не родятся дурными; но дѣлаются таковыми по причинѣ того положенія, въ которомъ они возрастаютъ и старѣются.

Сіи, отъ домашняго рабства происходящія, свойства дворовыхъ людей, дѣлаютъ, можетъ быть, необходимымъ ограничиться, при улучшеніи ихъ состоянія, нѣкоторыми

вспомогательными средствами (moyens palliatifs); дѣйствительное же улучшеніе сего класса людей можетъ только распространиться на будущее поколѣніе. Трудно привыкнуть къ мысли, чтобы будущее благо могло требовать бѣдствій въ настоящемъ. Одинъ всевѣдущій Богъ знаетъ: будутъ ли сіи будущія поколѣнія. Какъ же можетъ человѣкъ, для блага неизвѣстнаго будущаго, жертвовать настоящимъ? Въ такихъ случаяхъ, гдѣ размышленія разсудка не согласны съ убѣжденіемъ нашего сердца — ибо мы не можемъ убѣдить себя въ томъ, чтобы были такіе люди, которые не созрѣли еще для справедливости,— въ такихъ случаяхъ, не довѣряя самимъ себѣ, мы предоставляемъ рѣшеніе проблемы тѣмъ, кои могутъ смотрѣть на вещи съ высшей точки зрѣнія нежели мы.

Съ таковою же недовѣрчивостію къ самимъ себѣ, мы приступимъ теперь къ означенію способовъ, которые могутъ служить хотя къ нѣкоторому облегченію участи людей въ крѣпостномъ состояніи находящихся. Мы твердо увѣрены, что души возвышенныя, не причастныя эгоизму, не найдутъ въ нашихъ сужденіяхъ ничего кромѣ стремленія къ добру и къ правдѣ; хотя впрочемъ охотно соглашаемся въ томъ, что бо̀льшая опытность, бо̀льшее знаніе людей вообще, могутъ исправить и направить къ цѣли болѣе полезной собственное наше мнѣніе.

Прежде всего слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что въ отношеніи собственно къ Россіи, всякое начало (initiative) улучшенія состоянія крестьянъ должно нисходить отъ правительства.

Въ Ост-Зейскихъ губерніяхъ сами помѣщики подали

первый поводъ къ улучшенію участи своихъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ Польскихъ губерніяхъ, такъ же помѣщики изъявили желаніе дать своимъ крестьянамъ законное существованіе.

Сего, собственно въ Россіи, никогда или по крайней мѣрѣ еще долго быть не можетъ, не потому чтобы русскіе помѣщики вообще питали въ сердцахъ своихъ менѣе чувствъ справедливости; ибо мы видимъ, что при равныхъ правахъ помѣщиковъ во всѣхъ губерніяхъ Россіи, крестьяне Великороссійскихъ губерній, къ чести русскаго дворянства, наслаждаются лучшимъ состояніемъ, нежели крестьяне Ост-Зейскіе и Польскіе; — но по причинамъ совершенно постороннимъ.

Сихъ причинъ надлежитъ искать въ различіи образа жизни помѣщиковъ великороссійскихъ, ост-зейскихъ и польскихъ.

Почти всѣ, особливо богатѣйшіе помѣщики ост-зейскихъ и польскихъ губерній живутъ въ своихъ деревняхъ, не имѣя обыкновеніемъ проводить всю жизнь въ службѣ государственной или проживать въ столицахъ. Въ губерніяхъ великороссійскихъ мы видимъ совершенно тому противное. Здѣсь большая часть помѣщиковъ и особливо богатѣйшихъ, не живетъ въ деревняхъ своихъ. Многіе даже никогда въ нихъ не бывали. Однимъ изъ доказательствъ сему служитъ то, что, какъ выше замѣчено, оброчныхъ крестьянъ болѣе нежели пахотныхъ; между тѣмъ какъ извѣстно, что въ оброчныхъ деревняхъ обыкновенно не живутъ сами помѣщики. Другое доказательство можно видѣть въ выборахъ дворянскихъ, сравнивъ

выбираемыхъ дворянъ для различныхъ должностей въ нашихъ губерніяхъ, съ тѣми, которые выбираются для сихъ должностей въ польскихъ и особенно въ ост-зейскихъ губерніяхъ.

Изъ сего явствуетъ, что лучшая часть россійскаго дворянства, говоря вообще, не та, которая живетъ въ деревняхъ своихъ, хотя впрочемъ между сими послѣдними находятся люди, всякаго уваженія заслуживающіе.

Послѣ сего, какимъ же образомъ можно ожидать отъ дворянства начала предложеній (initiative) объ улучшеніи состоянія крестьянъ, когда большая, и говоря вообще и безъ обиды для всѣхъ, лучшая часть сего дворянства, не живетъ съ своими крестьянами, не можетъ знать ихъ потребностей, не знаетъ даже въ точности дѣйствительнаго ихъ положенія, и еще менѣе средствъ къ улучшенію онаго?

Можно не ошибаясь сказать, что многіе изъ помѣщиковъ русскихъ не только что не боятся мысли о свободѣ крестьянъ своихъ, но напротивъ того приступили бы къ святому дѣлу охотно, если бы имѣли къ тому поводъ и возможность. Въ семъ даже сомнѣваться нельзя безъ обиды для дворянскаго сословія. Да и можно ли съ основательностію предполагать, чтобы люди, жертвуя собою отечеству на поприщѣ гражданскомъ и военномъ, оказались невѣрными тому же самому отечеству, когда бы оно, въ лицѣ высокаго своего представителя, съ довѣренностію предложило имъ воздвигнуть къ новой жизни ихъ падшихъ собратій, а его сыновъ, сыновъ той же великой и вѣчной Россіи! И такъ согласимся въ томъ, что одно

только правительство можетъ приступить къ улучшенію жребія крестьянъ. Люди благомыслящіе и знающіе всю прелесть чувства: *исполненія обязанности* могутъ и должны въ семъ случаѣ содѣйствовать благимъ намѣреніямъ правительства и требованіямъ отечества.

Не зная и не смѣя угадывать намѣреній правительства на счетъ общаго освобожденія крестьянъ, можно однакоже быть увѣрену, что оно будетъ предпринимать всѣ возможныя по обстоятельствамъ мѣры къ достиженію сей благотворной цѣли. Духъ справедливости ознаменовавшій наше правительство въ глазахъ цѣлой Европы, позволяетъ ожидать, что еще въ настоящее царствованіе, столь славное многими побѣдами, совершится славнѣйшая побѣда справедливости надъ несправедливостью, просвѣщенія надъ варварствомъ, свѣта надъ тьмою.

Такимъ образомъ позволительно намъ, частнымъ людямъ, помышлять о благѣ нашихъ соотечественниковъ и объ отстраненіи самыхъ печальныхъ и вопіющихъ на небо злоупотребленій, предоставляя правительству избирать лучшія и успѣшнѣйшія къ тому средства.

Главнѣйшія изъ сихъ злоупотребленій состоятъ въ изнуреніи крестьянъ тяжкою работою, въ продажѣ ихъ поодиночкѣ, въ жестокости обращенія.

1. Изнуреніе работою.

Средства представляющіяся здѣсь къ улучшенію состоянія крестьянъ весьма недостаточны, въ сравненіи съ

массою существующаго зла. Такъ какъ права помѣщиковъ на самомъ дѣлѣ весьма обширны и разнообразны, то надлежитъ при избраніи сихъ средствъ изслѣдовать не можетъ ли ограниченіе одного права побудить помѣщика инымъ образомъ достигнуть его цѣли. Однакожь во всякомъ случаѣ весьма полезно было бы, еслибъ былъ подтвержденъ законъ императора Павла 1-го о трехъ-дневной работѣ, къ чему можно присовокупить, что крестьянинъ работающій три дня въ недѣлю не обязанъ сверхъ сего помѣщику никакими другими повинностями, ни платою оброка и никакими сборами.

Сверхъ сего слѣдуетъ постановить, что дѣти до 10 или 12 лѣтъ не должны быть принуждаемы ни къ какой работѣ на помѣщика.

Прежде малолѣтные и оставались въ покоѣ; но нынѣ пагубное обыкновеніе заводить фабрики, даже въ губерніяхъ плодородныхъ, побудило помѣщиковъ обращать дѣтей обоего пола къ работѣ на фабрикахъ, изнуряющей ихъ силы физическія и нравственныя.

Вообще же весьма полезно было бы опредѣлить: чтобы помѣщики, въ началѣ каждаго года, подавали предводителю объявленія о повинностяхъ всякаго рода, коими обязаны ихъ крестьяне.

Таковыя объявленія можно бы подвергнуть сужденію предводителя обще съ начальникомъ губерніи; можно бы ихъ читать по церквамъ для свѣденія крестьянъ; въ особенности полезно было бы, если бы начальники губерній составляя по особой формѣ вѣдомости изъ сихъ объявленій, провождали сіи вѣдомости въ министерство внутрен-

нихъ дѣлъ, гдѣ по составленіи общихъ вѣдомостей, все сіе могло бы быть предаваемо тисненію. Такимъ образомъ общее мнѣніе содѣлалось бы судьею добрыхъ и недобрыхъ помѣщиковъ. Многія несправедливости существующія нынѣ потому только что онѣ остаются неизвѣстными, тогда совершенно бы изчезли. Гласность (publicité) всегда бываетъ уздою для порока и защитою для невинности.

2. Продажа людей по одиночкѣ.

Хотя зло сіе и существуетъ еще въ сильной степени, нельзя однакоже не согласиться, что новѣйшіе законы на сей предметъ изданные, имѣли полезное дѣйствіе, положивъ различныя препятствія сему ненавистному торгу. Извѣстно, что прежде, лѣтъ за 40 предъ симъ, торгъ сей простирался до того, что даже въ Петербургъ привозили людей цѣлыми барками для продажи. Въ дополненіе къ существующимъ нынѣ законамъ о продажѣ людей, весьма полезно было бы запретить совершенно всякую продажу людей, иначе какъ цѣлыми селеніями. Вмѣстѣ съ симъ надлежало бы постановить, что и за казенныя взысканія люди продаваемы быть не могутъ; или, что̀ еще лучше, такихъ людей, кои по казеннымъ взысканіямъ должны быть подвергаемы продажѣ съ публичнаго торга, отпускать на волю; казнѣ же зачитать за нихъ по взыскиваемой суммѣ положенныя рекрутскія деньги. Сіе иногда и дѣлается, въ особенности когда дѣла доходятъ до разсмотрѣнія государственнаго совѣта. Но между тѣмъ слу-

чается, что люди по казеннымъ взысканіямъ продаются съ публичнаго торга.

Говоря о продажѣ нельзя умолчать о покупкѣ. Право владѣнія людьми не опредѣлено достаточнымъ образомъ. Но и существующія на сей предметъ узаконенія остаются безъ дѣйствія покупкою людей на чужое имя. Мы видимъ, что крѣпостные люди принадлежатъ иногда такимъ лицамъ,которыя и законнаго права на сіе не имѣютъ. Напримѣръ въ Астрахани многіе купцы магометанскаго исповѣданія покупаютъ дѣвокъ, приживаютъ съ ними множество дѣтей и обращаютъ сихъ послѣднихъ въ совершенное рабство. Мы видимъ, что человѣкъ дослужившійся до офицерскаго чина, покупаетъ даже на свое имя людей и получаетъ отъ нихъ доходъ, отдавая ихъ въ услуженіе и тому подобное. Отъ сего то произошло множество людей приписанныхъ къ домамъ, и здѣсь узнаемъ мы степень рабства еще ужаснѣйшую той, на которой находятся крѣпостные крестьяне.

Весьма справедливо было бы, если бы законъ, сверхъ запрещенія продавать людей по одиночкѣ, о чемъ выше упомянуто, именно постановилъ: что человѣкъ не имѣющій недвижимой собственности, въ деревняхъ заключающейся, не можетъ ни подъ какимъ предлогомъ покупать людей и владѣть ими. Такимъ постановленіемъ не было бы нарушено и то право, — если впрочемъ сіе выраженіе здѣсь прилично, — которое пріобрѣтаютъ дослужившіеся до дворянскаго званія владѣть людьми. Сіе право, даже и по разуму законодательства, болѣе относится къ владѣнію деревнями, нежели къ владѣнію людь-

ми безъ земли. Но и здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что недовольно одного запрещенія закономъ изрѣкаемаго. Надлежитъ, чтобы законъ опредѣлялъ и послѣдствія, которыя каждый противный ему поступокъ неминуемо имѣть долженъ.

Такимъ образомъ въ семъ случаѣ законъ долженъ опредѣлить, что каждый человѣкъ, проданный или купленный или закабаленный не согласно съ симъ закономъ чрезъ сіе самое дѣлается свободнымъ. Присутственнымъ же мѣстамъ надлежитъ постановить въ обязанность, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія объявлять такихъ людей свободными, коль скоро они представятъ ясное доказательство неправильной продажи, покупки или кабалы.

Нельзя здѣсь умолчать о томъ благотворномъ узаконеніи, которое за нѣсколько лѣтъ предъ симъ состоялось по мнѣнію государственнаго совѣта, и по которому люди отыскивающіе свободы, въ случаѣ неправильности ихъ иска, не отдаются назадъ помѣщикамъ, но остаются вольными; сами же помѣщики получаютъ въ замѣну сего отъ правительства рекрутскія квитанціи. Сіе узаконеніе осчастливило уже нѣсколько семействъ.

Вмѣстѣ съ запрещеніемъ продавать людей по одиночкѣ, весьма было бы полезно запретить, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, отдѣлять крестьянъ отъ земли, брать во дворъ и тому подобное. Для дѣйствительнаго же исполненія сего закона и здѣсь опредѣлить: что всякій крестьянинъ взятый отъ земли, чрезъ сіе самое дѣлается свободнымъ, и присутственныя мѣста обязаны таковымъ его признавать, безъ дальнѣйшихъ справокъ и изслѣдованій.

3. Дурное обращеніе съ людьми.

Въ правѣ господъ наказывать крѣпостныхъ людей по собственному усмотрѣнію или произволу — въ семъ случаѣ сіи два слова имѣютъ одинаковое значеніе, — въ семъ такъ называемомъ правѣ находимъ мы корень всему злу.

Всѣ постановленія ко благу крестьянъ клонящіяся, должны болѣе или менѣе оставаться недѣйствительными покуда право наказанія останется въ одномъ и томъ же видѣ. Можетъ ли крестьянинъ сослаться на милость закона, когда помѣщикъ можетъ подъ разными предлогами, силою того же закона, подвергнуть его строгому, жестокому наказанію?

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, Остъ-Зейскихъ и Польскихъ, было узаконено, что помѣщикъ не можетъ дать виновному крестьянину болѣе 15 ударовъ палочныхъ. Извѣстно какъ поступали нѣкоторые безсовѣстные помѣщики въ семъ случаѣ: они давали не болѣе 15 ударовъ; но повторяли сіе нѣсколько разъ въ теченіе краткаго времени.

Но сіе, хотя весьма важное затрудненіе оградить личность крѣпостныхъ людей, позволяетъ ли предоставить участь ихъ произволу судьбы, произволу помѣщиковъ? Нѣтъ конечно! Надобно стремиться къ благой цѣли, хотя и безъ надежды достичь ея: „Fais ce que dois, advienne que pourra.“

Но всякому благому дѣлу Провидѣніе помощникъ; и тогда когда человѣкъ отчаевается въ благомъ успѣхѣ, оно, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, низпосылаетъ и успѣхъ и силу къ дальнѣйшему преуспѣянію во благѣ.

И такъ въ разсужденіи наказаній надлежитъ изыскивать средства къ возможному огражденію личности крѣпостныхъ людей.

Въ разсужденіи дворовыхъ людей въ городахъ живущихъ, слѣдуетъ совершенно запретить всякое домашнее наказаніе, предоставивъ сіе изключительно начальству полицейскому. Наказанный же самимъ помѣщикомъ вопреки сему узаконенію, чрезъ то самое, по выше объясненнымъ причинамъ, долженъ быть объявленъ свободнымъ. Въ семъ случаѣ нельзя однакоже сдѣлать изъ полицейскихъ чиновниковъ и служителей слѣпыхъ исполнителей произвола господъ. Достоинство правительства и самая справедливость требуетъ, чтобы полицейское начальство хотя нѣсколько входило въ разсмотрѣніе вины осуждаемаго, и сообразно оной опредѣляло наказаніе. Въ разсужденіи крѣпостныхъ людей, какъ дворовыхъ такъ и крестьянъ, въ деревняхъ живущихъ, надлежитъ, хотя съ скрѣпленнымъ сердцемъ, опредѣлить мѣру наказанія, число ударовъ и количество времени, въ которое они могутъ быть даны; постановить вмѣстѣ съ симъ, чтобы каждое наказаніе съ означеніемъ вины, было записываемо въ особую книгу; надлежитъ также опредѣлить самыя вины, за которыя помѣщикъ можетъ наказывать своихъ людей, предоставивъ другія вины вѣдомству и сужденію мѣстнаго начальства.

И сіи, столь далекія отъ совершенства, узаконенія были бы благодѣяніемъ для народа, — и когда же? въ 19-е столѣтіе послѣ рожденія Того, который, искупивъ

людей своею кровію, заповѣдалъ имъ любить другъ друга и добро творить ненавидящимъ насъ.

Для введенія хотя нѣкотораго порядка въ семъ хаосѣ произвола и самоуправства, можетъ быть весьма нужно было бы учредить сельскіе суды. Но таковое учрежденіе въ отношеніи къ крестьянамъ помѣщичьимъ, встрѣчаетъ непреодолимыя препоны, тѣмъ болѣе, что мы не видимъ подобныхъ установленій въ пользу крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ.

Здѣсь не излишне будетъ обратить вниманіе на заблужденіе, въ которомъ находятся многіе благонамѣренные люди, что будто бы крестьяне казенные и удѣльные находятся вообще въ худшемъ положеніи нежели крестьяне помѣщичьи. Сіе совершенно несогласно съ доказательствами опыта. *Богатыхъ крестьянъ* конечно болѣе между помѣщичьими нежели между другими крестьянами. Сіе происходитъ отъ того, что казенные крестьяне имѣютъ болѣе способовъ выписываться изъ крестьянскаго званія; а также и отъ того, что у добрыхъ и при томъ весьма богатыхъ господъ, крестьяне, неся повинности не превышающія повинностей крестьянъ казенныхъ, пользуются большею защитою, болѣе истинно отеческимъ управленіемъ, нежели сіи послѣдніе. Въ числѣ казенныхъ крестьянъ одни только арендные не могутъ быть въ ихъ благосостояніи сравнены съ господскими. Общее же благосостояніе существуетъ въ высшей степени между крестьянами казенными, нежели между помѣщичьими, и мы убѣдимся, что сіе не можетъ быть иначе, когда вспомнимъ, что самый незначущій чиновникъ, отъ правительства опредѣленный,

имѣетъ въ вѣденіи своемъ тысячи крестьянъ; слѣдовательно даже и самыя беззаконныя дѣянія такого чиновника, разпространяясь на большое число людей, чрезъ сіе самое дѣлаются менѣе обременительными.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что кромѣ предлагаемыхъ дополненій къ существующему законодательству, при невозможности учредить селькіе суды, остается одно только главное средство къ улучшенію состоянія крѣпостныхъ людей, и сіе средство состоитъ въ ближайшемъ и болѣе успѣшномъ надзорѣ со стороны правительства.

Сей надзоръ въ каждой губерніи всего удобнѣе поручить особому чиновнику въ качествѣ комиссара министерства внутреннихъ дѣлъ.

Обязанностію сего чиновника будетъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы существующія узаконенія относительно крестьянъ были исполняемы въ точности.

Крестьянамъ слѣдуетъ позволить обращаться къ сему чиновнику съ справедливыми жалобами.

Сіи жалобы, съ мнѣніемъ коммиссара, разсматриваются губернаторомъ и предводителемъ дворянства. Изъ губернатора, губернскаго предводителя дворянства и изъ комиссара министерства внутреннихъ дѣлъ, можно составить, подъ предсѣдательствомъ перваго, особый комитетъ

Сей комитетъ долженъ разсматривать представляемыя дѣла отъ комиссара. Если встрѣтятся жалобы отъ крестьянъ, заслуживающія уваженія; то комитетъ можетъ наряжать слѣдствія и если по слѣдствію окажется, что помѣщикъ дѣйствительно преступилъ предѣлы своей власти или употребилъ оную во зло; то тогда дворянскій пред-

водитель принимаетъ по существующему порядку мѣры къ огражденію крестьянъ отъ притѣсненія, къ опредѣленію опеки надъ помѣщикомъ и такъ далѣе.

Въ сей же комитетъ вносятся предводителемъ объявленія помѣщиковъ о родѣ и количествѣ повинностей, подавамыя ежегодно и о которыхъ упомянуто выше. Сіи объявленія разсматриваются въ комитетѣ. Если комитетъ найдетъ въ повинностяхъ что либо противное узаконеніямъ; то сносится, посредствомъ предводителя, съ помѣщикомъ назначившимъ такія повинности; и если убѣжденія предводителя останутся безуспѣшными; то въ такомъслучаѣ комитетъ немедленно приступаетъ къ исполненію закона: уменшеніемъ ли повинностей, или отдачею имѣнія въ опеку.

Комитетъ обязанъ обращать особенное вниманіе на тѣ имѣнія, въ коихъ не живутъ сами помѣщики и которыя управляются управителями, бурмистрами и проч.

Комиссаръ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ представленныхъ предводителемъ объявленій, дѣлаетъ общую вѣдомость по данной формѣ и препровождаетъ оную въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Комиссаръ освѣдомляется самъ о состояніи помѣщичьихъ крестьянъ, особенно тѣхъ, кои управляются опекою и опекунами.

Комиссаръ долженъ имѣть при себѣ двухъ или трехъ канцелярскихъ чиновниковъ.

Комиссаръ самъ собою не сносится ни съ кѣмъ въ губерніи, кромѣ самихъ крестьянъ. Всѣ другія его сношенія съ мѣстами и лицами должны производиться посредствомъ комитета.

Въ семъ комитетѣ комиссаръ представляетъ интересы крестьянъ; предводитель интересы дворянства; губернаторъ интересы правительства, которое желаетъ только быть безпристрастнымъ и справедливымъ.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, вѣдомости получаемыя отъ комиссаровъ изъ всѣхъ губерній, должны быть приводимы въ систематическій сводъ. Всѣ сіи свѣденія не нужно держать въ тайнѣ. Напротивъ того надлежитъ публиковать оныя или въ отчетахъ министерскихъ или инымъ образомъ.

Вообще весьма нужно и полезно было бы допустить разсужденія въ журналахъ и въ книгахъ, относительно крѣпостнаго состоянія и способовъ улучшенія онаго; съ тѣмъ однакоже, чтобы сіи разсужденія, согласно съ правилами цензурнаго устава, были излагаемы съ умѣренностію и приличіемъ.

Комиссары должны быть назначаемы самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ людей, на коихъ онъ можетъ возложить свою довѣренность. Они, для предупрежденія всякаго низкаго поползновенія къ злоупотребленіямъ, должны быть въ полной мѣрѣ обеспечены со стороны ихъ содержанія.

Если издержки на сіе потребныя были бы обременительны для казначейства, то можно бы обложить крестьянъ помѣщичьихъ особою для сего податью; хотя конечно несравненно приличнѣе было бы, еслибъ правительство приняло на себя сіи издержки.

Въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ можно опредѣлить особыхъ чиновниковъ или даже составить осо-

бую канцелярію или департаментъ, который будетъ имѣть единственною обязанностію наблюдать за комиссарами, составлять общія вѣдомости о повинностяхъ во всѣхъ губерніяхъ и излагать въ ежегодныхъ отчетахъ настоящее существо всего дѣла, средства къ улучшенію участи крестьянъ и тому подобное.

Комиссаръ и вообще всѣ три члена комитета обращаютъ особенное вниманіе на то, чтобъ повинности, несомыя крестьянами, ни въ какомъ случаѣ не могли превышать тѣхъ, кои показаны въ объявленіи помѣщикомъ поданномъ.

Въ случаѣ если поступокъ помѣщика очевидно противенъ существующимъ установленіямъ, на примѣръ, если помѣщикъ продалъ отдѣльно крестьянина, взялъ во дворъ, усилилъ мѣру наказанія свыше опредѣленной закономъ, то въ такихъ случаяхъ комитетъ требуетъ отъ надлежащаго судебнаго мѣста безотлагательнаго объявленія таковаго крестьянина, по силѣ закона, свободнымъ.

Дабы таковое дарованіе свободы могло быть дѣйствительно полезно, надлежитъ, чтобы благость закона разпространялась въ семъ случаѣ не на одного того, кто претерпѣлъ наказаніе или кто былъ жертвою беззаконнаго поступка своего господина, но также и на ближайшихъ его родственниковъ: отца, дѣтей и жену.

Правительство усматривая изъ составленныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вѣдомостей, благородство души нѣкоторыхъ помѣщиковъ, конечно съ удовольствіемъ изъявитъ имъ свое благоволеніе, и при встрѣчающихся просьбахъ къ правительству отъ таковыхъ помѣщиковъ, будетъ удовлетворять оныя предпочтительно другимъ.

Для комиссаровъ надлежитъ составить особенную инструкцію. Вообще же, судя по опытности, свѣденіямъ и просвѣщенію нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, можно съ увѣренностію предполагать, что все сіе дѣло можетъ, въ рукахъ его, воспріять успѣшное теченіе.

Здѣсь изложены только нѣкоторые способы, и при томъ въ слабыхъ чертахъ, къ отстраненію самыхъ явныхъ недостатковъ теперешняго порядка вещей. Люди съ большею опытностію и особливо съ лучшими дарованіями, могутъ придумать другія къ сему средства, болѣе успѣшныя, болѣе благодѣтельныя въ послѣдствіяхъ.

Упомянемъ теперь о средствахъ, такъ сказать, коренныхъ, къ прочному основанію законнаго состоянія крестьянъ помѣщичьихъ.

По сіе время мы имѣемъ только одно такое средство, которое состоитъ въ обращеніи крестьянъ въ *свободные хлѣбопашцы.*

Узаконеніе о вольныхъ хлѣбопашцахъ, конечно весьма благодѣтельное, имѣетъ однакоже свои недостатки, состоящіе въ совершенной неопредѣлительности способовъ дарованія крестьянамъ свободы, и отношеній долженствующихъ существовать между помѣщикомъ и свободными хлѣбопашцами.

Недавно одинъ помѣщикъ, желая даровать крестьянамъ свободу оставивъ землю за собою, не зналъ какъ сіе можно сдѣлать. Тогда онъ обратился съ представленіемъ къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ. Намъ неизвѣстенъ отвѣтъ министра; но можно предполагать, что онъ не могъ дать другаго отвѣта, какъ сослаться на уза-

коненіе о вольныхъ хлѣбопашцахъ, которое было уже тому помѣщику извѣстно и которое именно, по недостаточности своей, побудило помѣщика искать новыхъ способовъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Правительство могло бы издать *полныя правила*, по коимъ помѣщики могли бы обращать крестьянъ въ вольныхъ хлѣбопашцевъ.

Сіи правила, ограждая выгоды крестьянъ, должны оградить и выгоды помѣщиковъ и предоставить какъ крестьянамъ такъ равно и помѣщику, законные способы и возможность искать и получать удовлетвореніе, скорое и полное, во взаимныхъ ихъ жалобахъ и неудовольствіяхъ.

Въ семъ предполагаемомъ новомъ устройствѣ вольныхъ хлѣбопашцевъ, правительство могло бы взять на себя большую часть обязанностей помѣщиковъ въ отношеніи къ крестьянамъ, какъ то: управленіе ими, разборъ ихъ взаимныхъ споровъ, дѣлъ и такъ далѣе. Помѣщикъ же, удержавъ за собою собственность земли, заключалъ бы съ живущими на ней крестьянами, добровольныя условія, которыя состояли бы подъ защитою и покровительствомъ правительства. Тогда нужно было бы опредѣлить точнѣе право перехода крестьянъ съ одного мѣста на другое, право, которымъ наши крестьяне конечно не воспользуются безъ крайней нужды, потому что привязанность къ мѣсту рожденія, свойственная вообще всѣмъ людямъ, свойственна нашимъ крестьянамъ даже до суевѣрія. Мы видимъ чего стоитъ помѣщику заставить крестьянъ строить домы въ иномъ порядкѣ; видимъ съ какими

несравненно большими затрудненіями сопряжено переселеніе крестьянъ изъ одной губерніи въ другую даже плодороднѣйшую. Право перехода крестьянъ представляетъ дѣйствительное затрудненіе только въ собираніи подушнаго налога. Но надобно надѣяться, что при теперешнемъ духѣ управленія финансовою частію, отличающемся здравыми идеями о свойствѣ и источникахъ богатствъ народныхъ, надобно надѣяться, что сей налогъ, несогласный съ правилами государственнаго хозяйства, будетъ замѣненъ другимъ налогомъ, болѣе сообразнымъ и съ духомъ времени и съ нуждами государственными.

Наконецъ представимъ здѣсь наше мнѣніе о гласности (publicité) въ отношеніи крѣпостнаго состоянія крестьянъ. Въ прошломъ 1818-мъ году, въ двухъ здѣшнихъ журналахъ было говорено, въ одномъ противъ, въ другомъ въ пользу крѣпостнаго состоянія. Сколь ни поверхностны понятія публики о семъ предметѣ, однакоже можно было тогда замѣтить, что общее мнѣніе, по крайней мѣрѣ по наружности, болѣе клонилось на сторону того журнала, который былъ противъ рабства. Даже самые закоренѣлые защитники крѣпостнаго состоянія совѣстились публично защищать мнѣніе журнала въ ихъ смыслѣ писавшаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что благонамѣренныя и пристойныя сужденія о предметахъ сего рода въ журналахъ и въ книгахъ, могли бы принести великую пользу; вреда же никакого, какъ потому что читатели состоятъ изъ людей не принадлежащихъ къ крѣпостному состоянію, такъ особенно, потому что обнаруженіе таковыхъ истинъ, и обнаруженіе скромное и безпристрастное, никогда никакого

вреда причинить не можетъ: такъ какъ лучи солнца не вредятъ темнотѣ нощной, хотя конечно тьма изчезаетъ предъ свѣтомъ.

Правительство оказало бы великое благодѣяніе, позволяя, согласно уставу о цензурѣ, и даже одобряя публичныя сужденія о предметахъ до блага общаго касающихся.

Въ заключеніе всего нельзя не замѣтить, съ особеннымъ удивленіемъ, участи, которую, въ послѣдствіе вѣковъ, имѣлъ простой народъ русскій. Въ европейскихъ государствахъ существовавшее рабство произошло отъ завоеванія: варвары награнули на Европу, воспользовались правомъ побѣдителей и изъ побѣжденныхъ сдѣлали рабовъ. Напротивъ того въ Россіи, Татары покорили свободныхъ нашихъ предковъ; народъ русскій свергъ съ себя постыдное и долго томившее его иго. Въ сіе время не было рабовъ въ Россіи. Наконецъ уже, когда Россія начала возрастать въ силѣ и могуществѣ, недальновидность и особенно невыгодныя обстоятельства ея правителей, на примѣръ Годунова и Шуйскаго, положили первое основаніе рабству, и притомъ случилось, что побѣжденные т. е. Татары остались свободными, и многіе изъ нихъ вступили въ сословіе дворянъ; а большая часть побѣдителей, т. е. большая часть кореннаго народа русскаго, была порабощена. Послѣ того иностранцы различныхъ націй европейскихъ и азіатскихъ, всѣ вступали въ составъ дворянства и купечества; а Русскіе, въ большомъ количествѣ, оставались и остаются въ неволѣ!

28 Декабря 1819.

I.

Съ обновленіемъ Италіи и съ преобразованіемъ Австріи, осталось въ Европѣ два государства чисто монархическія: деспотическая Турція и самодержавная Россія.

Имперія турецкая давно уже клонится къ паденію. Удары нанесенные ей въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіи Россіею много способствовали къ ослабленію Турціи, и такъ какъ все гибельное для Турокъ полезно для подвластныхъ имъ христіанъ; то въ семъ отношеніи Россія, ограничивая и укрощая владычество магометанъ, дѣйствовала въ пользу общей христіанской, человѣческой образованности и тѣмъ пріобрѣтала право на признательность просвѣщеннаго міра.

Европейскіе кабинеты, почитая необходимымъ сохранить Турцію въ выгодахъ такъ называемаго политическаго равновѣсія, искали средствъ къ сему въ нѣкоторыхъ коренныхъ преобразованіяхъ государственныхъ и Порта, по совѣту ихъ, неоднократно издавала хартіи,

гатъ-гамаюны и т. д. коими даровались различныя права ея подданнымъ христіанскаго исповѣданія.

Таковыя преобразованія всегда оставались и должны были оставаться совершенно безуспѣшными. Турки, столь мало способные для преобразованія самихъ себя, еще менѣе способны къ преобразованію подвластныхъ имъ христіанъ; и послѣ многихъ свидѣтельствъ опыта, въ продолженіе послѣднихъ годовъ, едва ли найдется во всей Европѣ кто либо изъ людей просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ съ надеждою на успѣхъ всѣхъ затѣйливыхъ турецкихъ реформъ, гатъ-гамаюновъ, танзиматовъ и пр. и пр.

Но политика кабинетовъ имѣетъ свою совѣсть, т. е. свои виды, свои цѣли. Она желаетъ продолженія теперешняго statu quo, опасаясь неизвѣстнаго будущаго и по сему она продолжаетъ толковать о преобразованіи Турокъ и Турціи, о введеніи въ ней уставнаго правительства, какъ о единственномъ якорѣ спасенія для всѣхъ государствъ страждущихъ отъ внутреннихъ безпорядковъ, отъ дурнаго законодательства, отъ дурнаго управленія, государствъ, гдѣ самовластіе замѣняетъ законъ.

По общему мнѣнію континентальной Европы, англійскій кабинетъ преимущественно и болѣе всѣхъ прочихъ упорствуетъ въ этомъ неловкомъ и печальномъ покровительствѣ Турціи, которое столь рѣзко отражается бѣдствіями и гибелью для турецкихъ христіанъ. Это возбудило въ душѣ многихъ честныхъ и здравомыслящихъ людей сильное негодованіе противъ политики англійскаго правительства.

Еслибы дѣло шло только объ англійскомъ кабинетѣ, объ англійскихъ министрахъ и посланникахъ, тутъ не было бы ничего особенно замѣчательнаго или новаго: политика европейскихъ кабинетовъ вообще мало заботится о правилахъ чести, совѣсти, нравственности, справедливости. Не смотря на высокую степень образованности, до которой достигла нынѣ Европа, вездѣ существуютъ еще двѣ морали: одна для людей частныхъ, другая для кабинетовъ. Одинъ и тотъ же человѣкъ, неспособный солгать, обмануть въ качествѣ частнаго человѣка, иногда сочтетъ, будучи министромъ, долгомъ патріота и солгать и обмануть, и даже ограбить и убить.

Но дѣло не останавливается на кабинетѣ. Стремленіе сохранить Турцію и сохранить, за неимѣніемъ другихъ средствъ, несбыточными реформами политическими, отъ министровъ перешло въ убѣжденіе англійскаго народа; такъ что вопли и стенанія бѣдныхъ турецкихъ христіанъ обращаются къ самому англійскому народу и бѣдствія ими претерпѣваемыя падаютъ на его голову.

Какъ же сообразить и истолковать, что народъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ проливалъ кровь свою и истощалъ свои сокровища за свободу Европы, народъ, который, первый изъ всѣхъ народовъ, пожертвовалъ нѣсколько милліоновъ для освобожденія Негровъ въ своихъ колоніяхъ и продолжаетъ тратить огромныя суммы для прекращенія торговли невольниками, народъ, который ежегодно тратитъ еще милліоны для разпространенія по всему міру библіи, народъ, гдѣ всякое доброе дѣло, доброе предпріятіе неминуемо встрѣчаетъ участниковъ и по-

мощниковъ, народъ, который еще на сихъ дняхъ ознаменовалъ свою гражданскую доблесть рѣшившись воздвигнуть памятникъ Кавуру, этому Италіанцу, въ которомъ честные люди всѣхъ земель видятъ самаго близкаго земляка по сердцу и по душѣ, — какъ такой народъ остается равнодушнымъ при видѣ гибнущихъ христіанъ, глухимъ при ихъ вопляхъ и воззваніяхъ?

Недоумѣніе изъясняется, какъ намъ кажется, тѣмъ положеніемъ, въ коемъ англійскій народъ находитъ себя въ отношеніи къ прочимъ народамъ Европы.

Почти всѣ континентальные государства и народы имѣютъ каждый свою особенную политику во взаимныхъ ихъ между собою отношеніяхъ. Въ одномъ углу Европы одинъ народъ хочетъ освободиться отъ другаго, коему онъ подвластенъ. Въ другомъ мѣстѣ одно государство ищетъ пріобрѣсти, завоевать нѣкоторыя провинціи сосѣдняго государства. Въ иномъ углу народъ, раздѣленный на части, подвластный различнымъ правительствамъ, желаетъ соединиться въ одно цѣлое, между тѣмъ какъ такое соединеніе не нравится не только симъ различнымъ правительствамъ, но и нѣкоторымъ другимъ государствамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наконецъ народы стремятся вырвать изъ рукъ правительства извѣстныя права, кои они почитаютъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Всѣ сіи различные, многосложные виды, стремленія, неминуемо отражаются въ политикѣ каждаго континентальнаго кабинета и отражаются такъ, что каждый изъ нихъ, помышляя прежде всего о собственныхъ своихъ выгодахъ, не преминетъ предпочесть сихъ послѣднихъ общему

благу Европы, когда общее благо будетъ не-согласно съ сими собственными выгодами. Послѣ сего удивительно ли, что общее благо Европы, т. е. благо человѣчества, еще такъ мало объяснилось и выработалось въ понятіяхъ людей? Удивительно ли, что каждое особенное государство, каждый народъ изъясняетъ сіе общее благо по своему, т. е. подчиняя его собственнымъ своимъ, иногда преступнымъ, почти всегда скареднымъ интересамъ?

Между тѣмъ Англія находитъ себя непричастною сему печальному хаосу понятій о правѣ, о пользѣ, о выгодахъ государствъ и народовъ. Всѣ ея слабыя стороны, скажемъ просто всѣ ея грѣхи — внѣ Европы. Она грѣшила встарину у себя дома, въ Ирландіи; она грѣшила и много, и, можетъ быть, продолжаетъ грѣшить въ Индіи. Но нынѣ, предъ Европою, совѣсть ея чиста. Въ Европѣ Англія всего болѣе желаетъ правильности и свободы въ международныхъ сношеніяхъ государствъ, для выгодъ своей огромной промышлености и торговли. Конечно и европейская политика Англіи основывается прежде всего на собственныхъ ея выгодахъ; но обстоятельства ея таковы, что сіи выгоды состоятъ въ сохраненіи мира и спокойствія Европы, въ преуспѣяніи европейской образованности.

Все это Англичане понимаютъ и чувствуютъ инстинктивно. Въ отношеніи къ Европѣ миръ и тишина суть главныя потребности англійской политики. Для сохраненія сего мира и сей тишины Англія готова на всякія мѣры, и иногда на такія, кои, не касаясь самихъ англи-

чанъ, давятъ и попираютъ самыя священныя права человѣческія, какъ это теперь случается съ несчастными христіанами въ Турціи.

Зло тутъ очевидно. Но оно изъясняется, если не извиняется, самымъ положеніемъ англійскаго народа. Привыкнувъ жить, дышать и дѣйствовать въ полной свободѣ, для англичанина деспотизмъ нѣкоторыхъ континентальныхъ государствъ мало различествуетъ отъ деспотизма турецкаго. Въ ужасной рѣзнѣ Дамасской и Либанской онъ находитъ сходство съ рѣзнею въ Галиціи: и въ той и въ другой участвовали „власти предержащія.“ Въ Индіи Англичане привязывали Индейцевъ къ пушкамъ и изтребляли ихъ пушечными выстрѣлами. Но это было въ Индіи: Англичане думаютъ, что Европѣ нѣтъ дѣла до Индіи. Если они чего либо ожидали отъ Европы, во время послѣднихъ возмущеній въ Индіи, то это ея живаго соучастія къ погибавшимъ жертвамъ ожесточенія Сипоевъ и остались убѣжденными, что Европа вполнѣ сочувствовала Англіи вообще. По дѣламъ европейскимъ, полагаютъ Англичане, Европа должна видѣть въ Англіи только государство европейское, участвующее въ дѣлахъ Европы. „Въ Европѣ, скажутъ вамъ Англичане, не одни Турки злодѣйствуютъ. По временамъ раздаются, то на югѣ, то на сѣверѣ, то въ срединѣ Европы, залпы, повергающіе въ прахъ людей безоружныхъ; изъ темницъ и изъ крѣпостей слышатся иногда вопли и стоны не менѣе раздирающіе сердце, какъ стоны и вопли страждущихъ христіанъ въ Турціи.“

„Всѣ эти бѣдствія, все это зло, еще могутъ сказать

Англичане, равно для насъ противны, гдѣ бы онѣ ни случались, и между тѣмъ какъ ваша политика приводитъ васъ къ такимъ результатамъ, наша политика ищетъ только мира и тишины. И кто ручается намъ, что христіане, освободившись отъ ига турецкаго, не подпадутъ подъ другое иго, не менѣе тяжкое. Примѣръ Польши, и въ Позенѣ, и въ Галиціи, и въ Варшавѣ, заставляетъ насъ опасаться вашего доброжелательства въ пользу турецкихъ христіанъ."

Въ семъ послѣднемъ случаѣ, Англичане рѣшительно ошибаются. Ничто не можетъ быть злосчастнѣе участи турецкихъ христіанъ и всякая перемѣна, какова бы она ни была, будетъ для нихъ перемѣною къ лучшему. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что смотря на вещи и обстоятельства съ англійской точки зрѣнія, нѣтъ сомнѣнія, что возраженія англичанъ, которыя явствуютъ изъ всего направленія общаго мнѣнія Англіи, имѣютъ неоспоримо нѣкоторое основаніе.

Какъ бы то ни было, мы повторимъ, что турецкая имперія давно уже клонится къ паденію. Политическія реформы, которыя могутъ спасать европейскія государства, не могутъ спасти и не спасутъ Турціи. Надобно быть слѣпымъ или членомъ какого либо европейскаго кабинета, дипломатомъ и посланникомъ, чтобы этого не видѣть. Государства живущи и долго умираютъ; долго шатаются на своихъ основаніяхъ пока наконецъ не упадаютъ окончательно. Но живущи и народы. Остается рѣшить гдѣ теперь болѣе жизни и силы: въ этихъ отсталыхъ, выродившихся Туркахъ или въ этихъ подавляемыхъ ими

христіанахъ, кои начинаютъ наконецъ чувствовать не только свою силу, но и свое нравственное превосходство надъ тупыми ихъ властелинами.

Обратимся къ Россіи. Самодержавіе, усвоенное нынѣ россійскому правительству, толкуется различнымъ образомъ. Одни, держась буквальнаго смысла сего слова, утверждаютъ, что самодержавная власть выше всѣхъ законовъ, и слѣдственно выше законовъ, сею же самою властію изданныхъ. Другіе говорятъ, что самодержавіе даетъ право издавать законы, не допуская права нарушать сіи законы покуда они существуютъ: правительство можетъ законы отмѣнить, издать новые, но не должно дѣйствовать вопреки законамъ еще существующимъ и слѣдственно имѣющимъ свою силу.

Нельзя сказать, чтобы сіе разногласіе не имѣло своего значенія, и значенія довольно важнаго; и для рѣшенія вопроса въ пользу того или другаго мнѣнія, надлежитъ прибѣгнуть къ изысканію источниковъ, изъ коихъ власть, о коей мы говоримъ, произтекаетъ. Самый близкій и явный источникъ и основаніе самодержавной власти въ Россіи мы находимъ въ избраніи родоначальника фамиліи Романовыхъ. Это избраніе было совершенно безусловное. Царя Михаила Ѳедоровича призвали управлять Россіею какъ *вотчиною*. Всѣ извѣстія, впрочемъ недостаточныя и неполныя, о нѣкоторыхъ условіяхъ при избраніи, покрыты мракомъ неизвѣстности и свидѣтельства нѣкоторыхъ иностранныхъ современниковъ безсильны для опроверженія или ослабленія главныхъ свойствъ, или, такъ сказать, характера избранія.

Такимъ образомъ самодержавіе въ Россіи существуетъ по праву, т. е. что власть самодержавная не была похищена, узурпирована, какимъ либо изъ россійскихъ государей.

Изъ сего, однакоже, конечно не слѣдуетъ, чтобы сіе право самодержавія могло быть вездѣ и всегда прилагаемо на самомъ дѣлѣ, такъ чтобы все въ государствѣ совершалось по изъявленной каждый разъ волѣ самодержца. Нѣтъ. Въ Россіи есть законодательство, есть управленіе, существуютъ орудія и того и другаго, судьи и администраторы, кои дѣйствуютъ по предписаннымъ законами правиламъ. Изъ сего явствуетъ, что второе изъ двухъ вышеупомянутыхъ толкованій, болѣе соотвѣтствуетъ логикѣ и здравому смыслу.

И въ другихъ государствахъ существовало въ прежнія времена самодержавіе. Гордыя слова сказанныя Людовикомъ XIV: l'Etat, c'est moi! могли быть сказаны только самодержавнымъ государемъ. Но въ другихъ государствахъ, въ слѣдствіе причинъ, о коихъ мы почитаемъ излишнимъ здѣсь разпространяться, подлѣ самодержавной власти существовали различные законы, учрежденія, права личныя, права сословныя; въ слѣдствіе чего образовался нѣкоторый, иногда довольно твердый и прочный порядокъ во всей гражданской жизни людей; существовали суды, существовала правильная администрація, была нѣкоторая гласность печати, было общее мнѣніе, которое имѣло свое неоспоримое вліяніе на всѣ общественныя дѣла. Отвѣтъ мельника, у котораго хотѣли взять мельницу для королевскаго парка, что въ „Берлинѣ есть

судьи," достаточно обозначаетъ характеръ европейскаго самодержавія.

Разница, въ семъ отношеніи, между Европою и Россіею состоитъ въ томъ, что дѣйствительность и развитіе тѣхъ гражданскихъ законовъ и учрежденій, кои необходимы для всякаго государства, не достигли, въ Россіи, той полноты и стройности, какъ это было въ Европѣ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ явленій въ самодержавныхъ государствахъ Европы было то, что власть судебная была всегда отдѣлена отъ власти правительственной и часто независима отъ оной. Одно это обстоятельство рѣшительно измѣняетъ смыслъ и значеніе самодержавной власти въ Европѣ.

Сверхъ сего дѣйствіе самодержавной власти не выражалось преимущественно, какъ это дѣлается въ Россіи, изъявленіемъ такъ называемой „высочайшей воли." Вездѣ обыкновенно существовали министерства, кои могли дѣйствовать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, самостоятельно; вездѣ были министерскіе совѣты, кои обсуждали дѣла государственныя по правиламъ принятымъ однажды на всегда. По большой части въ такихъ государствахъ мы встрѣчаемъ, во главѣ управленія, одного главнаго министра, который даетъ единство и слѣдственно нѣкоторую необходимую правильность, скажемъ просто, необходимый толкъ въ дѣлахъ правительственныхъ. Вмѣстѣ съ симъ мы находимъ въ сихъ земляхъ извѣстные совѣты государственные, болѣе или менѣе независимые отъ министровъ, въ коихъ обсуживались и составлялись общія государствен-

ныя постановленія и предъ коими иногда и самые министры обязаны были нѣкоторою отвѣтственностію. Петръ I, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду нѣчто подобное при учрежденіи сената.

Конечно и въ сихъ государствахъ полновластіе государей ознаменовывалось иногда различными нарушеніями принятаго порядка. Слишкомъ часто государи имѣли при себѣ, сверхъ министровъ, особенныхъ совѣтниковъ, временщиковъ, фаворитовъ обоего пола, вліяніе коихъ на дѣла государственныя было очевидно. Мы видѣли во Франціи г-жу Ментенонъ, г-жу Помпадуръ; въ Испаніи г-жу Дезюрсень и т. д.

Въ новѣйшія времена мы видѣли въ Пруссіи, самымъ яснымъ образомъ, всѣ неудобства такого, такъ сказать, домашняго или дворскаго вліянія на дѣла государственныя. Примѣръ сей замѣчателенъ тѣмъ особенно, что государство находилось въ трудныхъ обстоятельствахъ; общее мнѣніе требовало болѣе правильнаго государственнаго управленія. Министерства существовали; но сверхъ министровъ находились при королѣ два или три секретаря, кои дѣйствовали именемъ королевскимъ и, такъ сказать, управляли самимъ правительствомъ. Вредъ такой неурядицы былъ очевиденъ для всѣхъ. Но перемѣна къ лучшему была тѣмъ труднѣе, что, по убѣжденію всѣхъ, король, сохраняя сію неурядицу, дѣйствовалъ не изъ любви къ власти, къ полновластію, но только по ошибочному воззрѣнію на вещи и на людей: въ честности и въ добросовѣстности Фридриха Вильгельма III никто не сомнѣвался.

Не смотря на сіи неизбѣжныя отступленія отъ надлежащаго порядка, европейскія чисто монархическія правленія представляли нѣкоторый видъ благоустройства. Народы ихъ сознавали и чувствовали нѣкоторую *законность* въ ходѣ дѣлъ и это чувство законности ограждало, болѣе или менѣе, ихъ гражданское существованіе. Замѣтимъ здѣсь, что общее благосостояніе народа въ сихъ государствахъ соразмѣрялось именно съ симъ чувствомъ законности; такъ что чѣмъ сильнѣе было это чувство, сознаніе законности въ умѣ народномъ, тѣмъ болѣе было благосостоянія общаго.

II.

Что находимъ мы въ Россіи?

Во главѣ всего мы видимъ самодержавнаго государя.

По томъ мы видимъ различныхъ министровъ, управляющихъ каждый своею частію. Но единства въ министрахъ или, лучше сказать, въ министерствѣ, мы не видимъ: каждый министръ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, или по направленію данному ему не министерствомъ, т. е. совѣтомъ всѣхъ министровъ, но по направленію данному самимъ государемъ.

Государь, особливо государь самодержавный, не можетъ, по самому положенію своему, желать ничего инаго какъ блага общаго. Министры могутъ, сверхъ того, желать и собственнаго своего блага. Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей, для министра покойнѣе и пріятнѣе

получать приказанія или принимать направленіе прямо отъ государя, нежели отъ совѣта министровъ.

Такое устройство клонится болѣе къ первому изъ упомянутыхъ мнѣній, т. е. къ тому, что все и вездѣ должно дѣлаться въ самодержавномъ государствѣ по волѣ самого государя. Но если это такъ, то къ чему же должно служить самое учрежденіе министерствъ? Право самодержца равно существуетъ неприкосновеннымъ при министерствѣ съ единствомъ въ цѣли и средствахъ дѣйствія, и съ министерствомъ разъединеннымъ и не признающимъ ни общей цѣли, ни общихъ средствъ къ достиженію оной. Разница только въ томъ, что при единствѣ министерства главная забота государя будетъ состоять въ томъ, чтобы оно дѣйствовало сообразно началамъ имъ предписаннымъ; а при министерствѣ безъ единства онъ обязанъ наблюдать, чтобы каждый министръ въ особенности исполнялъ то, что̀ онъ ему предписываетъ въ ежедневныхъ или еженедѣльныхъ докладахъ.

Такъ какъ въ каждомъ государѣ мы предполагаемъ извѣстную, опредѣленную политику, сознаніе извѣстныхъ видовъ и цѣлей, избраніе средствъ и предпочтеніе однѣхъ средствъ другимъ, то очевидно, что государю, для наблюденія за надлежащимъ исполненіемъ своихъ предположеній и предначертаній, несравненно удобнѣе слѣдить за дѣйствіями всего министерства, движимаго единымъ духомъ, нежели за дѣйствіями каждаго министра въ особенной его сферѣ.

Этого мало. Отсутствіе единства неминуемо порождаетъ противоборство. Это въ натурѣ человѣческой. Въ

министерствѣ разъединенномъ, каждый министръ дѣйствуетъ по своему, не заботясь объ общемъ дѣлѣ управленія, или, какъ это говорится, не мѣшаясь въ чужія дѣла, т. е. въ дѣла своего со-дѣятеля, со-министра. Отъ того столкновенія между министрами. Не будучи соединены общею цѣлію, общими средствами, общею методою управленія, одною для всѣхъ системою; имѣя, сверхъ того различныя мнѣнія, различные взгляды на дѣла, они не могутъ дѣйствовать согласно и неминуемо войдутъ во взаимное противоборство. Тогда является новая забота для государя: соглашать министровъ, мирить ихъ между собою. Время теряется въ незначительныхъ и безполезныхъ спорахъ и изъясненіяхъ.

Въ Россіи есть, скажутъ намъ, комитетъ министровъ. Такъ. Въ этомъ комитетѣ, какъ извѣстно, присутствуютъ и министры и предсѣдатели департаментовъ государственнаго совѣта. Предсѣдатель комитета то же лице, которое предсѣдательствуетъ въ государственномъ совѣтѣ. Этотъ предсѣдатель не имѣетъ самъ, никакого министерства. Одно сіе обстоятельство, что предсѣдатель комитета министровъ не участвуетъ непосредственно въ управленіи, государственномъ, достаточно показываетъ, что никакого единства отъ учрежденія комитета, въ семъ управленіи, ожидать нельзя. Призваніе комитета состоитъ въ разсмотрѣніи тѣхъ только дѣлъ по правительственной части, кои министры представляютъ. Во многихъ случаяхъ министры входятъ прямо къ государю съ особыми докладами и получаютъ разрѣшенія. Мы видимъ также, что по различнымъ частямъ государственнаго управленія учреждаются

особыя коммиссіи, независимыя отъ комитета министровъ, какъ напримѣръ, комитеты Сибирскій, Кавказскій и проч. и проч. Самое важное преобразованіе, которое когда либо было предпринято русскимъ правительствомъ, освобожденіе крестьянъ, совершилось внѣ комитета министровъ и внѣ какого бы то ни было министерства, особою редакціонною коммиссіею, заключенія коей были послѣ подвергаемы разсмотрѣнію главнаго комитета по сему дѣлу и наконецъ утвержденію государственнаго совѣта.

Изъ сего явствуетъ, что общее государственное управленіе, въ полнотѣ своей, ни мало не сосредоточивается въ комитетѣ министровъ и сверхъ того, что и по тѣмъ дѣламъ, кои проходятъ чрезъ сей комитетъ, не можетъ быть никакого единства, никакой извѣстной, ясно опредѣленной системы, однимъ словомъ никакого единодушія и, скажемъ просто, никакой жизни.

Взглянемъ теперь на государственный совѣтъ. Вездѣ и всегда, какъ въ государствахъ чисто монархическихъ, такъ и въ государствахъ уставныхъ или конституціонныхъ, существовали и существуютъ присутственныя мѣста, болѣе или менѣе отвѣчающія общему понятію о совѣтѣ государственномъ. Разница состоитъ въ томъ, что въ первыхъ изъ сихъ государствъ, члены совѣта были особенно, такъ сказать, совѣтниками престола во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ; во вторыхъ призваніе членовъ состояло особенно и наиболѣе въ обсужденіи и въ обработываніи различныхъ дѣлъ по правительственной и по законодательной части, въ составленіи новыхъ постановленій, въ начертаніи проэктовъ и. т. д. Такимъ двоякимъ

призваніемъ членовъ въ совѣтахъ сихъ двухъ родовъ, объясняется то обстоятельство, что въ первыхъ мы находимъ всегда членами людей стоящихъ на высшей степени служебной іерархіи и пользующихся особеннымъ довѣріемъ государя; между тѣмъ какъ во вторыхъ мы всегда находимъ людей отличающихся особенно своею опытностію и свѣденіями въ дѣлахъ, людей дѣловыхъ. Члены первыхъ совѣтовъ были ближе къ престолу; члены послѣднихъ ближе къ министерству, къ дѣламъ, къ дѣйствительному управленію государственному, и между тѣмъ какъ первые, по самой силѣ вещей, стояли, нѣкоторымъ образомъ, выше министровъ, хотя сіи послѣдніе сами присутствовали въ оныхъ, вторые поставлялись въ необходимую подчиненность министрамъ, будучи однакоже въ правѣ и въ положеніи сохранить всю независимость своихъ мнѣній и дѣйствій.

До основанія нынѣшняго государственнаго совѣта, въ Россіи всегда существовали подобныя учрежденія, похожія на совѣты перваго рода, о коихъ мы упоминаемъ выше; что явствуетъ уже изъ названія: „верховный совѣтъ,“ коимъ иногда сіи учрежденія были означаемы. Дабы судить о характерѣ теперешняго государственнаго совѣта, надлежитъ вспомнить, что сіе учрежденіе входило въ составъ всеобъемлющаго государственнаго устава, начертаннаго г-мъ Сперанскимъ по указаніямъ императора Александра I-го.

По плану г-на Сперанскаго, всѣ дѣла государственныя, какъ правительственныя, такъ и законодательныя и даже судебныя, проходившія чрезъ министерства, чрезъ

законодательныя палаты и чрезъ судебные сенаты, долженствовали восходить въ государственный совѣтъ, и тамъ сосредоточиваться въ канцеляріи государственной, т. е. въ рукахъ государственнаго секретаря и чрезъ него быть представляемы императору. Такимъ образомъ государственный совѣтъ долженствовалъ составлять одну только часть всего цѣлаго, т. е. полнаго образованія государственнаго, въ уставѣ начертаннаго.

Г-нъ Сперанскій, оправдывая, въ послѣдствіи, реформы свои предъ императоромъ Александромъ I-мъ, не безъ основанія толковалъ, что сіи реформы не могли не возбудить общаго негодованія, столь сильно выразившагося, бывъ введены не всѣ разомъ, въ совокупности, а только въ отдѣльныхъ частяхъ, одна послѣ другой, и что тѣ реформы въ особенности, кои были совершенно отстранены и не приведены въ дѣйство, показали бы, будучи приняты и исполнены, ту пользу, коей нельзя было ожидать отъ реформъ принятыхъ въ ихъ отдѣльности; такъ что весь уставъ государственный, будучи введенъ во всей полнотѣ своей, явилъ бы собою всю надлежащую стройность и послѣдовательность, коей справедливо можно ожидать отъ полнаго, всеобщаго преобразованія государственнаго.

Не входя въ разсмотрѣніе сихъ изъясненій г-на Сперанскаго, и ограничиваясь токмо означеніемъ характера государственнаго совѣта, мы скажемъ, что и по проэкту устава, совѣтъ государственный долженъ былъ походить болѣе на тѣ совѣты „верховные“ кои особенно свойственны чистымъ монархіямъ, нежели на совѣты состоящіе изклю-

чительно изъ дѣловыхъ людей, каковые мы встрѣчаемъ въ монархіяхъ уставныхъ. Не смотря на сіе, г-нъ Сперанскій искалъ усвоить совѣту и характеръ совѣтовъ сего послѣдняго рода. Тутъ встрѣчается противорѣчіе и непреодолимое затрудненіе. Наполнивъ совѣтъ самыми высшими государственными сановниками, подчинивъ ему и министровъ и сенатъ, — что можетъ согласоваться только съ совѣтомъ „верховнымъ," а не съ совѣтомъ дѣловымъ, — онъ вмѣстѣ съ симъ раздѣлилъ его на нѣсколько департаментовъ, смотря по частямъ государственнаго управленія; въ слѣдствіе чего число членовъ должно было быть слишкомъ увеличено, между тѣмъ какъ въ „верховныхъ" совѣтахъ число членовъ всегда бывало весьма ограниченно. Главная же несообразность состояла въ томъ, что призвавъ въ совѣтъ первѣйшихъ сановниковъ, должно было, болѣе или менѣе, отказаться отъ призванія людей дѣловыхъ. По всему духу реформъ г-на Сперанскаго позволительно думать, что онъ полагалъ сосредоточить все настоящее дѣлопроизводство т. е. обработываніе дѣлъ, составленіе проэктовъ и. т. п. въ канцеляріи государственной. Но въ такомъ случаѣ мы не видимъ причины учрежденія новаго совѣта: можно было бы ограничиться учрежденіемъ новой государственной канцеляріи при прежнемъ верховномъ совѣтѣ, который, состоя изъ малаго числа довѣренныхъ отъ государя лицъ, могъ бы съ большею удобностію заниматься важнѣйшими дѣлами, различными реформами, государственною канцеляріею приготовляемыми, если впрочемъ правительство желало и того и другаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что наше правительство, при учреж-

деніи новаго государственнаго совѣта, имѣло въ виду государственный совѣтъ во Франціи. Въ семъ послѣднемъ засѣдали тогда самые опытнѣйшіе и замѣчательнѣйшіе люди по различнымъ частямъ. Составленіе кодексовъ принесло имъ много чести и много славы. Императоръ Наполеонъ часто самъ присутствовалъ, говорилъ, спорилъ и рѣшалъ въ совѣтѣ. Не смотря на сіе, совѣтъ не былъ выше министровъ. Напротивъ, совѣтники назначались по представленію сихъ послѣднихъ. Этотъ совѣтъ раздѣлялся на нѣсколько департаментовъ. При совѣтѣ находилось нѣсколько докладчиковъ (maîtres de requêtes) и сверхъ того множество молодыхъ людей, въ званіи аудиторовъ (auditeurs), въ отношеніи которыхъ совѣтъ былъ, такъ сказать, школою для изученія науки правительственной, и которые, оставляя совѣтъ, наполняли различныя мѣста въ министерствахъ, въ префектурахъ и пр. Настоящая работа, т. е. обсужденіе дѣлъ, составленіе законовъ и узаконеній и. т. д. лежала на самихъ членахъ совѣта. Докладчики, представляя поручаемыя имъ дѣла совѣту, имѣли голосъ совѣщательный. Г-нъ Сперанскій, не ожидая матеріальнаго труда отъ членовъ и возлагая всю работу на штатсъ-секретарей и на ихъ помощниковъ, поставилъ сихъ послѣднихъ въ довольно затруднительное положеніе, не присвоивъ имъ голоса совѣщательнаго; такъ что сіи чиновники, на коихъ лежитъ весь трудъ, не имѣютъ *права* разсуждать о докладываемомъ ими дѣлѣ; они могутъ только давать объясненія, когда сего отъ нихъ потребуютъ. Непостижимая несообразность, отстраняющая всякую отвѣтственность по дѣлу отъ того, кто наи-

болѣе содѣйствовалъ обработкѣ и изложенію сего дѣла! Замѣтимъ, что подражая французскому совѣту, г-нъ Сперанскій желалъ замѣнить аудиторовъ помощниками статсъ-секретарей, кои должны были быть назначаемы отъ различныхъ министерствъ.

Государственный совѣтъ никогда, даже и въ бытность г-на Сперанскаго государственнымъ секретаремъ, ни мало не соотвѣтствовалъ объявленной цѣли своего существованія. Мало по малу дѣла по военной части, для коихъ былъ особый департаментъ въ совѣтѣ, перестали входить на разсмотрѣніе сего послѣдняго. Департаментъ Законовъ находился почти въ безпрерывныхъ вакаціяхъ. Только изрѣдка были представляемы ему нѣкоторые проэкты, кои, по разсмотрѣніи симъ департаментомъ, вступали въ общее собраніе совѣта и тамъ, послѣ различныхъ обсужденій и споровъ, умирали тихою смертію. Дѣла экономическаго департамента также мало по малу весьма ограничились, особенно послѣ того какъ министръ финансовъ началъ представлять роспись доходовъ и расходовъ, прежде совѣта, прямо самому императору и когда она сообщалась совѣту только для свѣденія. За то увеличились чрезмѣрно занятія департамента гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. По учрежденіи государственнаго совѣта, долженствовали поступать въ оный изъ сената только такія дѣла, по коимъ требовалось или новаго закона или изтолкованія прежняго. Но съ самаго начала, кромѣ сихъ дѣлъ, начали поступать нѣкоторыя другія, и наконецъ всѣ дѣла, требующія высочайшаго утвержденія, необходимо поступали на разсмотрѣніе департамента гражданскаго и общаго

собранія совѣта. Этимъ прибавилось двѣ инстанціи къ числу нѣсколькихъ уже существовавшихъ прежде. Вотъ окончательный результатъ этой затѣйливой реформы г-на Сперанскаго!

Что касается до сената стоявшаго прежде во главѣ всего быта государственнаго въ Россіи, власть коего распространялась на всѣ части государственнаго управленія: на законодательную, правительственную и судебную, извѣстно, что теперь сенатъ превратился въ одну изъ высшихъ судебныхъ инстанцій.

Такое болѣе или менѣе хаотическое положеніе главныхъ пружинъ, главныхъ орудій государственнаго управленія, не позволяетъ ожидать большой стройности, послѣдовательности, гармоніи въ учрежденіяхъ второстепенныхъ, какъ по судебной такъ и по правительственной части. Государство между тѣмъ живетъ. Жизнь народная вырабатывается, но вырабатывается сообразно постановленіямъ гражданскимъ, кои управляютъ народомъ. Нравы, обычаи, свойственные характеру народному, конечно имѣютъ свое вліяніе на сіе развитіе жизни народной; но главное въ семъ развитіи зависитъ всегда отъ существующихъ постановленій, коимъ подчиняются и самые нравы и обычаи. Въ семъ смыслѣ можно безошибочно утверждать, что каждый народъ, особенно въ гражданскомъ отношеніи, представляетъ собою результатъ его гражданскихъ постановленій, его законовъ, общественнаго порядка посреди коего онъ живетъ.

Мы сказали выше, что въ европейскихъ чисто-монархическихъ государствахъ, существовали нѣкоторыя учрежденія, кои давали всему гражданскому и политическому составу государства нѣкоторую правильность, нѣкоторую стройность и порядокъ. Такія учрежденія имѣли основаніе историческое, развитіе ихъ совершалось въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Какъ народъ, такъ и тогдашнія правительства свыкнулись съ образовавшимся мало по малу порядкомъ вещей. По сей то причинѣ и существовало въ понятіяхъ народныхъ ясное и твердое сознаніе *законности*, такъ что каждый почиталъ себя болѣе или менѣе огражденнымъ и въ лицѣ своемъ и въ своемъ имуществѣ. И подлинно: болѣе или менѣе правильное управленіе, существованіе порядочныхъ судовъ съ порядочнымъ судопроизводствомъ достаточно обеспечивали подданныхъ въ ихъ гражданскихъ и человѣческихъ правахъ.

Историческая жизнь русскаго народа не пришла и не могла притти къ подобнымъ результатамъ. Болѣе двухъ вѣковъ Россія страдала подъ татарскимъ игомъ. Страдать не то что жить. Когда народъ страдаетъ, тогда онъ едва ли живетъ. Татарское иго оставило послѣ себя печальные слѣды, которые, къ несчастію, и до сего времени слишкомъ замѣтны и чувствительны. Послѣ татаръ Россія возродилась, но возродилась въ совершенно иномъ духѣ, на совершенно иныхъ основаніяхъ. Она пошла инымъ путемъ и древнее прошедшее осталось безъ вліянія на новыя судьбы Россіи. Наконецъ явился Петръ I и отодвинулъ еще далѣе древнее и новое прошедшее, указавъ Россіи новый путь, новый совершенно и во всѣхъ

отношеніяхъ. Дурно ли, хорошо ли сдѣлалъ Петръ I, мы не беремся разрѣшить сего вопроса. Дѣло въ томъ, что теперь для Россіи нѣтъ пути инаго, какъ путь указанный Петромъ, путь къ Европѣ, къ европейской образованности, къ европейской жизни.

При такихъ судьбахъ Россіи, при такихъ измѣненіяхъ въ направленіи жизни русскаго народа, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Россіи не образовалось ни здравыхъ преданій, ни постоянныхъ благотворныхъ нравовъ и обычаевъ, привычекъ, кои замѣняютъ иногда законодательство; не развилось того чувства, того сознанія *законности*, которыя мы встрѣчаемъ въ иныхъ земляхъ. Скажемъ однакоже, что всѣ сіи роковыя неудобства, всѣ сіи огромныя препятствія могли бы, вѣроятно, хотя частію, быть преодолены природными способностями русскаго народа, если бы иное бѣдствіе, величайшее изъ всѣхъ, не постигло Россію, бѣдствіе, которое все парализировало, все растлило, все изказило, все унизило, все деморализировало. Это: закрѣпощеніе крестьянъ.

Все вредное, все бѣдственное для Россіи въ послѣднія два съ половиною столѣтія имѣло главнымъ источникомъ, главною причиною закрѣпощеніе крестьянъ. Въ Россіи конечно многіе признавали несправедливость рабства, въ нравственномъ и христіанскомъ смыслѣ; многіе находили даже, что оно вредно и въ хозяйственномъ отношеніи. Но весьма немногіе слѣдили за всѣми многоразличными послѣдствіями, которыя оно имѣло для характера народнаго, для нравственности народной, для понятія

о правѣ, о правдѣ, о справедливости, для понятія о достоинствѣ человѣка и гражданина. Мы замѣтили выше, что въ иныхъ государствахъ, не смотря на чисто монархическій образъ правленія, образовалось и существовало въ народѣ чувство и понятіе *законности*. Сего чувства, сего понятія не было и нѣтъ въ Россіи. Произволъ, произволъ вездѣ и во всемъ—вотъ главный, преимущественный инстинктъ русскаго человѣка. Съ тѣми правами, съ тѣми обычаями, съ тѣми привычками, кои возникли въ русскомъ народѣ при существованіи рабства, можно ли было ожидать какого бы то ни было здраваго, утѣшительнаго развитія въ жизни народной? Справедливо было признано, что рабство портитъ и развращаетъ еще болѣе властителя, нежели подвластную ему жертву. А сіи-то самые властители и стояли во главѣ народа и руководили имъ на пути гражданственности! Каковъ былъ путь, какова была цѣль — пусть всякій подумаетъ о семъ самъ про себя.

Въ Россіи обыкновенно во всемъ обвиняютъ правительство. Это не удивительно. Правительство принимая на себя *все* дѣлать, по справедливости должно за *все* и отвѣтствовать. И въ другихъ государствахъ — не далѣе какъ во Франціи — народъ, не привыкшій дѣйствовать самъ собою и ожидающій всегда и во всемъ инисіативы отъ правительства, иногда ропщетъ на него за неурожаи, за дождь и за засухи и т. д. Но сваливая вину на другаго, не должно забывать и самого себя. Кто виною введенія и утвержденія рабства въ Россіи, этого корня и начала всѣхъ золъ, отъ коихъ Россія такъ долго страдала

и продолжаетъ страдать? Правительство, въ образѣ убійцы и похитителя престола, Годунова, прикрѣпило крестьянъ къ землѣ. Но симъ узаконеніемъ, которое самъ же Годуновъ вскорѣ умѣрилъ и ограничилъ, онъ подалъ, такъ сказать, только поводъ къ закрѣпощенію. Въ послѣдствіи мы находимъ только два правительства, кои прямо способствовали: одно утвержденію, другое разпространенію рабства. Одно, кровавое и тупое правительство императрицы Анны, издавшее цѣлый рядъ безтолковыхъ указовъ по сему предмету, изъ коихъ нѣкоторыми помѣщики подвергались обязанности покупать людей безъ земли. Другое, это правительство либеральной Екатерины II, которое основало рабство въ Малороссіи. Другіе императоры и императрицы хотя и дарили вольныхъ крестьянъ дворянамъ; но иначе, прямо, указами или узаконеніями, утвержденію рабства никогда не способствовали. Напротивъ того, уже Петръ I-й, столь пагубно для крестьянъ смѣшавшій ихъ въ переписи съ холопами, поручалъ сенату прекратить обычай „продавать людей какъ скотовъ, чего, прибавлялъ Петръ I въ указѣ, во всемъ свѣтѣ не водится, и отъ чего не малый вопль бываетъ.“ Во всѣхъ прочихъ правительствахъ мы находимъ постоянное стремленіе умѣрить зло рабства и защитить рабовъ; пока наконецъ дано было Александру II-му искупить и нерѣшительность его предшественниковъ, — и чего особливо забывать не должно — тяжкіе грѣхи дворянскаго сословія, окончательнымъ освобожденіемъ 23 милліоновъ крѣпостныхъ русскихъ людей.

„Грѣхи дворянскаго сословія,“ говоримъ мы. Что

полное закрѣпощеніе крестьянъ, если оно было допущено, то не было совершено самимъ правительствомъ, это очевидно. Кто же главный виновникъ въ этомъ злѣ? Не крестьяне же закрѣпостили сами себя! Они только допустили себя закрѣпостить. Вотъ ихъ настоящая вина! Но кто возметъ на себя упрекнуть ихъ въ этой винѣ? Такимъ образомъ грѣхъ полнаго закрѣпощенія крестьянъ падаетъ на дворянство: is fecit cui prodest — и если бы дворянство могло, если бы оно хотѣло быть справедливымъ, безпристрастнымъ, то оно раздѣлило бы съ крестьянами признательность къ государю, за разторженіе взаимныхъ узъ, державшихъ одно сословіе въ неволѣ, другое въ грѣхѣ и неправдѣ.

И такъ мы должны притти къ заключенію, что если въ другихъ чисто монархическихъ государствахъ различныя государственныя учрежденія, личныя и сословныя преимущества и права, если болѣе или менѣе правильная администрація, порядочные и часто независимые отъ правительственныхъ властей суды, если наконецъ выработавшіеся временемъ нравы, обычаи, привычки могли породить въ умѣ народномъ извѣстное сознаніе законнаго порядка, сознаніе *законности*, и по тому увѣренность въ личной безопасности, въ безопасности по имуществу; то въ Россіи, независимо отъ всѣхъ другихъ, такъ сказать, второстепенныхъ причинъ, достиженіе до такого сознанія законности, было совершенно невозможно, несбыточно, по сей главной причинѣ закрѣпощенія одного сословія другому.

И подлинно! При томъ порядкѣ вещей, который до-

селѣ существовалъ въ Россіи, горькою участію одного сословія было совершенное безправіе, обязанность слѣпаго, безотвѣтнаго повиновенія власти и волѣ другаго, безъ права даже и принести жалобу, не только суду но и какому бы то ни было правительственному лицу. Другое сословіе было поставлено не только въ возможность, но въ необходимость всегда дѣйствовать произвольно, слѣдуя иногда внушеніямъ совѣсти, но иногда и, по самой натурѣ человѣческой, слишкомъ часто, увлекаясь собственными интересами здраво или ошибочно понимаемыми, повинуясь страстямъ, кои какъ огонь развиваются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе представляется для нихъ пищи или возможности удовлетворенія. Въ такихъ отношеніяхъ, если чувство *законности*, или по крайней мѣрѣ чувство правды, которое такъ глубоко запечатлѣно въ сердцѣ человѣческомъ, могло еще гнѣздиться гдѣ либо, то это скорѣе въ сердцѣ несчастной жертвы, нежели въ притупленномъ и ожесточенномъ отъ полновластія сердцѣ властелина.

Какіе законы, какія государственныя постановленія, какіе суды, какая администрація, могутъ помочь дѣлу, когда одна и самая огромная часть народа, предана въ полную, безотвѣтственную власть другой части того же народа; когда исполнители законовъ и государственныхъ постановленій, администраторы и судьи и вообще тѣ, кои, одни только, имѣютъ голосъ, говорятъ и пишутъ, поучаютъ народъ и составляютъ его исторію, всѣ принадлежатъ, входятъ въ составъ сей послѣдней части народа, когда люди прочихъ классовъ, между дворянами и кресть-

янами стоящіе, сближаются съ тѣмъ изъ двухъ сословій, къ коему приближаетъ ихъ собственное званіе, и когда сіе сближеніе простирается до того, что люди, похожіе на дворянъ только по ихъ нѣмецкому платью, безнаказанно колотятъ людей носящихъ русское платье? Весь бытъ, всѣ преимущества первенствующаго въ государствѣ сословія основаны на произволѣ. Изъ сего необходимо слѣдуетъ, что и характеръ сего сословія пропитывается тѣмъ же произволомъ. Сей характеръ сопровождаетъ дворянина не только въ сношеніяхъ его съ его крестьянами; но болѣе или менѣе, и всегда непреодолимо, въ сношеніяхъ его съ другими лицами. На службѣ гражданской дворянинъ почитаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ бить всякаго мужика, потому что онъ мужикъ; офицеръ бьетъ солдата, потому что этотъ солдатъ взятъ изъ мужиковъ. Обстоятельство, что право бить другихъ допускается закономъ, ничего не объясняетъ, потому что законъ былъ написанъ тѣми же дворянами, кои его такъ усердно иногда исполняютъ. Однимъ словомъ, можетъ ли чувство законности возникнуть въ понятіи человѣка проводящаго жизнь, волею или неволею, въ постоянномъ и безвыходномъ беззаконіи?

Куда ни взгляните, вы вездѣ и всегда найдете, что всѣмъ безпорядкамъ, всѣмъ неустройствамъ, всѣмъ безсмысленностямъ въ Россіи, главная причина лежитъ въ закрѣпощеніи крестьянъ.

Дабы убѣдиться до какихъ предѣловъ простирается зловредное вліяніе закрѣпощенія, до какой степени оно ограничиваетъ самую очевидную пользу и уменьшаетъ

добро даже и тамъ, гдѣ его вообще такъ мало, — посмотрите, на примѣръ, на состояніе грамотности 23 мил. крестьянъ помѣщичьихъ, въ сравненіи съ 11 мил. крестьянъ казенныхъ. Я имѣлъ такое статистическое извѣстіе о числѣ школъ какъ у тѣхъ такъ и у другихъ, что не рѣшаюсь даже высказать его, такъ число школъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ незначительно въ сравненіи съ числомъ школъ въ казенныхъ имуществахъ. Это одно обстоятельство „speaks volumes," какъ говорятъ Англичане.

Такой порядокъ вещей не только не могъ привести къ чувству, къ сознанію законности; но напротивъ того необходимо породилъ, въ понятіяхъ народныхъ, неуваженіе, презрѣніе къ закону. Это весьма естественно: нѣтъ ничего противоположнѣе закону, какъ произволъ, коимъ пропитанъ и умъ и чувство народа или покрайней мѣрѣ господствующаго класса въ народѣ. Неуваженіе къ закону есть отличительная черта въ характерѣ и въ привычкахъ народныхъ. Дабы имѣть свою силу и дѣйствіе, законъ въ Россіи долженъ быть олицетворенъ какимъ бы то ни было человѣкомъ, вооруженнымъ властію немедленнаго принужденія исполнить законъ.

III.

Нынѣ этому бѣдовому закрѣпощенію, которое такъ долго давило Россію, положенъ конецъ. Въ слѣдствіе такой радикальной, всеобъемлющей перемѣны, вся жизнь народная необходимо должна преобразоваться. Взаимныя

отношенія людей и сословій, нравы, обычаи, привычки, все должно измѣниться, обновиться и сообразоваться съ новымъ порядкомъ вещей. Закрѣпощеніе, имѣвъ столь сильное, столь рѣшительное вліяніе на жизнь народную, изчезнувъ, оставило, такъ сказать, послѣ себя огромное пустопорожнее мѣсто въ нравственной и матеріальной жизни государства, мѣсто, которое необходимо должно быть занято чѣмъ нибудь инымъ. Это „иное“ въ чемъ оно можетъ состоять, какъ не въ противномъ тому что изчезло? Если одно зло должно быть замѣнено другимъ зломъ, то очевидно, что перемѣна была не нужна. Нѣтъ; зло должно быть замѣнено добромъ, закрѣпощеніе свободою, безправіе правомъ, неустройство устройствомъ, хаосъ разумнымъ порядкомъ. Всѣ это инстинктивно чувствуютъ, всѣ понимаютъ, всѣ этого, болѣе или менѣе, надѣятся и ожидаютъ.

Такимъ образомъ, въ нынѣшнее время, Россія имѣетъ необходимую нужду въ полномъ обновленіи внутренняго своего устройства. Совершеніе сего важнаго, но, повторимъ еще, необходимаго, неизбѣжнаго дѣла, есть главная обязанность нынѣшняго россійскаго правительства. Одно правительство въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ, въ Россіи, дѣйствовать съ успѣхомъ для блага и для пользы всего государства. Самыя похвальныя усилія частныхъ людей должны по необходимости ограничиваться мѣстною, частною пользою, и остаются недѣйствительными для пользы общей. Ничего общеполезнаго въ Россіи не можетъ быть сдѣлано безъ дозволенія, безъ согласія, даже безъ участія правительства. Ожидать, сложивъ руки,

перемѣнъ къ лучшему отъ естественнаго хода вещей, отъ исправленія нравовъ, обычаевъ, отъ разпространенія образованности и просвѣщенія, было бы умышленно или неумышленно обманывать себя и другихъ. Обновленіе должно быть такъ сильно, такъ обширно, такъ всеобъемлюще, что и всей силы самого правительства едва ли будетъ для того достаточно. Но тогда, по крайней мѣрѣ, правительство, приложивъ къ дѣлу обновленія всю свою силу и притомъ всю добрую волю, сдѣлаетъ все что только возможно сдѣлать. За невозможное никто не отвѣчаетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и само правительство чувствуетъ необходимость сего обновленія. Различные наружные признаки намъ это доказываютъ. Но успокоительны, утѣшительны ли эти признаки? Можно ли, судя по мѣрамъ предпринимаемымъ правительствомъ, предполагать, что оно приступаетъ къ дѣлу съ обдуманнымъ планомъ, съ извѣстною, обсужденною и принятою системою, съ предположенною и ясно опредѣленною цѣлію и съ намѣреніемъ употребить всѣ тѣ средства, кои необходимы для достиженія цѣли; однимъ словомъ, приготовившись ко всему тому, чего требуетъ столь важное дѣло, отъ котораго должно зависѣть благо Россіи и въ настоящемъ и въ будущемъ?

Мы скажемъ наше мнѣніе о семъ честно и откровенно и въ особенности съ большою умѣренностію.

Мы никогда не имѣли особенной наклонности атаковать какія бы то ни было правительства, находя, что въ нѣкоторой степени, хотя и не вполнѣ, то мнѣніе справедливо, по которому каждый народъ заслуживаетъ то пра-

вительство, которое онъ имѣетъ. Нападать же на русское правительство въ теперешнюю минуту, когда оно совершило самый великій, самый полезный, самый благодѣтельный подвигъ, подвигъ, коему мы не видимъ ничего подобнаго въ русской исторіи, и даже, судя по огромности совершеннаго добра, въ исторіи всего міра, нападать на русское правительство, было бы крайне несправедливо, грѣшно. Любя Россію, любя русскаго мужика, такъ какъ мы ихъ любимъ, мы не можемъ не питать къ императору Александру II такой же безпредѣльной любви, основанной на столь же безпредѣльной признательности за освобожденіе крестьянъ.

Это обстоятельство не можетъ, однакоже, запечатлѣть устъ нашихъ, на счетъ русскаго правительства. Государь-Освободитель является нашему воображенію и нашему понятію отдѣльно и выше его министровъ и его совѣтниковъ, выше такъ называемаго правительства. Этотъ взглядъ не ошибоченъ. Мы видѣли какого необычайнаго труда, какой твердости, какой рѣшительности, какихъ умственныхъ и сердечныхъ качествъ требовалось со стороны государя для приведенія въ дѣйство его благодѣтельныхъ намѣреній, какихъ усилій для убѣжденія даже самыхъ сихъ совѣтниковъ въ пользѣ и необходимости святаго дѣла, имъ наконецъ и вопреки всему совершеннаго.

Впрочемъ есть ли какая нибудь возможность не отдѣлять, въ исторіи, правителей отъ ихъ правительствъ, т. е. монарховъ отъ ихъ министровъ и совѣтниковъ? Екатерина II, о коей мы только что упомянули, закрѣпостила Малороссію. Но, по истинѣ, согласно ли со строгой спра-

ведливостію, взвалить весь этотъ великій грѣхъ на память прославившей Россію императрицы? Екатерина отдастъ отчетъ Богу и исторіи за многое, между прочимъ за то, что раздѣлила славянскій народъ съ иноплеменными государствами; она должна также отвѣчать, напримѣръ, за преслѣдованіе, впрочемъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и когда она утратила природную силу своего здраваго ума, за преслѣдованіе „вольныхъ каменьщиковъ“ и членовъ типографическаго общества, которые такъ усердно дѣйствовали въ пользу образованности и просвѣщенія народа и. т. д. Но та же самая императрица любила Россію; она ревностно и съ успѣхомъ трудилась для внутренняго устройства государства. Относительно бѣдственнаго положенія крестьянъ мы видимъ, что убѣдившись въ ономъ при видѣ крестьянъ ост-зейскихъ губерній, она желала помочь имъ, заботилась о нихъ. Какъ же послѣ сего приписать ей, ей исключительно, закрѣпощеніе крестьянъ малороссійскихъ? Это не только не согласуется съ общимъ расположеніемъ, съ наклонностями ея ума и сердца; но прямо противно и тому и другому. Очевидно, что это было сдѣлано окружавшими ее царедворцами. Она только согласилась на ихъ преступныя и хитросплетенныя козни. И одного этого согласія уже слишкомъ достаточно для помраченія ея славы въ исторіи.

Равнымъ образомъ, въ царствованіе Александра I. Россія была свидѣтельницею ужасныхъ неистовствъ власти въ учрежденіи, столь же безтолковомъ какъ и пагубномъ, военныхъ поселеній. Неужели вся отвѣтственность за претерпѣнныя тысячами и сотнями тысячь людей

бѣдствія, должна пасть на главу этого мудраго, добраго, славнаго императора? Первая мысль о военныхъ поселеніяхъ возникла въ императорѣ Александрѣ отъ чистаго желанія обеспечить, улучшить состояніе солдатъ. Онъ имѣлъ несчастіе поручить исполненіе человѣку, у котораго мысль и наука закючались въ раболѣпствѣ и въ жестокости.

„Къ чему можетъ служить гласность?“ говорятъ люди желающіе что-бы все дѣлалось въ государствѣ тайно. „Что могутъ сказать различные писачки чего бы и безъ нихъ не знали лица правительственныя?“ Отвѣчать не трудно. Еслибы въ Россіи была какая нибудь гласность при Екатеринѣ II въ эпоху закрѣпощенія Малороссіи, или при Александрѣ I во время учрежденія военныхъ поселеній, то, судя по возвышенности души и бабки и внука, нѣтъ сомнѣнія, что они съ негодованіемъ отвергнули бы и то и другое и тѣмъ спасли бы память свою отъ справедливыхъ укоризнъ исторіи.

Изъяснивъ нашу мысль о томъ, что̀ мы разумѣемъ подъ словомъ: правительство, мы обратимся къ изслѣдованію тѣхъ главныхъ и существенныхъ потребностей, кои представляются прямо необходимыми при новомъ положеніи Россіи, въ которое она поставлена освобожденіемъ крестьянъ, разсматривая вмѣстѣ съ симъ и тѣ предположенія правительства, о коихъ мы можемъ судить по тому только что̀ намъ и всѣмъ вообще извѣстно, т. е. по обнародываемымъ мѣрамъ правительственнымъ.

IV.

Упомянувъ о гласности, мы начнемъ наши соображенія прямо съ сего предмета.

Дѣло предстоящее нынѣ для русскаго правительства, дѣло обновленія Россіи, важно и трудно въ высочайшей степени. „Умъ хорошо, а два лучше," говоритъ пословица. Приложить умъ всѣхъ къ общему дѣлу, близкому и жизненному для всѣхъ, не только полезно, но необходимо. Не знаю позволительно ли для какого бы то ни было правительства, въ подобномъ дѣлѣ, взять все на себя, увѣриться, что оно одно, безъ участія общественнаго мнѣнія, безъ помощи со стороны народа, въ состояніи все сдѣлать, все рѣшить, все устроить сообразно выгодамъ, желаніямъ и пользамъ всѣхъ и каждаго. Такой самонадѣянности ни въ какомъ просвѣщенномъ правительствѣ предполагать не слѣдуетъ. И такъ содѣйствіе, въ дѣлѣ обновленія, со стороны народа, является необходимымъ условіемъ возможнаго успѣха. Сіе содѣйствіе можетъ быть оказано не чѣмъ инымъ какъ гласностію, т. е. безпрепятственнымъ выраженіемъ, въ печати, мнѣнія людей просвѣщенныхъ, болѣе или менѣе свѣдущихъ въ предметахъ, о коихъ идетъ дѣло.

Мы сознаемъ и весьма охотно, что гласность, т. е. что свобода печати, въ Россіи, до нѣкоторой степени существуетъ и притомъ замѣтимъ, что, въ послѣднія времена печатная гласность оказала великую пользу въ обсужденіи и чрезъ то въ изъясненіи вопроса освобожденія

крестьянъ, коимъ дотолѣ такъ мало у насъ занимались и о которомъ, при начальномъ постановленіи онаго, существовали столь недостаточныя понятія. Мы пойдемъ далѣе и скажемъ, что если бы сія свобода печати укоренилась и пріобрѣла болѣе развитія; то она могла бы или предупредить нѣкоторыя положенія по крестьянскому дѣлу, кои нынѣ представляютъ особенныя затрудненія въ исполненіи, или по крайней мѣрѣ, ясными доводами, доказательствами и изъясненіями привести многіе умы къ убѣжденію въ томъ, въ чемъ они и по нынѣ продолжаютъ сомнѣваться. Но сего дальнѣйшаго развитія вопроса не только не оказалось, но напротивъ, въ послѣднее время предъ окончательнымъ разрѣшеніемъ онаго, всякія независимыя изъявленія мнѣній, всякія обсужденія вопроса въ печати, сдѣлались невозможными. Такая шаткость въ правительственныхъ мѣрахъ касающихся до изъявленія общественнаго мнѣнія по самому жизненному для государства вопросу, не могла не имѣть печальныхъ послѣдствій.

На какихъ условіяхъ существуетъ нынѣ въ Россіи печатная гласность? Все, въ семъ отношеніи, зависитъ наипаче отъ усмотрѣнія правительства, т. е. министра просвѣщенія, въ вѣденіи котораго состоитъ цензура, и цензоровъ предварительно разсматривающихъ все что̀ предназначается къ обнародованію посредствомъ печати. Никакихъ общихъ, однажды на всегда опредѣленныхъ и всѣмъ извѣстныхъ правилъ, кои могли бы служить руководствомъ какъ для цензоровъ, такъ и для писателей, не существуетъ. Нѣтъ такого цензурнаго устава, по которому писатель могъ бы знать, что̀ ему запрещено,

что позволено, который давалъ бы средства каждому, въ случаѣ неудовольствія на цензуру, искать удовлетворенія извѣстнымъ, опредѣленнымъ порядкомъ. Всѣ дѣйствія цензоровъ, по всей имперіи, сходятъ окончательно на чистый произволъ сихъ самыхъ цензоровъ, произволъ, основывающійся или оправдываемый различными предписаніями министра, кои остаются скрытыми отъ писателей. По сему самому министръ просвѣщенія поставляется въ весьма непріятное, невыносимое положеніе. Одинъ изъ товарищей его, министровъ, обращается къ нему съ жалобою или укоризною, что такой то журналъ какъ то невыгодно или непристойно отозвался о такомъ то чиновникѣ такого то вѣдомства, напримѣръ, вѣдомства путей сообщенія. Другой министръ сообщаетъ ему, что такой то губернаторъ или генералъ губернаторъ жалуется, что такой-то журналъ имѣетъ стремленія и виды несогласные съ видами правительства; третій министръ указываетъ на журнальную статью, въ которой выхваляется гласность судопроизводства, судъ присяжныхъ, такъ что чрезъ это судопроизводство и суды существующіе являются въ невыгодномъ видѣ; еще одинъ министръ замѣчаетъ, что такой то журналъ слишкомъ выгодно отзывается о раскольникахъ, что не согласно съ правилами православія; еще одинъ возстаетъ противъ журналовъ преслѣдующихъ пьянство и защищающихъ общества воздержанія, отъ чего происходитъ ущербъ въ государственныхъ доходахъ. Однимъ словомъ, всѣ журнальныя статьи ускользнувшія отъ зоркаго вниманія цензоровъ, статьи помѣщенныя въ журналахъ издаваемыхъ на сѣверѣ и на югѣ, на западѣ и

на востокѣ, всѣ эти статьи сосредоточиваются въ С.-Петербургѣ и въ комитетѣ министровъ сыплятся на голову министра просвѣщенія съ упреками и укоризнами.

„Министръ просвѣщенія!“ Но остается ли ему довольно времени подумать о просвѣщеніи, объ университетахъ, о гимназіяхъ, о школахъ? Все его время похищается дѣлами цензурными. Онъ дѣлается просто министромъ цензуры. Впрочемъ наклонности министра, какъ кажется, сообразуются съ такимъ родомъ его занятій: недавно мы читали въ журналахъ, что министръ просвѣщенія не утвердилъ учрежденія одной воскресной школы, потому только что въ ней предполагалось учить дѣтей чему то болѣе простой грамоты! Вездѣ запрещенія, вездѣ цензура!

Цензура, сколь бы постановленія объ оной ни были ясны, опредѣлительны, подробны, всегда необходимо сопряжена съ произволомъ. Сего одного для насъ достаточно, чтобы отстранить сіе средство огражденія общественнаго порядка и выгодъ частныхъ и государственныхъ. Съ отстраненіемъ произвола, остается одно средство охраненія общественнаго порядка: это законъ, изрѣкающій извѣстное наказаніе за нарушеніе сего порядка.

И такъ задача будетъ состоять не въ составленіи новаго цензурнаго устава, но въ начертаніи узаконенія ясно опрдѣляющаго отвѣтственность каждаго лица, изъявляющаго свои мнѣнія въ печати.

Законъ, на коемъ должна основываться и съ коимъ должна сообразаваться свобода книгопечатанія, необходимо долженъ опредѣлить предѣлы, въ коихъ мысль писателя можетъ ознаменовываться и выражаться безпрепятственно.

Нельзя ожидать, чтобы предѣлы сіи были равно обширны во всѣхъ государствахъ. Одни народы, какъ напримѣръ Англичане, Американцы и отчасти нѣкоторые изъ небольшихъ европейскихъ народовъ, живутъ и благоденствуютъ со свободою печати почти неограниченною. Другіе, — по крайней мѣрѣ они сами такъ думаютъ, — такой свободы вынести не могутъ и потому различныя узаконенія свободу книгопечатанія ограничиваютъ и уменьшаютъ. Но вообще можно сказать, что въ нынѣшнюю эпоху почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ законы признаютъ пользу и необходимость свободнаго книгопечатанія и нѣкоторыя правительства, не желая прямо противоборствовать сему началу, ищутъ средствъ ограниченія свободы, коей онѣ опасаются, въ нѣкоторыхъ побочныхъ или дополнительныхъ мѣрахъ, какъ то: въ затрудненіяхъ и препятствіяхъ въ изданіи по крайней мѣрѣ журналовъ и брошюръ, если не книгъ, въ усвоеніи правительству права дозволять заведеніе типографій, или наконецъ въ правѣ для правительства „предостерегать“ журналистовъ (avertissements), право, которое бывъ изобрѣтено во Франціи было немедленно принято въ Австріи и т. д.

Какъ бы то ни было и какихъ бы ограниченій свобода печати, судя по мѣстнымъ обстоятельствамъ, ни требовала, вообще принимается и сознается совѣстію и убѣжденіемъ всего просвѣщеннаго міра, что всякое честное, добросовѣстное, умѣренное изъясненіе мнѣній въ печати, должно быть вездѣ допускаемо; и мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что во всѣхъ государствахъ такое изъявленіе мнѣній въ печати допускается; вездѣ можно обсуживать все

происходящее въ государствѣ: мѣры предпринимаемыя правительствомъ, дѣйствія правительственныхъ лицъ и т. д. вездѣ писатели могутъ излагать гласно свои мнѣнія о гражданскихъ и другихъ постановленіяхъ, существующихъ въ государствѣ, предлагать на судъ всѣхъ и представлять вниманію правительства всякаго рода мысли объ улучшеніяхъ, о реформахъ, объ исправленіи существующаго порядка вещей. Признавъ всѣ сіи права писателей, законъ долженъ, по возможности, опредѣлить до какихъ предметовъ писатели касаться не могутъ. Признавъ права, законъ вмѣстѣ съ симъ опредѣлитъ и отвѣтственность писателей.

Всякое благонамѣренное и народолюбивое правительство можетъ и должно выражать свои виды, свои правила, свои убѣжденія ясно и прямо. Такимъ образомъ все, до свободы книгопечатанія относящееся, можетъ и должно быть высказано въ самомъ законѣ по сему предмету. Предѣлы сей свободы равно какъ и ограниченія и вообще всѣ условія оной, должны быть истолкованы и опредѣлены въ самомъ законѣ ясно и положительно. Намъ кажется, что нѣтъ никакой необходимости и что не согласно съ достоинствомъ такого правительства, провозгласивъ извѣстную свободу печати въ коренномъ законѣ, искать ограниченій сей свободы въ различныхъ побочныхъ постановленіяхъ, изъ коихъ однѣ требуютъ особаго дозволенія для основанія журнала, другія не допускаютъ заведенія типографій безъ особаго разрѣшенія правительства. Мы не можемъ даже одобрить существующаго въ нѣкоторыхъ государствахъ узаконенія, по коему требуется отъ изда-

телей журналовъ предварительнаго взноса извѣстной суммы денегъ въ видѣ ручательства для обеспеченія уплаты денежныхъ штрафовъ, коимъ журналы могутъ быть подвергнуты по суду. Въ нѣкоторыхъ земляхъ гдѣ журнальная и вообще періодическая литтература сильно распространилась, было найдено удобнымъ и справедливымъ, въ видахъ финансовыхъ т. е. для выгодъ государственной казны, подвергнуть сіи журналы и изданія извѣстному штемпелю, за который платится извѣстный налогъ. Единственнымъ оправданіемъ такого налога служитъ именно та цѣль, для коей онъ установляется, т. е. прибыль, и прибыль значительная, для казначейства. Изъ сего слѣдуетъ, что прибѣгать къ штемпелю тамъ гдѣ періодическая литтература существуетъ не въ большихъ размѣрахъ, было бы тщетно и свидѣтельствовало бы только о желаніи не обогатить казну, а поставить новыя препятствія для свободной печати.

Говоря о законѣ долженствующемъ устроить все касающееся до печатной гласности, мы не можемъ не упомянуть о средствахъ приложенія сего закона, въ случаяхъ, когда онъ нарушается.

Каждый писатель, за нарушеніе закона, долженъ отвѣтствовать только предъ судомъ. Но предъ какимъ судомъ ? Этотъ вопросъ весьма важенъ.

Тамъ гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ, очевидно, что дѣла до печати касающіяся, должны подлежать сему суду присяжныхъ. Такъ это обыкновенно и бываетъ. Но нѣкоторыя правительства и въ семъ случаѣ отступаютъ отъ порядка, указываемаго простымъ здравымъ

смысломъ и удаляя писателей отъ вѣденія присяжныхъ судовъ, подвергаютъ ихъ вѣденію судовъ обыкновенныхъ, изключительно изъ судей состоящихъ, находя, конечно, что сіи послѣдніе окажутъ болѣе строгости въ разсмотрѣніи дѣлъ и болѣе наклонности къ осужденію, нежели присяжные. Замѣтивъ, что такое средство ограничивать свободу печати принадлежитъ къ тѣмъ побочнымъ мѣрамъ, кои совершенно недостойны правительства благонамѣреннаго и твердаго въ своихъ дѣйствіяхъ, мы скажемъ, что судъ присяжныхъ особенно полезенъ въ дѣлахъ печати: здраво и справедливо сіи дѣла могутъ быть обсуждаемы и рѣшаемы только людьми, въ коихъ прямо и непосредственно ознаменовывается и выражается мнѣніе общее.

Тамъ гдѣ суда присяжныхъ не существуетъ, дѣла печати необходимо должны подлежать вѣденію судовъ обыкновенныхъ. Что касается до Россіи, то полагая, что и въ теперешнемъ порядкѣ судебной части, было бы конечно лучше предоставить вѣденіе дѣлъ печати или земскому суду или уголовной палатѣ, нежели оставить ихъ въ зависимости произвола цензоровъ, мы скажемъ однакоже, что можно бы для такихъ дѣлъ придумать что нибудь новое, соотвѣтствующее новымъ потребностямъ. Такимъ образомъ, еслибы признано было неудобнымъ учредить особенные, временные, суды для разсмотрѣнія дѣлъ печати; то можно было бы назначать, по такимъ дѣламъ, каждый разъ, особыхъ ассессоровъ или засѣдателей, кои вмѣстѣ съ судьями рѣшали бы дѣло. Такіе ассессоры могутъ быть избираемы изъ особенныхъ списковъ, соста-

вляемыхъ, по опредѣленнымъ правиламъ, изключительно для сей цѣли.

Свобода книгопечатанія въ большей или меньшей степени; честное, правдивое, умѣренное выраженіе мнѣнія общаго въ печати сдѣлалось теперь необходимою потребностію во всѣхъ земляхъ. Всѣ это признаютъ. Никто въ этомъ не сомнѣвается. Отъ законодателя зависитъ опредѣлить степень и мѣру этой свободы. Если по уваженію мѣстныхъ обстоятельствъ, добросовѣстно обсужденныхъ, законодатель желаетъ строгости въ законоположеніи о семъ предметѣ, то пусть сію строгость онъ вполнѣ выскажетъ и опредѣлитъ въ самомъ законѣ. Главное, существенное, жизненное въ семъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы не было произвола и чтобы законодатель не прибѣгалъ къ тѣмъ побочнымъ, недостойнымъ всякаго порядочнаго правительства постановленіямъ, по коимъ дарованное однажды закономъ, отнимается различными скаредными мѣрами, такъ называемыми правительственными.

V.

Отъ одной части министерства просвѣщенія переходя къ другимъ и ко всему цѣлому, мы укажемъ на великую важность сего министерства. Въ дѣлѣ просвѣщенія, какъ и во всѣхъ дѣлахъ, инисіатива со стороны народа, у насъ, весьма слаба, незначительна. Она должна нисходить отъ правительства. И такъ самые драгоцѣнные, самые священные интересы, самыя главныя и существен-

ныя пользы народныя, находятся въ рукахъ правительства, зависятъ отъ его воли, отъ ето благорасположенія, отъ поощреній съ его стороны. Инисіатива со стороны правительствъ, относительно народнаго просвѣщенія, простирается въ нѣкоторыхъ земляхъ до того, что закономъ предписывается обязательное изученіе грамотѣ. Пруссія, сколько намъ извѣстно, первая подвергла штрафу тѣхъ, кои не посылаютъ дѣтей своихъ въ школу. Въ иныхъ земляхъ люди неграмотные не допускаются къ выборамъ. Во Франціи многіе желаютъ установить обязательное изученіе грамотѣ для дѣтей. Мы не видимъ, чтобы такое благонамѣренное узаконеніе было нарушеніемъ личныхъ правъ человѣка. Почти вездѣ законъ предписываетъ прививать коровью оспу. По чему не предписывать прививать просвѣщеніе?

Бросивъ даже самый поверхностный взглядъ на разныя учебныя заведенія въ Россіи, нельзя не убѣдиться, что у насъ въ особенности не достаетъ школъ народныхъ. Въ семъ отношеніи всякое дѣйствіе правительства для разпространенія народныхъ школъ, будетъ тѣмъ легче, что оно встрѣтитъ вездѣ готовность къ пожертвованіямъ со стороны самого народа. Когда, по распоряженіямъ перваго министра государственныхъ имуществъ, было заведено болѣе 2000 школъ въ казенныхъ имѣніяхъ на общественныя деньги, то крестьяне не довольствуясь симъ числомъ, основали, на собственныя деньги, еще 600 школъ. Теперь замѣтно въ Россіи вообще и между крестьянами въ особенности, сильное рвеніе къ изученію грамоты, къ просвѣщенію. Всякая добрая, разумная мѣра со стороны

правительства, выразится великою пользою для народа въ семъ отношеніи; каждое семя принесетъ сторичный плодъ.

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ гимназіяхъ, замѣтна, какъ говорятъ, рѣшительная наклонность къ предметамъ, входящимъ въ область наукъ *точныхъ*: математики, физики, химіи, технологіи и пр. до изученія древнихъ языковъ и словесности вообще мало охотниковъ. Намъ сказывали, что многіе города желаютъ и предлагаютъ учреждать на свой счетъ школы; но вездѣ замѣтно одно и тоже стремленіе: всѣ хотятъ имѣть инженеровъ, строителей, бухгалтеровъ, управителей фабрикъ и мануфактуръ, не помышляя о древней литературѣ. Это направленіе конечно не весьма утѣшительно. Не менѣе того и ему должно дать полную свободу и возможность полнаго развитія, исправляя оное болѣе сильными поощреніями въ изученіи классической литературы въ иныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Впрочемъ это стремленіе къ изученію точныхъ наукъ, не только премущественно, но даже и съ пренебреженіемъ классической литературы, проявилось почти во всѣхъ гусударствахъ Европы, въ слѣдствіе столь сильнаго развитія, въ послѣднія времена, различныхъ отраслей промышлености, особливо желѣзныхъ дорогъ и пр. и пр. Во Франціи много объ этомъ разглагольствовали и наконецъ нашелся министръ просвѣщенія, который осуществилъ желанія людей такъ называемыхъ практическихъ. Было узаконено, что воспитанники гимназій, почти въ самомъ началѣ своего пребыванія въ школѣ, должны избрать изъ двухъ путей одинъ: путь наукъ, или путь

словесности, и итти по сему пути почти изключительно до окончанія своего ученія. Послѣдствія не замедлили оказать всю неосновательность, всю пустоту и наконецъ весь вредъ сей реформы: было найдено и доказано, что изученіе наукъ точныхъ ни мало не подвинулось впередъ, между тѣмъ какъ изученіе классиковъ рѣшительно ослабилось. Тогда правительство, различными разпоряженіями, искало средствъ помочь дѣлу и возвратиться, болѣе или менѣе, къ прежнему порядку, по коему изученіе классической литтературы, по справедливости, стояло во главѣ образованія юношества.

Мы отъ всей души желаемъ, чтобы русское правительство обратило свое особенное вниманіе и покровительство на изученіе въ гимназіяхъ древнихъ языковъ. Если оно возможно и, болѣе или менѣе, успѣшно въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ, по чему оно не можетъ быть столь же возможно и еще болѣе успѣшно въ гимназіяхъ и университетахъ?

Упомянувъ о духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мы не можемъ не выразить мысли, которая давно уже насъ занимаетъ. Какія особенныя выгоды могутъ происходить отъ отдѣленія однѣхъ учебныхъ мѣстъ отъ другихъ, семинарій и духовныхъ академій отъ гимназій и университетовъ? Нельзя ли и тѣ и другіе, всѣ вмѣстѣ, соединить въ одно цѣлое, подчинить одному и тому же порядку и воспользоваться силами и средствами всѣхъ преподавателей и учителей во всѣхъ заведеніяхъ безъ различія, направляя дѣятельность каждаго къ одной главной цѣли? Отдѣленное уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, своимъ призваніемъ, отъ массы народной,

нужно ли, полезно ли, отдѣлять духовенство отъ народа и въ интеллектуальной, умственной жизни? Если таковое отдѣленіе можетъ согласоваться съ духомъ католическаго исповѣданія; то мы не видимъ, чтобы духъ нашего православія того же требовалъ. Духовенство наше должно жить одною жизнію съ народомъ. Образованность духовенства должна быть народная образованность. Для высшаго духовнаго ученія можно учредить, въ университетахъ, особые богословскіе факультеты. Мы не знаемъ, но намъ сдается, что такое измѣненіе въ системѣ духовнаго образованія, должно имѣть множество весьма полезныхъ послѣдствій и способствовать, между прочимъ, къ очищенію и къ совершенному изтребленію многихъ расколовъ. Мы должны здѣсь однакоже замѣтить, что такое преобразованіе, такое соединеніе всѣхъ разнородныхъ училищъ въ одно цѣлое, едва ли возможно при теперешнемъ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ мы ограничиваемся однимъ только намекомъ, указаніемъ на такое преобразованіе, предоставляя времени и людямъ болѣе свѣдущимъ въ семъ дѣлѣ объяснить и обработать мысль сію.

Между русскими университетами университетъ московскій долго существовалъ одинъ во всей имперіи. Мысль, одушевлявшая первыхъ основателей сего высшаго училища, была самая возвышенная, благородная, чистая, и принесла свой надлежащій плодъ. Не одно средство къ просвѣщенію видимъ мы въ учрежденіи московскаго университета. Разумные основатели желали, такъ сказать, отдать честь самому просвѣщенію, наукѣ. Вотъ ихъ заслуга, вотъ ихъ слава. По тогдашнимъ понятіямъ личное дос-

тоинство человѣка заключалось въ его званіи. Одни дворяне имѣли какое либо значеніе. Съ учрежденіемъ университета каждый школьникъ, сынъ дьячка или отставнаго солдата, за прилежаніе въ ученіи, награждался шпагою, т. е. вступалъ въ сословіе дворянское. Это своего рода рыцарское постановленіе даетъ особенный смыслъ учрежденію университета; а самый университетъ бросаетъ лучь истинной славы на царствованіе императрицы Елисаветы.

Замѣтимъ, что основатели университета не ограничились открытіемъ профессорскихъ лекцій. Въ противномъ случаѣ они могли бы видѣть аудиторіи пустыми и профессоровъ проповѣдующихъ въ пустынѣ. Они знали, что въ Россіи, особливо въ тогдашнее время, надлежало содержать на счетъ правительства не только учителей, но и учениковъ. По сему, при университетѣ, учреждена гимназія, въ которой воспитывались ученики на казенный счетъ. Сверхъ того допускались въ различные классы и своекоштные воспитанники. Изъ сихъ-то учениковъ выходили студенты.

Въ нынѣшнее время охоты, рвенія къ ученію, конечно, гораздо болѣе нежели прежде. Но необходимость и польза разпространенія образованности столь велика, что и нынѣ обязанность сего разпространенія лежитъ преимущественно на правительствѣ. И нынѣ главныя пожертвованія въ исполненіи сей обязанности лежатъ на государственномъ казначействѣ. Между тѣмъ проявляются иногда такія мѣры, кои заставляютъ сомнѣваться въ благорасположеніи правительства къ дѣлу просвѣщенія.

Однажды мы видѣли, что число учащихся въ университетахъ было ограничено; теперь толкуютъ о какой-то денежной подати съ студентовъ (50 р.). Трудно предполагать, что или та или другая мѣра имѣла цѣлію экономію или какой нибудь доходъ, прибыль для казны. Не уже ли это дѣлается съ намѣреніемъ ограничить, затруднить университетское образованіе? Если такъ, то пусть тѣ лица, кои находятъ образованіе и просвѣщеніе вредными для государства, пусть они выскажутъ ясно, откровенно свое мнѣніе; пусть прямо возстанутъ противъ того и другаго, пусть предложатъ закрытіе всѣхъ университетовъ и для людей всѣхъ сословій. Въ такомъ дикомъ предложеніи будетъ болѣе прямоты и честности, нежели въ скаредныхъ, лицемѣрныхъ и робкихъ полумѣрахъ.

Не входя въ различныя подробности устройства русскихъ университетовъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что теперешнее состояніе ихъ, какъ намъ кажется, не вполнѣ согласно съ тою мыслію, которая служила основаніемъ при преобразованіи университетовъ въ началѣ сего столѣтія. Очевидное намѣреніе, цѣль къ которой стремился законодатель, была: дать университетамъ извѣстную самостоятельность. Управленіе было усвоено самому университету, во главѣ коего поставлялся ректоръ, избираемый профессорами на извѣстный срокъ. Были конечно тогда установлены и попечители. Но, по смыслу всего учрежденія, ясно, что они долженствовали быть просто попечителями университета, т. е. ходатаями за университетъ предъ министерствомъ просвѣщенія и наблюдателями за поря-

дочнымъ управленіемъ школъ, въ зависимости университета состоящихъ. Все, въ званіи попечителя, ограничивалось однимъ, такъ сказать, покровительствомъ, защитою университетовъ и всѣхъ иныхъ учебныхъ заведеній въ округѣ. Но мало по малу попечители начали вмѣшиваться въ непосредственное управленіе университетами. Ректоръ изъ самостоятельнаго представителя университета и правъ его, сдѣлался просто довѣреннымъ лицемъ, чиновникомъ подчиненнымъ попечителю. Наконецъ и выборъ ректоровъ какъ-то прекратился. Одно и тоже лице продолжаетъ быть ректоромъ на безсрочное время. Такимъ образомъ попечитель превратился въ прежняго директора университета. Должность директора соотвѣтствовала прежнему учрежденію университета, и потому директоры въ тѣ времена были весьма полезны. При нынѣшнемъ устройствѣ университетовъ попечители должны быть тѣмъ, чѣмъ имъ предназначено быть по сему устройству. Всякое отступленіе, несогласное съ духомъ сего устройства, неминуемо влечетъ за собою униженіе университетовъ, униженіе науки.

Какъ бы желая болѣе и болѣе возвратиться къ старому порядку вещей, начали, сверхъ попечителей, опредѣлять товарищей попечителей, такъ какъ прежде при директорѣ были вице-директоры. Не достаетъ только трехъ или четырехъ кураторовъ, которые, въ старину, въ качествѣ почетныхъ меценатовъ, присутствовали при всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ университетскихъ. Тогда и это имѣло свой смыслъ. А теперь?...

Если бы попечители въ исправленіи своей должности,

оставались въ предѣлахъ дѣятельности имъ предназначенной, то тогда для нихъ достаточно было бы имѣть при себѣ одного секретаря и одного писца. Для дѣятельности товарищей, постановленія университетскія никакихъ особенныхъ предметовъ не представляютъ. Лучше было бы жалованье ими получаемое употребить на учрежденіе какой нибудь новой каѳедры въ университетѣ.

Дабы высказать всю нашу мысль о подобныхъ посторонних элементахъ примѣшиваемыхъ къ быту университетскому, мы прибавимъ, что и учрежденіе самыхъ попечителей кажѣтся намъ вовсе ненужнымъ и несогласнымъ съ тою степенію важности и значительности, на которой должны стоять университеты между различными мѣстами и учрежденіями въ государствѣ. Просвѣщеніе, наука, въ наше время, не имѣютъ никакой нужды въ офиціальныхъ меценатахъ, особливо когда эти меценаты выходятъ или изъ канцелярій или изъ арміи. Настоящимъ попечителемъ и университетовъ и науки можетъ быть, въ Россіи, только самъ Государь.

Если же для сохраненія нѣкоторой гармоніи или того единства въ общемъ управленіи, о которомъ такъ пристально заботятся правители, въ рукахъ коихъ сосредоточена вся власть по части имъ ввѣренной, или, иными словами: если министръ просвѣщенія, въ видахъ централизаціи, можетъ имѣть нужду въ особыхъ органахъ съ своей стороны при каждомъ университетѣ, то для сего можно опредѣлить при университетѣ особаго коммиссара въ качествѣ прокурора, который будетъ присутствовать въ совѣтѣ университетскомъ съ голосомъ только совѣ-

щательнымъ, наблюдать вообще за законнымъ ходомъ дѣлъ, представлять свои замѣчанія на усмотрѣніе сего совѣта и доносить о всемъ, по принадлежности, министру.

Мы не можемъ не упомянуть здѣсь объ одной подробности, которая имѣетъ свою важность. Замѣтно, что съ нѣкотораго времени русскіе университеты не отправляютъ съ такою же правильностію какъ сіе дѣлалъ прежде московскій университетъ, студентовъ въ иностранные университеты для усовершенствованія въ наукахъ. Въ старину московскій университетъ имѣлъ всегда постоянно нѣсколько студентовъ въ чужихъ краяхъ. Конечно, съ другой стороны, теперь университеты даютъ средства нѣкоторымъ магистрамъ и профессорамъ посѣщать иностранные университеты. Это весьма хорошо и полезно. Но не ужели, и въ дѣлахъ просвѣщенія, дѣлая новое добро, надлежитъ отказываться отъ стараго? Нельзя ли дѣлать и того и другаго въ одно и тоже время?

Эти вопросы приводятъ насъ къ главному, рѣшительному вопросу финансовыхъ средствъ, предназначаемыхъ правительствомъ какъ для университетовъ, такъ и для народнаго просвѣщенія вообще.

Здѣсь, въ самомъ началѣ, мы должны сказать, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ часть доходовъ государственныхъ, предназначаемая для развитія и распространенія народнаго образованія, слишкомъ умѣренна въ сравненіи со всею массою государственныхъ доходовъ, слишкомъ мала въ сравненіи съ другими статьями расходовъ государственныхъ, особливо расходовъ для содержанія армій и флотовъ. Только въ Сѣверныхъ Американскихъ

Штатахъ находимъ мы справедливое соотношеніе издержекъ для народнаго образованія съ прочими государственными издержками. Ню-Іоркъ, съ народонаселеніемъ отъ 2 до 3 милліоновъ, издерживаетъ около 9 милліоновъ руб. сер. на учебныя заведенія. Массахусетсъ, съ гораздо меньшимъ населеніемъ, болѣе 6 милліоновъ руб. сер.

Мы должны замѣтить однакоже, что въ послѣднія времена различныя европейскія правительства обратили наконецъ справедливое вниманіе на недостаточность суммъ назначаемыхъ на просвѣщеніе и образованіе народа, въ сравненіи съ другими статьями государственныхъ расходовъ, и возвысили сіи суммы. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ учебныя заведенія зависятъ наиболѣе отъ пожертвованій частныхъ людей и гдѣ правительство ограничивается по большей части только вспомоществованіемъ въ пользу учебныхъ заведеній, сіи вспомоществованія, простиравшіяся въ 1835 году не далѣе какъ на сумму 1 милліона руб. сер., возвышены въ 1860 г. до суммы болѣе 8 милліоновъ руб. сер. Такъ какъ правительство дѣлаетъ сіи вспомоществованія только тогда, когда частные люди, съ своей стороны, заводятъ школы и училища, то сумма, выдаваемая изъ казначейства, предполагаетъ еще большія суммы, жертвуемыя частными людьми.

Во Франціи, гдѣ до революціи 1830 года расходы по министерству просвѣщенія едва ли превышали 1 милліонъ или $1^1/_2$ милліонъ руб. сер. они простирались до 4 милліоновъ руб. сер. въ концѣ царствованія Лудовика Филиппа и теперь составляютъ 7 милліоновъ руб. сер. Сверхъ сего различные города дѣлаютъ особыя издержки для училищъ,

Такъ, напримѣръ, Парижъ издерживаетъ на сей предметъ около 1 милліона руб. сер.

Въ Пруссіи правительство издерживаетъ на сей предметъ 4 или 5 милліоновъ руб. сер. Баварія 700 или 800,000. Виртембергъ около 500 или 600,000. Швеція около 1 милліона руб. сер.

Одно изъ вновь образовавшихся государствъ, соединенныя княжества Молдавіи и Валахіи, оказались — по крайней мѣрѣ на бумагѣ — вѣрными духу времени въ семъ отношеніи. Въ ихъ буджетѣ цифра издержекъ для просвѣщенія слѣдуетъ непосредственно за цифрою издержекъ арміи и финансоваго управленія: 21,126,184 піастра назначается для министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Сіе послѣднее получаетъ изъ сей суммы болѣе 7 милліоновъ піастровъ, если не ошибаюсь, около 500,000 р. с.

Въ Россіи, по журнальнымъ извѣстіямъ, роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ предназначаетъ для учебныхъ заведеній по министерству просвѣщенія. 3,405,562

по военному вѣдомству 3,314,521

6,720,083 *)

Коснувшись военныхъ училищъ, мы не можемъ и

*) Разказываютъ, что г. Канкринъ желая изъяснить, если не оправдать, всѣ мѣры, кои правительство принимало для распространенія пьянства, говаривалъ: „однимъ кабакомъ меньше, однимъ баталіономъ меньше.“ При тогдашней огромной арміи, министръ просвѣщенія могъ бы сказатъ: „однимъ баталіономъ или эскадрономъ меньше, однимъ университетомъ больше.“

здѣсь не сдѣлать того же замѣчанія, какое мы сдѣлали выше сего относительно училищъ духовныхъ.

Первое или основное образованіе юношества должно быть равное для всѣхъ. Мы не видимъ никакой пользы удалять отъ общихъ школъ и гимназій сотни и тысячи мальчиковъ съ самаго ихъ малолѣтства, заключать ихъ въ кадетскіе корпуса и тамъ учить ихъ тому же чему учатъ въ народныхъ школахъ и въ гимназіяхъ. А если не тому же, то чему? Конечно не стратегіи; не ужели только маршировкѣ и метанію ружьемъ? Но эта наука, впрочемъ не мудреная, для малолѣтныхъ безполезна; она можетъ быть изучена послѣ, когда силы разовьются и укрѣпятся. Для нея не нужно особыхъ воспитательныхъ корпусовъ.

Кадетскіе корпуса должны служить для спеціальнаго образованія молодыхъ людей по различнымъ частямъ; но тогда только, когда они получили уже первое основное образованіе, для коего существуютъ гимназіи. Одно только исключеніе представляется заслуживающимъ уваженія въ семъ отношеніи: это воспитаніе молодыхъ людей для морской службы, для флота. Полагаютъ, что къ сему ремеслу необходимо пріучать людей съ малолѣтства.

Учреждать военныя школы, кадетскіе корпуса не для приготовленія молодыхъ людей по какой либо спеціальной части, но для общей и весьма неопредѣленной цѣли такъ называемаго военнаго воспитанія, однимъ словомъ для образованія армейскихъ офицеровъ, не только безполезно, но и вредно; ибо по самому свойству и особенно по духу такихъ учрежденій, онѣ доставляютъ для службы не столько образованныхъ, свѣдущихъ въ военномъ

дѣлѣ офицеровъ, сколько простыхъ фрунтовиковъ. Это неизбѣжно. Не имѣя, въ ученіи, особенной спеціальной цѣли, и отдаляемые отъ цѣли общаго образованія, пріобрѣтаемаго въ гимназіяхъ, самымъ характеромъ военной школы, воспитанники такихъ военныхъ учрежденій, какъ бы невольно и непримѣтно для нихъ самихъ, ограничиваютъ сферу пріобрѣтаемыхъ ими свѣденій одною только матеріальною частію военнаго ремесла. Подтвержденіе сему мнѣнію мы находимъ во Франціи, гдѣ, между многими военными и другими спеціальными учебными учрежденіями, замѣтны въ особенности два: Школа политехническая и школа военная (Ecole militaire de St- Cyr). Первая образуетъ артиллеристовъ и инженеровъ. Спеціальность второй состоитъ въ общемъ образованіи офицеровъ для арміи. Политехническая школа съ самаго основанія и до нынѣ, славится во всей Европѣ; воспитанники ея отличаются особеннымъ трудолюбіемъ, прилежаніемъ, охотою и любовію къ труду. Вторая даетъ арміи конечно весьма хорошихъ офицеровъ; но умственное развитіе, объемъ свѣденій, уровень образованности вообще, стоятъ въ первой школѣ несравненно выше, нежели во второй. Можетъ быть это было наконецъ замѣчено; такъ какъ теперь помышляютъ о преобразованіи военной школы.

То что мы говоримъ здѣсь о военныхъ кадетскихъ корпусахъ, можно сказать и о всѣхъ другихъ подобныхъ заведеніяхъ, въ коихъ воспитанники приготовляются съ младенческихъ лѣтъ къ службѣ по особеннымъ, спеціальнымъ частямъ. Какая нужда, какая польза, начинать образованіе человѣка, на примѣръ по горной части, съ са-

маго его малолѣтства, въ особомъ горномъ корпусѣ? Пусть всѣ начинаютъ съ общаго основнаго образованія въ обыкновенныхъ общихъ школахъ, и такимъ образомъ приготовленные, пусть вступаютъ въ спеціальныя заведенія для изученія особыхъ наукъ сообразно ихъ призванію, наклонностямъ и способностямъ. Призваніе, наклонность, способности ознаменовываются яснѣе и тверже въ молодомъ человѣкѣ, получившемъ уже общее образованіе, необходимое для всѣхъ людей просвѣщенныхъ, нежели въ мальчикѣ, котораго, безъ его вѣдома и воли, предназначаютъ къ такому или иному ремеслу, для такой или иной науки. Тогда спеціальныя школы будутъ дѣйствительно только тѣмъ, чѣмъ онѣ быть должны, т. е. учрежденіями, посвященными для полнаго и исключительнаго образованія молодыхъ людей по извѣстной части.

По среди различныхъ учебныхъ заведеній въ Россіи медико-хирургическая академія занимаетъ весьма почетное мѣсто. Воспитывавшіеся въ сей академіи медики отличаются не только ихъ спеціальными свѣденіями, но и общею образованностію и особенно какимъ-то нравственнымъ благородствомъ. Между тѣмъ для нашихъ медиковъ нѣтъ никакихъ воспитательныхъ корпусовъ, для приготовленія ихъ съ малолѣтства къ званію лекарей. Всѣ они, выходя изъ обыкновенныхъ школъ, получаютъ спеціальное образованіе или въ академіи или въ университетскихъ факультетахъ.

Излагая здѣсь мнѣніе наше о теперешнемъ положеніи военныхъ школъ въ Россіи, мы ни мало не намѣрены осуждать основанія сихъ школъ въ томъ видѣ въ какомъ

онѣ были учреждены въ самомъ началѣ. Мы не сомнѣваемся, что учрежденіе кадетскихъ корпусовъ, — эта одна изъ многихъ великихъ заслугъ фельдмаршала Миниха предъ Россіею, — было дѣломъ самымъ добрымъ, самымъ полезнымъ, не только для русской арміи, но и для общей образованности народной; потому наиболѣе что все въ семъ случаѣ дѣлалось на счетъ казначейства. Но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Россіи, при теперешнихъ средствахъ общаго образованія, мы полагаемъ, что сему послѣднему несравненно болѣе могутъ споспѣшествовать гимназіи и другія подобныя училища, нежели кадетскіе корпуса, которые слѣдуетъ превратить въ школы спеціальныя въ меньшихъ размѣрахъ въ сравненіи съ настоящимъ ихъ положеніемъ. Чтожъ касается до суммъ, отъ казны нынѣ предназначаемыхъ на содержаніе огромныхъ кадетскихъ корпусовъ; то сіи суммы могутъ быть употреблены на содержаніе обыкновенныхъ общихъ училищъ и даже на вспомоществованіе молодыхъ людей, воспитывающихся въ своихъ семействахъ, и только посѣщающихъ извѣстныя училища. Сіе послѣднее разпоряженіе было бы соотвѣтственно тому здравому, весьма полезному постановленію, по коему, съ нѣкотораго времени, допускаются къ училищнымъ испытаніямъ молодые люди, получившіе образованіе не въ школахъ, а въ своихъ семействахъ.

VI.

Въ общемъ управленіи государственномъ устройство судебное занимаетъ весьма важное мѣсто. Мы замѣтили

выше, что въ различныхъ государствахъ, даже и при чисто-монархическомъ правленіи, существовалъ извѣстный порядокъ, основанный какъ на законахъ, такъ и на правахъ и обычаяхъ; что права личныя людей были ограждаемы и обеспечиваемы симъ порядкомъ, и что въ умахъ и убѣжденіяхъ людей существовало извѣстное чувство и сознаніе *законности*, столь необходимой для блага частнаго и для блага общаго. Къ утвержденію сего порядка, къ порожденію чувства и сознанія законности, всего болѣе содѣйствовало правильное устройство судебной части въ государствѣ.

Обращаясь къ нашему главному предмету, т. е. къ разсмотрѣнію тѣхъ преобразованій, кои сдѣлались нынѣ для Россіи необходимыми, и вспомнивъ, что отстраненіе произвола и замѣна его законностію, есть первое условіе всѣхъ преобразованій въ Россіи, мы находимъ, что произволъ прежде всего долженъ быть отстраненъ тамъ, гдѣ никогда ему не должно быть мѣста и законъ введенъ тамъ, гдѣ всегда, кромѣ его, ни что не должно имѣть силы, т. е. то и другое въ судахъ и въ судопроизводствѣ.

Для достиженія сей цѣли, для водворенія законности въ судахъ и судопроизводствѣ, необходимо, чтобы прежде всего власть судная была отдѣлена и сдѣлана независимою отъ власти правительственной. Таковая самостоятельность судной власти требуетъ, чтобы и судьи были и самостоятельны и, по возможности, независимы.

Не идя далѣе, мы здѣсь же замѣтимъ, что для достиженія сей независимости судей принимаемыя средства

представляются почти вездѣ весьма недостаточными. Главное и почти единственное средство или обеспеченіе независимости для судьи состоитъ въ томъ, что онъ, какъ судья, не можетъ подлежать никакой отвѣтственности предъ властію правительственною, не можетъ быть удаленъ отъ своей должности иначе какъ по приговору судебной власти. При множествѣ судовъ, при многочисленной и многосложной іерархіи судейской, какъ это существуетъ почти во всѣхъ государствахъ, власть правительственная всегда сохраняетъ великое вліяніе на судей вообще; такъ какъ, если она не можетъ ихъ по своему произволу отставлять, то можетъ, по произволу, перемѣщать съ одного мѣста на другое, съ мѣста низшаго на высшее и т. д. Подъ такимъ вліяніемъ независимость судьи конечно дѣлается весьма проблематическою, сомнительною. Не менѣе того, и въ такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, судья можетъ быть вполнѣ независимымъ, если онъ рѣшится предпочесть исполненіе своего долга милости или немилости правительственной власти. Тамъ гдѣ есть печатная гласность, такіе настоящіе судьи находятъ опору въ общемъ мнѣніи, къ которому власть правительственная, разпоряжающая участію судьи, не можетъ оставаться равнодушною. Такимъ образомъ неоспоримо, что и при упомянутыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ правило независимости судей можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ свою пользу.

Во Франціи участь трехъ или четырехъ тысячь судей *)

*) Число всѣхъ чиновниковъ по судебной части во Франціи превышаетъ 6 тысячь.

зависитъ отъ правительства: оно ихъ опредѣляетъ, оно перемѣщаетъ, производитъ. Бывали примѣры, что правительство, недовольное какимъ нибудь судьею, не имѣя права его отставить, перемѣщало его съ одного мѣста на другое, напримѣръ изъ Парижа въ какую нибудь колонію. Не менѣе того и не смотря на столь недостаточную независимость судейскую, мы безпрестанно видимъ примѣры, что французскіе судьи различныхъ инстанцій рѣшаютъ дѣла не заботясь о томъ нравятся ли ихъ рѣшенія правительству или нѣтъ, слѣдуя примѣру одного президента парижскаго аппеляціоннаго суда, оправдавшаго одного подсудимаго, котораго правительство желало осудить: на упрекъ за сіе оправданіе, сдѣланный президенту, онъ отвѣчалъ: La cour rend des arrêts et non des services.

Въ земляхъ гдѣ для судей нѣтъ никакой независимости, такіе примѣры рѣдки и едва ли возможны, не потому, конечно, чтобы судьи, какъ люди, были менѣе честны и богобоязливы, но по тому что, зная полновластіе правительства, имъ и въ умъ не приходитъ быть самостоятельными и независимыми; а если бы судьѣ вздумалось быть независимымъ и настоять на своемъ мнѣніи, то его просто никто не сталъ бы слушать, и бѣдный судья только прослылъ бы человѣкомъ „безпокойнымъ.“ Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ французскій судья знаетъ, что по праву, теоріи, онъ точно независимъ и обязанъ по совѣсти и по закону быть независимымъ и самостоятельнымъ, т. е. честнымъ и правдивымъ, судья въ Россіи не имѣетъ даже и возможности быть независимымъ и насто-

ять до конца на мнѣніи, которое онъ почитаетъ справедливымъ. Ни для кого не тайна, что въ Россіи было иногда предписываемо судамъ, особенно военнымъ судамъ, или осуждать или усиливать присужденныя наказанія. Судьи повиновались. Примѣровъ сопротивленія съ ихъ стороны не извѣстно. Винить въ семъ судей было бы напрасно. Вина въ главномъ началѣ, смѣшивающемъ то, что̀ должно быть раздѣлено, власть правительственную и власть судебную.

Въ одномъ только государствѣ европейскомъ существуетъ совершенная независимость судебной власти. Это въ Англіи. Возможность такой независимости обусловливается не столько общимъ политическимъ устройствомъ Англіи, сколько особеннымъ, ей одной свойственнымъ устройствомъ судебнаго порядка.

Главное условіе независимости судей, какъ мы сказали выше, состоитъ въ томъ, что они не подлежатъ отвѣтственности по произносимымъ ими приговорамъ предъ правительственною властію и что они не могутъ быть удаляемы отъ должности сею властію. Судьи отвѣтствуютъ единственно предъ закономъ. Образъ отвѣтственности и предметы, по коимъ они оной подлежатъ, должны также быть предопредѣлены закономъ. Само собою разумѣется, что судья, такъ какъ и всякое другое лице, посвящающее труды свои на дѣло общее, долженъ быть достаточнымъ и приличнымъ образомъ обеспеченъ въ своемъ житейскомъ существованіи.

Въ Россіи, какъ извѣстно, никакой закономъ устано-

вленной независимости не существуетъ. Судьи могутъ быть удаляемы отъ службы по произволу правительства и иногда подвергаются отвѣтственности и взысканіямъ не только за явное нарушеніе закона, но и за неправильное истолкованіе или пониманіе закона.

Нѣкоторыя судейскія мѣста предоставляются въ Россіи выборамъ. Это обстоятельство можетъ, конечно, придать особенную значительность званію судьи; но едва ли позволитъ ожидать отъ выборныхъ судей и болѣе свѣденій и болѣе опытности въ дѣлахъ, болѣе самостоятельности. Мы согласны однакоже въ томъ, что, при теперешнемъ порядкѣ вещей, выборъ нѣкоторыхъ судей можетъ имѣть свою пользу: избраніе позволяетъ думать, что избранное лице пользуется довѣренностію по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ лицъ, по крайней мѣрѣ одного изъ сословій гражданъ.

Приступая къ разсмотрѣнію необходимыхъ преобразованій по судной части, мы начнемъ съ тѣхъ предметовъ, кои всего болѣе требуютъ сихъ преобразованій.

Гражданское судопроизводство конечно представляетъ, въ Россіи, много неудобствъ и несовершенствъ. Но при всемъ томъ законодательство даетъ однакоже средства, указываетъ правила, по коимъ должно производиться какое либо гражданское дѣло.

Но по дѣламъ уголовнымъ, полицейскимъ, что̀ представляетъ наше законодательство? Мы найдемъ въ немъ различныя постановленія и предписанія о ходѣ дѣлъ, о приложеніи законовъ; нѣкоторыя фразы, напримѣръ: что „никто безъ суда да не накажется;“ „лучше оправдать

десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго;“ что „самое признаніе должно быть доказательно;“ найдемъ строгія запрещенія относительно пытки и пр. и пр. Но въ чемъ, на самомъ дѣлѣ, состоитъ судопроизводство, это главное основаніе всего уголовнаго правосудія?

Странно, но неоспоримо, что все въ уголовномъ судопроизводствѣ, основывается изключительно на слѣдствіи. И на какомъ слѣдствіи? Обвиняемаго допрашиваютъ; записываютъ его отвѣты и показанія, и тѣмъ для него, обвиняемаго, кончается все дѣло! Вотъ сущая истина о русскомъ уголовномъ судопроизводствѣ!

Мы понимаемъ судъ патріархальный въ младенчествѣ гражданскихъ обществъ. Мы понимаемъ, когда какое нибудь лице, пользующееся уваженіемъ и даже довѣренностію общею, судитъ и рядитъ полновластно, по своему усмотрѣнію, дѣла своихъ согражданъ. Насъ не удивляетъ даже дикій произволъ какого нибудь турецкаго паши или кади, который дѣлаетъ слѣдствіе и разбираетъ дѣло и произноситъ приговоръ, немедленно исполняемый. Но мы никакъ не можемъ понять порядка, по коему дѣло, хотя и начинается, какъ это должно быть, слѣдствіемъ, но слѣдствіемъ, которое ввѣряется людямъ, въ коихъ нельзя предполагать ни знаній, ни опытности, необходимыхъ въ дѣлахъ судебныхъ, людямъ, не подлежащимъ никакой контроли въ ихъ дѣйствіяхъ. Нѣкоторыя обязанности, закономъ на нихъ возлагаемыя, нѣкоторыя предписываемыя закономъ формы только служатъ къ покрытію ихъ очевиднаго произвола какимъ то весьма прозрачнымъ покрываломъ законности. Назначеніе новыхъ слѣдо-

вателей не поможетъ дѣлу: этотъ новый элементъ будетъ, какъ мы увидимъ далѣе, необходимо поглощенъ старымъ хаосомъ.

Еслибы, по крайней мѣрѣ, законъ ограждалъ обвиняемаго послѣ слѣдствія, во время дальнѣйшаго хода дѣла. Но нѣтъ! Это слѣдствіе, за правильность коего ничто не ручается, рѣшаетъ окончательную участь обвиняемаго. Дальнѣйшій ходъ дѣла остается для него тайною. Послѣ слѣдствія правосудіе обращается къ нему только съ объявленіемъ приговора. Какъ обвиняемый, такъ и подсудимый нигдѣ не видитъ не только покровительства отъ закона, но не видитъ даже дѣйствія, такъ сказать, присутствія закона. Онъ видитъ и чувствуетъ одинъ только произволъ. Не даромъ пониманіе народное въ семъ отношеніи выразилось въ пословицѣ: *Не бойся суда, а бойся судьи.* Это значитъ: не бойся закона, а бойся того, кто законъ толкуетъ и прилагаетъ.

Взгляните на приговоры уѣздныхъ судовъ. Вездѣ вы найдете: „По слѣдствію оказалось, и т. д. а потому, на основаніи такихъ-то статей свода законовъ....“ Тутъ слѣдуетъ приговоръ. И уѣздные судьи не видятъ тѣхъ людей, коихъ они осуждаютъ. Уголовныя палаты видятъ ихъ еще менѣе и судятъ и по слѣдствію и по рѣшенію уѣзднаго суда.

„Не уже ли вы никогда сами не допрашиваете подсудимаго?“ спросилъ я одного судью. „Да къ чему эти допросы послужить могутъ?“ отвѣчалъ судья. Если подсудимый будетъ говорить что либо противъ слѣдствія; то въ такомъ случаѣ мы не имѣемъ иныхъ средствъ къ

открытію истины, какъ нарядить новое слѣдствіе. Тогда дѣлу никогда не будетъ конца."

Мы замѣтили, что различныя формы при слѣдствіи предписываемыя, какъ-то: повальный обыскъ и пр. ни къ чему иному не служатъ, какъ къ прикрытію произвола слѣдователей. Подобныя ничего незначущія формальности мы встрѣчаемъ и въ судѣ. Въ видахъ здраваго правосудія законъ предписываетъ, чтобы въ судѣ были засѣдатели принадлежащіе къ тому же сословію, къ коему принадлежитъ подсудимый. Но на самомъ дѣлѣ сельскихъ засѣдателей обыкновенно и къ присутствію въ судѣ не допускаютъ: они засѣдаютъ въ сѣняхъ! Столь наглое презрѣніе къ закону ясно показываетъ, что настоящаго правосудія въ такомъ судѣ ожидать невозможно.

Для людей податнаго состоянія все кончается уголовною палатою. Въ царствованіе императора Александра I состоялся указъ, по коему уголовныя дѣла переносились въ сенатъ, когда было по онымъ значительное число лицъ: сколько — не было опредѣлено. Между тѣмъ однакоже мало по малу вошло въ обыкновеніе, что сенатъ принималъ жалобы отъ людей податнаго состоянія на рѣшенія палатъ и иногда перемѣнялъ, облегчалъ или отмѣнялъ сіи рѣшенія. Но въ послѣдствіе высшее правительство нашло такое вмѣшательство сената въ дѣла ему неподлежащія противозаконнымъ и отстранило благодѣтельное обыкновеніе; а наконецъ было узаконено, что осужденные могутъ приносить просьбы и жалобы въ сенатъ не прежде, какъ по исполненіи надъ ними приговора!

Все это такъ странно, такъ дико, что представляется

совершенно неимовѣрнымъ, невозможнымъ; между тѣмъ это сущая и горестная правда!

Вотъ что писалъ о сихъ предметахъ, за 50 лѣтъ предъ симъ, человѣкъ проведшій на службѣ по уголовной части — въ палатѣ и въ сенатѣ — большую часть своей жизни, которая, вся, была посвящена благу его ближнихъ: вспомоществованію неимущихъ, образованію необразованныхъ, защитѣ беззащитныхъ.

„Аппеляція *) на рѣшенія палатъ по дѣламъ уголовнымъ дозволяется, кромѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые осуждены къ лишенію жизни, или къ лишенію чести, или къ торговой казни, т. е. по дѣламъ маловажнымъ. Кто теряетъ одну четверть земли, или нѣсколько рублей, тотъ имѣетъ всѣ способы и время, по крайней мѣрѣ въ трехъ инстанціяхъ, защищать право свое и всегда о теченіи своего дѣла знать.

„А по самымъ важнымъ дѣламъ — осуждаемый къ лишенію жизни, чести, или къ торговой казни, съ первой минуты начала надъ нимъ слѣдствія или взятія его подъ стражу, до послѣдней, въ которую объявится ему рѣшительный приговоръ для отсылки его на казнь, — не вѣдаетъ своей участи, не имѣетъ никакого способа опровергать несправедливыхъ о немъ въ судѣ заключеній, какія бы сильныя доказательства имѣть ему на то ни случилось;

---

*) Это писалъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ въ мнѣніи поданномъ въ VI Департаментѣ Сената 29 Января 1809. Въ семъ мнѣніи онъ предлагалъ поднести докладъ Государю по сему предмету. См. записки Ив. В. Лопухина, с. 203.

однимъ словомъ, совсѣмъ въ рукахъ у судящихъ: — а безграмотный, каковыхъ по симъ дѣламъ большая часть, и въ показаніяхъ своихъ, по коимъ его судятъ, зависитъ отъ тѣхъ, которые ихъ записываютъ. Другому никому за такого страдальца законы не только ходатайствовать явно не позволяютъ, но строго запрещаютъ и знать о дѣлѣ.

„И весьма случиться можетъ, что истинно невинный, и въ невинности своей ожидающій свидѣтельства ея справедливости отъ суда, вдругъ услышитъ, при открытыхъ дверяхъ палаты, кнутъ себѣ, или ссылку. А сенатъ про то и не свѣдаетъ никогда.

„Всѣ пути его блюстительства и прибѣжища пресѣкаются, — одинъ оставался: принятіе отъ нихъ жалобъ, который нынѣ самъ сенатъ уничтожаетъ. Присылка экстрактовъ изъ колодничьихъ дѣлъ уже давно отмѣнена, хотя и въ мое присутствіе въ сенатѣ, не разъ и по разсмотрѣніи экстрактовъ сихъ, возвращали съ каторги напрасно въ нее сосланныхъ.

„Вотъ о чемъ по мнѣнію моему достойно правительствующаго сената поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ: и хотя благонамѣреніемъ мудрости учреждена коммиссія о сочиненіи законовъ; но въ дѣлахъ спасающихъ отъ гибели человѣчество дорогъ и часъ.“

50 лѣтъ прошло послѣ того, какъ сенаторъ Лопухинъ доказывалъ очевидную необходимость исправить такой порядокъ судопроизводства, по коему невинный не имѣетъ средствъ доказать своей невинности, оправдаться; — и

этотъ порядокъ судопроизводства существуетъ до сихъ поръ. Много перемѣнъ послѣдовало съ того времени въ формахъ внутренняго управленія; перемѣнили кругъ дѣйствій и вѣдомства различныхъ губернскихъ мѣстъ; учредили жандармовъ, коихъ призваніе могло бы съ пользою коснуться до дѣлъ слѣдственныхъ; составили наконецъ Сводъ Законовъ, обогативъ его различными новыми постановленіями; но для обвиняемыхъ по дѣламъ уголовнымъ и полицейскимъ, и во время слѣдствія и во время суда, все осталось по прежнему. „Въ дѣлахъ спасающихъ отъ гибели человѣчество дорогъ и часъ," говоритъ разумный и добродѣтельный сенаторъ. Для нашихъ государственныхъ людей не дорога и половина вѣка и, можетъ быть, цѣлый вѣкъ!

Сколько проэктовъ, сколько предположеній и предначертаній видѣли мы въ Россіи съ самаго начала XIX-го столѣтія! Сколько разглагольствованій о преобразованіи государства? Но воображеніе нашихъ патріотовъ всегда какъ-то парило надъ народомъ, въ сферахъ возвышенныхъ, недосягаемыхъ для первыхъ жизненныхъ потребностей бѣднаго русскаго народа, для его задушевныхъ желаній, для его надеждъ и его упованій. Типомъ всѣхъ такихъ преобразователей является въ новѣйшей русской исторіи г-нъ Сперанскій, который, начертавъ общій уставъ для всей имперіи, посвятилъ двѣ или три строки на предметъ крѣпостнаго состоянія! Обратившись, въ иныхъ направленіяхъ, къ составленію Свода Законовъ, онъ усвоилъ русскому законодательству всѣ жестокія безсмысленности старинныхъ теорій уголовнаго права, вездѣ уже давно от-

брошенныхъ; разчислилъ по признакамъ виновности и по анатоміи доказательствъ число ударовъ плетьми и пр. и пр. Но не подумалъ о томъ, чтобы дать невинному средства оправдаться, такъ чтобы онъ не могъ, „спокойно ожидая справедливости отъ суда, вдругъ услышать, при открытыхъ дверяхъ палаты, кнутъ себѣ, или ссылку.“

Вообще равнодушіе наше къ самымъ жизненнымъ, кровнымъ нуждамъ народа, къ самымъ кореннымъ началамъ общаго благополучія, общей безопасности, столь же непостижимо, какъ и очевидно. Конечно у насъ, особливо теперь, много говорятъ о реформахъ; заводятъ множество коммерческихъ и индустріальныхъ обществъ; хлопочутъ даже о воскресныхъ школахъ. Литтература наша указываетъ на многія общеполезныя учрежденія иностранныя, желая усвоить что либо подобное и Россіи. Много охотниковъ путешествовать, и посѣщая иностранныя земли, путешественники все осматриваютъ; особенное вниманіе обращается на періодическія выставки предметовъ промышлености, рукодѣлія, искусствъ, фабрикъ и мануфактуръ. Мы учреждаемъ даже и у себя такія выставки. Но о предметахъ, касающихся до дѣйствительной жизни массы народной, о томъ, какъ народъ живетъ, какъ онъ питается, какъ преуспѣваетъ и какъ гибнетъ, какъ его управляютъ на самомъ дѣлѣ, т. е. какъ имъ управляютъ мѣстныя начальства, какъ его судятъ, какъ содержатъ въ тюрмахъ, какъ ссылаютъ въ Сибирь и какъ сосланные живутъ тамъ; о всемъ этомъ можно узнать кое-что только отъ нѣкоторыхъ, такъ сказать, спеціали-

стовъ подобныхъ И. В. Лопухину; и русскій путешественникъ, напримѣръ въ Лондонѣ, пойдетъ, безъ сомнѣнія, въ парламентъ послушать рѣчей разныхъ партій ораторовъ; но ему и въ голову не придетъ заглянуть въ одинъ изъ лондонскихъ полицейскихъ судовъ, который, простотою, ясностію и справедливостію судопроизводства, убѣдилъ бы его, что и въ Россіи могутъ существовать такіе же суды, что и тамъ, въ нашей родной землѣ, невинный могъ бы не бояться ни суда, ни судьи, ни слѣдователя.

Это равнодушіе изъяснялось по сію пору, до нѣкоторой степени, крѣпостнымъ состояніемъ, въ коемъ находилось 23 милліона русскихъ крестьянъ. Мы скажемъ даже, что это равнодушіе было неминуемымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго состоянія. Въ такомъ положеніи вещей даже самыя понятія о правдѣ и неправдѣ, о добрѣ и о злѣ, о полезномъ и о вредномъ, не могутъ сохраниться ясными и чистыми въ умѣ людей, дышащихъ, такъ сказать, въ атмосферѣ лжи и беззаконія. Какъ ожидать отъ человѣка здраваго понятія о правѣ, о законѣ, когда онъ владѣетъ, какъ собственностію, другимъ человѣкомъ и когда одна его воля т. е. произволъ, направляетъ его дѣйствіями? Его ни мало не удивляетъ, что или слѣдователь, или судья, дѣйствуютъ произвольно, потому что онъ привыкъ самъ такъ дѣйствовать. И здѣсь если врожденное самою природою чувство справедливости можетъ еще жить въ чьемъ либо сердцѣ, то это въ сердцѣ подвластной жертвы; но эта жертва безгласна и беззащитна, и защищать ее даже запрещено закономъ, какъ замѣчаетъ И. В. Лопухинъ.

Но крѣпостнаго права болѣе нѣтъ въ Россіи. Вырвавъ корень зла, надлежитъ изтребить и зловредныя вѣтви, которыя выросли изъ сего корня, т. е. всѣ тѣ пагубныя и горестныя послѣдствія крѣпостнаго права, отъ коихъ донынѣ страдаетъ Россія.

Отстраненіе послѣдствій закрѣпощенія нигдѣ не нужно болѣе, какъ въ преобразованіи судебнаго порядка. Слова Лопухина, по истинѣ, вопіютъ къ небу и вопіютъ уже давно. Надобно же теперь рѣшиться положить конецъ такому бѣдственному порядку. Чувство и сознаніе законности суть первыя условія всякаго благоустройства общественнаго. И теперь, когда освобожденіе было дано народу, необходимо, чтобы онъ нашелъ собя въ состояніи почувствовать и оцѣнить сіе освобожденіе. Ничто болѣе и скорѣе не увѣритъ крестьянина, что онъ свободенъ, что участь его улучшилась, какъ убѣжденіе, что и для него есть законъ, что и онъ можетъ отвѣчать предъ симъ закономъ и ожидать правосудія отъ предержащихъ властей.

Между различными предположеніями и предначертаніями правительства при разсмотрѣніи вопроса освобожденія, мы замѣтили одно, по которому правительство искало, при самомъ первомъ шагѣ освобожденія, убѣдить крестьянъ, что участь ихъ улучшилась: отмѣною различныхъ поборовъ и предоставленіемъ нѣкоторыхъ правъ, коими они прежде не пользовались. Такимъ же образомъ мы желаемъ, чтобы правительство, не ожидая общаго и полнаго преобразованія судовъ и судопроизводства, приступило нынѣ же, въ самомъ началѣ, къ учрежденію тѣхъ судовъ и того судопроизводства, которое особенно касается до простаго

народа; дабы тѣ, кои наиболѣе имѣютъ нужды въ защитѣ законной, въ огражденіи отъ повсемѣстнаго произвола, обрушающагося на нихъ болѣе нежели на какое либо другое сословіе, немедленно почувствовали и сознали всю цѣну оказаннаго имъ благодѣянія, и увѣрились, что и они подданные одного государя и законные сыны родной ихъ матери Россіи.

Само правительство, какъ намъ кажется, почувствовало, что первый шагъ къ общему преобразованію долженъ быть сдѣланъ на поприщѣ судебномъ. Это мы заключаемъ изъ учрежденныхъ недавно, по уѣздамъ, особенныхъ чиновниковъ для производства слѣдствій. Мысль праведная и благодѣтельная. Но учрежденіе слѣдователей слишкомъ слабо, чтобы противостоять огромному злу неразлучному съ теперешнимъ слѣдственнымъ порядкомъ. Новый слѣдователь есть весьма полезный элементъ въ производствѣ слѣдствія. Но этотъ новый элементъ поставляется посреди старыхъ элементовъ, которые, естественно, будутъ продолжать дѣйствовать по старому. Иногда, конечно, новый слѣдователь успѣетъ преодолѣть всѣ препятствія, кои онъ встрѣтитъ отъ сопротивленія или только отъ вмѣшательства уѣздныхъ властей. Но иногда и не успѣетъ. Въ такомъ положеніи все будетъ зависѣть отъ личности новаго слѣдователя. Подобнаго обеспеченія, особливо въ дѣлахъ судныхъ, недостаточно. Необходимо, чтобы самый законъ облекъ слѣдователя во власть, которую онъ имѣть долженъ. Необходимо, чтобы самый законъ предписалъ всѣ правила, кои надлежитъ соблюдать при слѣдствіи; т. е. другими словами, нуженъ новый слѣдственный уставъ съ сопро-

вожденіемъ всѣхъ условій для обеспеченія вѣрнаго исполненія закона, для обеспеченія обвиняемаго и его полной защиты. Лучшимъ обеспеченіемъ и вѣрнаго, законнаго хода слѣдствія и личности обвиняемаго, будетъ всегда служить гласность.

Всѣ мелкія дѣла гражданскія и дѣла слѣдственныя, т. е. именно тѣ дѣла, кои въ особенности касаются до массы народной, могутъ быть, по нашему мнѣнію, сосредоточены въ одномъ и томъ же судѣ: въ судѣ полицейскомъ.

Мы изъяснили мысль нашу о полицейскихъ судахъ въ особой статьѣ, напечатанной нами вмѣстѣ со статьею о судѣ присяжныхъ. Мы не будемъ повторять здѣсь того, что̀ уже было сказано нами прежде и ограничимся только нѣкоторыми предположеніями.

Суду полицейскому должны, по нашему мнѣнію, подлежать:

Во первыхъ: всѣ дѣла маловажныя по искамъ и спорамъ, по жалобамъ, по безпорядкамъ и особливо по такимъ случайностямъ, по коимъ, какъ говорится, берутъ людей *на съѣзжую*.

Во вторыхъ: дѣла слѣдственныя.

Касательно дѣлъ перваго разряда, такъ какъ судъ полицейскій будетъ учрежденіемъ совершенно новымъ, то намъ кажется, что полезно было бы, для руководства судей, издать особый уставъ, въ коемъ будутъ опредѣлены предѣлы власти судьи, равно какъ пени, штрафы и наказанія, коимъ должны подвергаться виновные. Предоставить полицейскимъ судьямъ руководствоваться

вообще сводомъ законовъ, было бы весьма неудобно и даже пагубно. Краткость, ясность, простота необходимы въ полицейскихъ законахъ болѣе нежели гдѣ либо. Къ тому же мы надѣемся, что правительство, рѣшившись дать массѣ народной новый судъ и новую расправу, устроитъ и то и другое на основаніяхъ, сообразныхъ не съ прежнимъ, а съ теперешнимъ состояніемъ Россіи, т. е. съ состояніемъ, въ коемъ нѣтъ уже болѣе крѣпостнаго права.

Составить такой уставъ не мудрено: была бы только честная охота и прямое пониманіе дѣла.

Составленіе новаго слѣдственнаго устава будетъ труднѣе. И о семъ предметѣ мы имѣли случай говорить въ иныхъ мѣстахъ. Ограничимся здѣсь нѣкоторыми общими правилами.

Цѣль всякаго слѣдствія есть: открытіе истины. Но цѣль, сколь бы нравственна она ни была, не оправдываетъ всѣхъ средствъ къ достиженію ея. Надобно, чтобы и средства были нравственны, законны.

Всякій человѣкъ, обвиняемый въ какомъ либо проступкѣ или преступленіи, почитается невиннымъ до тѣхъ поръ пока онъ не былъ признанъ виновнымъ и осужденъ по приговору суда.

Обвиняемый, являясь предъ судъ, видитъ противъ себя, такъ сказать, все общество вооруженное закономъ и требующее отъ него отвѣта. Самая простая справедливость требуетъ, чтобы этотъ человѣкъ имѣлъ всѣ возможныя средства къ своему оправданію. Изъ сего слѣдуетъ, что обвиняемый долженъ имѣть право не только представлять самъ свое оправданіе; но также прибѣгнуть

къ помощи другаго въ семъ оправданіи. Обвиненіе можетъ привести въ замѣшательство, въ смущеніе какъ дѣйствительно виновнаго, такъ и невиннаго и сильно затруднить и отвѣты и оправданіе. Если совѣтъ или помощь посторонняго лица, адвоката, защитника, можетъ быть полезна для обвиняемаго, то несправедливо ему въ сей помощи отказывать.

Мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ земляхъ, пользующихся впрочемъ превосходнымъ судопроизводствомъ, адвокаты при слѣдствіи не допускаются. Такъ, напримѣръ, во Франціи, въ случаѣ какого либо преступленія, слѣдственный судья имѣетъ обязанностію собрать и соединить всѣ свѣденія и обстоятельства дѣла, кои могутъ опредѣлить преступленіе. Обвиняемый допрашивается; призываютъ свидѣтелей. Если дѣло представляетъ какія либо обстоятельства, для изъясненія и опредѣленія коихъ требуется особыхъ спеціальныхъ знаній, то призываются спеціалисты, эксперты. Совокупивъ такимъ образомъ всѣ свѣденія по дѣлу, слѣдственный судья рѣшитъ по своей совѣсти, основательно или неосновательно обвиненіе.

Другая, высшая инстанція (chambre des mises en accusation) разсматриваетъ рѣшеніе слѣдственнаго судьи, если оно было противъ обвиняемаго. Въ особенности сія инстанція изыскиваетъ: подлежитъ ли вообще обвиняемый отвѣтственности по закону, и какую силу имѣютъ доказательства противъ него приводимыя. Если сія инстанція находитъ обвиненіе основательнымъ, то предаетъ обвиняемаго суду. Гласности при слѣдствіи, во Франціи, нѣтъ.

Въ Англіи слѣдственный порядокъ не только гораздо проще французскаго, но и правильнѣе, ибо представляетъ для обвиняемаго несравненно болѣе обеспеченій. Сіи обеспеченія состоятъ въ томъ, что призываемый въ полицейскій судъ можетъ имѣть защитника или совѣтника, и въ томъ особенно, что производство въ семъ судѣ гласное, какъ и во всѣхъ другихъ судахъ.

Вторая инстанція въ слѣдствіи, рѣшающая окончательное преданіе суду, во Франціи chambre des mises en accusation, состоитъ, въ Англіи, въ большомъ жюри, которое разсматриваетъ только по представленнымъ письменнымъ актамъ отъ полицейскаго судьи.

Излагая мои мысли о сихъ предметахъ (въ статьяхъ о судѣ присяжныхъ и о полицейскихъ судахъ) я искалъ всего болѣе простоты и ясности въ судопроизводствѣ. По сему я приведенъ былъ къ заключенію усвоить прокурору власть, которая можетъ показаться чрезмѣрною. Но мнѣ казалось, что такая власть прокурора можетъ много способствовать скорому теченію дѣлъ; между тѣмъ весьма сильное обеспеченіе противъ употребленія сей власти во зло, найдется какъ въ правѣ обвиняемаго имѣть своего защитника, такъ особенно въ гласности производства слѣдствія.

Обвиняемые могутъ, въ продолженіе слѣдствія, оставаться на свободѣ, представивъ за себя опредѣленное поручительство; поруки обязываются внести извѣстную сумму въ случаѣ если обвиняемый не явится къ суду по возтребованію. Въ семъ отношеніи англійское законодательство особенно благорпіятствуетъ обвиняемому, что, конечно,

весьма справедливо. Нѣтъ никакой нужды держать обвиняемаго въ тюрьмѣ, когда судья можетъ быть увѣренъ, что онъ предстанетъ предъ судъ по возтребованію. Эта увѣренность судьи основывается на поручительствѣ. Въ дѣлахъ важныхъ, когда судья можетъ предполагать, что обвиняемый рѣшится скорѣе потерять большую сумму денегъ, нежели подвергнуться строгому наказанію, судья поручительства не допуститъ и обвиняемый остается въ тюрьмѣ.

При слѣдствіи, какъ и при самомъ судѣ, мы приняли основнымъ правиломъ, что обвиняемый, по возможности, не долженъ быть принуждаемъ отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы. Открытіе истины должно основываться не столько на словахъ самого обвиняемаго, сколько на показаніяхъ свидѣтелей и на обстоятельствахъ дѣла.

Наблюденіе такихъ правилъ при производствѣ слѣдствій требуется самою простою справедливостію и необходимо для всякаго здраваго слѣдственнаго порядка.

Одно указаніе на таковыя правила достаточно опровергаетъ всѣ тѣ великія неправильности, кои сопровождаютъ всякое слѣдствіе въ Россіи, гдѣ, для открытія истины, прибѣгаютъ къ различнымъ принудительнымъ средствамъ, доходящимъ иногда до настоящей пытки, и даже къ такъ называемому духовному или церковному увѣщанію. Замѣтимъ, что сіе послѣднее средство достичь истины встрѣчается только въ русскомъ законодательствѣ.

Такъ какъ полицейскіе суды, по самому свойству и назначенію своему, должны засѣдать безпрерывно; то число ихъ должно сообразоваться съ сею потребностію. Въ столицахъ такихъ судовъ можетъ быть нѣсколько; въ

другихъ мѣстахъ, особливо въ уѣздныхъ городахъ достаточно одного полицейскаго суда.

Въ каждомъ судѣ, можетъ быть, необходимо имѣть двухъ судей, изъ которыхъ одинъ будетъ заниматься преимущественно дѣлами слѣдственными. Тамъ гдѣ дѣлъ вообще не много, одинъ и тотъ же судья можетъ заниматься дѣлами обоихъ разрядовъ.

Вѣденіе полицейскихъ судовъ въ уѣздахъ по дѣламъ слѣдственнымъ должно разпространяться на весь уѣздъ, т. е. на всѣ селенія въ уѣздѣ находящіяся. Для маловажныхъ дѣлъ 1-го разряда, по жалобамъ и спорамъ между поселянами, должны быть учреждены особые мировые или сельскіе суды. Но можно и поселянамъ предоставить право обращаться по симъ дѣламъ прямо къ уѣзднымъ полицейскимъ судамъ. Мы полагаемъ, что дѣла рѣшаемыя въ мировыхъ или сельскихъ судахъ могутъ подлежать обжалованію (аппелляціи) въ судахъ полицейскихъ.

Наблюденіе за порядкомъ въ ходѣ судебныхъ дѣлъ вообще, возлагаемое на прокуроровъ, должно, безъ сомнѣнія, разпространяться и на полицейскіе суды. Но для сего не нужно имѣть при каждомъ полицейскомъ судѣ особеннаго чиновника. Вмѣшательство прокурора въ дѣла полицейскихъ судовъ должно быть предоставлено его усмотрѣнію и его отвѣтственности.

Изложивъ мысли наши о слѣдствіи, мы перейдемъ къ судамъ, коимъ подлежитъ рѣшеніе дѣлъ уголовныхъ.

Въ сихъ дѣлахъ законодательство нѣкоторыхъ государствъ различаетъ дѣла уголовныя отъ дѣлъ такъ называемыхъ полицейскихъ. Дѣла уголовныя, въ такомъ

случаѣ, предоставляются рѣшенію суда присяжныхъ; прочія рѣшенію судовъ обыкновенныхъ 1-й и 2-й инстанціи. Кромѣ сего, напримѣръ во Франціи, мелкія нарушенія законовъ (contraventions), по коимъ не предполагается злоумышленности, подлежатъ вѣденію судовъ простой полиціи (simple police) подъ предсѣдательствомъ мировыхъ судей.

Что касается до дѣлъ уголовныхъ, до преступленій (crimes), то вездѣ принимается, что онѣ должны подлежать суду присяжныхъ.

Должны ли и прочія дѣла, по разнымъ нарушеніямъ законовъ, за изключеніемъ самыхъ маловажныхъ, подлежать суду присяжныхъ, или, какъ напримѣръ во Франціи, обыкновеннымъ судамъ безъ присяжныхъ (police correctionelle)?

Намъ кажется, что отвѣтъ на такой вопросъ не труденъ. Если судъ присяжныхъ хорошъ и полезенъ для большихъ преступленій, то онъ будетъ хорошъ и полезенъ и для менѣе важныхъ нарушеній закона, для проступковъ.

И такъ мы полагаемъ, что всѣ противузаконныя дѣйствія, преступленія и проступки, за изключеніемъ самыхъ маловажныхъ, предоставляемыхъ окончательному рѣшенію судовъ полицейскихъ, значеніе коихъ мы опредѣлили выше сего, должны подлежать суду присяжныхъ.

Такъ какъ мы довольно подробно говорили, въ особой статьѣ, о судѣ присяжныхъ, то мы ограничимся здѣсь только нѣкоторыми замѣчаніями.

Судъ присяжныхъ возникъ въ лѣсахъ Германіи. Первые изобрѣтатели его искали въ немъ правды. Про-

стота ихъ нравовъ, прямодушіе, вѣра въ совѣсть человѣческую дѣйствительно привели ихъ къ сей правдѣ, — къ той правдѣ покрайней мѣрѣ, которая возможна на семъ свѣтѣ. Повсюду гдѣ водворялись потомки сихъ первобытныхъ обитателей лѣсовъ германскихъ, они, съ своими нравами и обычаями приносили и учрежденіе суда присяжныхъ. Такъ онъ, чрезъ Нормановъ, перешелъ и къ древней Россіи. На русской почвѣ благодатное растѣніе разцвѣло, — и наконецъ заглохло. Но въ другихъ странахъ оно продолжало расти, цвѣсти и преуспѣвать, обновляясь и совершенствуясь въ соразмѣрности съ успѣхами гражданской жизни. При содѣйствіи благотворныхъ лучей гражданской образованности и свободы, оно развилось и укрѣпилось наиболѣе въ счастливой Англіи. Оттуда желали бы мы вновь перенести его на русскую почву въ полной его силѣ, съ его первобытнымъ лѣснымъ аромомъ.

Нѣтъ соммѣнія — и въ этомъ согласны всѣ понимающіе истинный смыслъ и истинное значеніе суда присяжныхъ, — что онъ въ наибольшемъ совершенствѣ существуетъ только въ Англіи и, чрезъ англичанъ, въ Америкѣ и въ англійскихъ колоніяхъ. Французское жюри, при первопачальномъ его введеніи во Францію, сохранило всѣ отличительныя черты англійскаго учрежденія; но въ послѣдствіи оно было изкажено. Германскія государства, вводя судъ присяжныхъ, взяли за образецъ не англійское, а французское законодательство въ семъ отношеніи, какъ бы забывъ, что изобрѣтеніе суда присяжныхъ принадлежитъ ихъ собственнымъ предкамъ.

Основная мысль суда присяжныхъ состоитъ въ томъ,

что рѣшеніе предоставляется совѣсти нѣкоторыхъ людей независимыхъ, честныхъ, безпристрастныхъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что судья присутствующій въ судѣ какъ представитель закона, долженъ только, такъ сказать, помогать присяжнымъ въ справедливомъ исполненіи лежащей на нихъ обязанности; долженъ блюсти, чтобы законъ ни кѣмъ не былъ нарушенъ, не исключая и самыхъ присяжныхъ.

Присяжные, желая открыть истину, пріобрѣсти убѣжденіе по совѣсти, должны почерпать сіе убѣжденіе не изъ мнѣній или судьи, или прокурора, или изъ какого бы то ни было прежде приготовленнаго письменнаго обвиненія; но изъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ дѣла, кои разкрываютпредъ ними показаніями свидѣтелей. Отъ разумѣнія, отъ совѣсти присяжныхъ будетъ зависѣть оцѣнить надлежащимъ образомъ показаніе свидѣтеля.

Простый здравый смыслъ требуетъ, чтобы присяжный, произнося свой приговоръ, зналъ на-передъ: какія послѣдствія для подсудимаго сей приговоръ имѣть долженъ. Приложеніе закона къ признанной присяжными винѣ, конечно предоставляется судьѣ. Но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы присяжный долженъ или могъ бы оставаться равнодушнымъ къ наказанію, вызываемому его приговоромъ, какъ сего требуетъ французское законодательство, запрещающее присяжному даже и помышлять о наказаніи, которое, въ слѣдствіе его приговора, будетъ опредѣлено судьею.

Между тѣмъ изъ сего весьма простаго порядка, что присяжные провозглашаютъ вину, а судья прилагаетъ закономъ изрѣкаемое за сію вину наказаніе, законники вы-

вели особенную теорію, въ томъ состоящую, что присяжные должны только судить о винѣ, о совершеніи преступленія, а судья прилагать наказаніе.

Чтожъ вышло изъ сей теоріи? Напримѣръ въ Англіи, гдѣ судъ присяжныхъ не всегда пользовался тою самостоятельностію, какою онъ пользуется нынѣ, судьи, въ дѣлахъ книгопечатанія, утверждали, что присяжные должны только объявить, что такая-то книга, преслѣдуемая со стороны правительства, напечатана, не входя въ разсмотрѣніе есть ли что нибудь противнаго законамъ въ сей книгѣ. Получивъ отъ присяжныхъ объявленіе, что книга напечатана, судьи брали на себя рѣшить и виновность и степень виновности автора и приложить законъ къ найденной ими винѣ. Присяжные не всегда повиновались въ сихъ дѣлахъ требованіямъ судей. Борьба продолжалась долго. Наконецъ, по предложенію славнаго Фокса, было узаконено, что въ дѣлахъ печати присяжные могутъ судить какъ о винѣ, такъ и о законѣ.

Надобно замѣтить, что по дѣламъ обыкновеннымъ, въ кои правительство не имѣло никакого повода и выгоды вмѣшиваться, судьи никогда не спорили и не спорятъ съ присяжными: старая теорія осталась теоріей, здравый смыслъ здравымъ смысломъ и присяжные всегда на самомъ дѣлѣ судили и судятъ какъ судить слѣдуетъ, т. е. произнося приговоръ не забываютъ о наказаніи, и сіе тѣмъ болѣе, что судьи, давая свои наставленія присяжнымъ, всегда изъясняютъ имъ законъ, коему можетъ быть подвергнутъ осужденный симъ приговоромъ.

Эта послѣдняя теорія, теорія здраваго смысла, была,

въ новѣйшее время принята и провозглашена въ законодательствѣ различныхъ государствъ, особливо въ сѣверныхъ Американскихъ Штатахъ.

Въ уголовномъ производствѣ весьма важно и необходимо опредѣлить истинное призваніе судьи. Мы видимъ, что весьма часто сіе призваніе понимается весьма ложно.

Предсѣдательствуя въ судѣ, судья долженъ, прежде всего, быть вполнѣ безпристрастнымъ. Предъ судомъ всегда предстоятъ двѣ стороны, два лица: обвинитель или жалующійся и подсудимый или оправдывающійся, истецъ и отвѣтчикъ. И та и другая сторона представляетъ свои доводы, свои доказательства, своихъ свидѣтелей. Истина должна обнаружиться только изъ сихъ доводовъ и доказательствъ, изъ показаній свидѣтелей обѣихъ сторонъ. Къ сожалѣнію и вопреки началамъ самой простой справедливости, этой истины часто ищутъ въ допросѣ самого подсудимаго. Это даетъ всему ходу дѣла весьма ложное направленіе, и такъ какъ допросъ подсудимаго можетъ быть дѣлаемъ ни кѣмъ другимъ какъ самимъ судьею, то изъ сего слѣдуетъ, что судья выходитъ изъ той высокой сферы, въ которой онъ поставленъ закономъ, вмѣшивается въ самую сущность процесса, въ изслѣдованіе, объясненіе и оцѣнку различныхъ обстоятельствъ онаго, и увлекаемый далѣе и далѣе въ противоборствѣ съ подсудимымъ, слишкомъ часто, если не всегда, является наконецъ просто обвинителемъ подсудимаго; такъ что сей послѣдній находитъ предъ собою вмѣсто одного обвинителя, двухъ, между тѣмъ какъ судья, настоящій судья, для него изчезаетъ. Французскіе законники, защищая такой поря-

докъ, уродливость коего для нихъ не замѣтна отъ привычки смотрѣть на него, всегда оправдываются тѣмъ, что допросъ предсѣдателя дѣлается для открытія истины. Но развѣ нѣтъ для сего иныхъ средствъ? И пытку, въ старину, оправдывали стремленіемъ открыть истину! Во всякомъ случаѣ предсѣдатель, вмѣшиваясь въ допросы, т. е. въ самое обвиненіе, лежащее на прокурорѣ, на обвинителѣ, перестаетъ быть судьею, лицемъ, которое должно быть и казаться безпристрастнымъ. Такимъ образомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, мы находимъ судъ безъ судьи.

Судья, въ судѣ присяжныхъ, какъ мы сказали выше, есть представитель, истолкователь закона. Онъ наблюдаетъ, чтобы ходъ дѣла былъ правильный, законный; чтобы лица предъ судомъ предстоящія пользовались всѣми правилами и обезпеченіями, коими законъ ихъ ограждаетъ. По выслушаніи судомъ и обвиненія и оправданія, судья изъясняетъ присяжнымъ то, что̀ было открыто обстоятельствами дѣла и показаніями свидѣтелей, опредѣляетъ въ чемъ состоитъ преступленіе приписываемое подсудимому и изъясняетъ законы, коимъ можетъ быть подвергнутъ сей послѣдній, если присяжные найдутъ его виновнымъ.

Излагая мои мысли о судѣ присяжныхъ для Россіи*), я рѣшился возложить на судью нѣкоторыя обязанности, неизвѣстныя въ иныхъ земляхъ, обязанности, кои значительно увеличиваютъ власть судьи и слѣдственно вліяніе его на рѣшеніе дѣлъ. Желая съ одной стороны отстранить существующую методу во Франціи задавать множество

*) См. О судѣ присяжныхъ и о судахъ полицейскихъ.

вопросовъ присяжнымъ для произнесенія ихъ приговора; а съ другой сохранить простоту англійскаго судопроизводства, по коему присяжные рѣшаютъ дѣла всегда однимъ отвѣтомъ: „виноватъ или не виноватъ,“ я придумалъ возложить на предсѣдателя обязанность: составить писменное изтолкованіе рѣшенія присяжныхъ. Такимъ образомъ, по моему плану, рѣшеніе присяжныхъ будетъ заключаться въ одномъ словѣ: „виноватъ или не виноватъ,“ по каждому изъ особенныхъ обстоятельствъ дѣла. По объявленіи сего рѣшенія судья составляетъ письменно приговоръ, въ коемъ онъ изъясняетъ всѣ законныя послѣдствія рѣшенія присяжныхъ и читаетъ сей приговоръ въ присутствіи суда и подсудимаго. Дабы оградить сколь возможно правильность такого изъясненія судьею рѣшенія присяжныхъ, я подвергнулъ оное, въ случаѣ обжалованія или аппеляціи, обсужденію и оцѣнкѣ верховнаго суда.

Вопросъ о томъ: должны ли присяжные рѣшать дѣла единогласно или по большинству голосовъ, весьма важенъ. Мнѣнія по сему предмету продолжаютъ быть различны. Мы думаемъ, что всѣ тѣ, кои вникнули въ прямый смыслъ, въ прямое значеніе суда присяжныхъ, должны предпочесть единогласіе большинству голосовъ. Для насъ единогласіе составляетъ необходимую принадлежность суда присяжныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ началѣ требовалось, чтобы приговоръ былъ единогласный. Люди искали истины въ судѣ присяжныхъ. Истина, въ полнотѣ своей, можетъ ознаменоваться только единогласіемъ.

Во многихъ первобытныхъ, такъ сказать самород-

ныхъ учрежденіяхъ, возникшихъ въ младенчествѣ обществъ человѣческихъ, коимъ нельзя опредѣлить начала, кои выработались сами собою изъ нравовъ, обычаевъ народныхъ, мы находимъ нѣкоторыя отличительныя черты, общія симъ учрежденіямъ. Здравый человѣческій смыслъ, когда онъ дѣйствуетъ свободно, на просторѣ, въ отсутствіи искусственныхъ вліяній, на особенныхъ частныхъ пользахъ и интересахъ основывающихся, всегда придетъ къ результатамъ здравымъ и полезнымъ, полезнымъ не только для тѣснаго круга людей, до коихъ касается дѣло непосредственно, но и для людей вообще. Такимъ образомъ мы находимъ, что въ существованіи русской общины, которая не была создана какимъ нибудь законодателемъ, но возникла, подобно суду присяжныхъ въ Германіи, сама собою, единогласіе было принято основаніемъ при рѣшеніи дѣлъ на мірскомъ сходѣ. Конечно условіе единогласія въ семъ послѣднемъ случаѣ не было опредѣлено ясно и положительно закономъ, какъ это опредѣляется въ Англіи относительно суда присяжныхъ. Но это происходитъ только отъ того, что положительное и все опредѣляющее законодательство не касалось до сихъ поръ до мірскихъ сходовъ, какъ оно касалось и должно было касаться до суда присяжныхъ въ Англіи. Впрочемъ, самое отсутствіе какихъ бы то ни было правилъ, обычаемъ или закономъ установленныхъ, кои давали бы какую либо силу большинству голосовъ, ясно показываетъ, что въ рѣшеніяхъ мірскихъ предполагалось всегда единогласіе. И если мы подумаемъ о томъ, какъ судъ присяжныхъ могъ дѣйствовать въ тѣни лѣсовъ германскихъ, необузданный

еще никакимъ положительнымъ законодательствомъ; то мы убѣдимся, что и тамъ столь же мало помышляли о большинствѣ голосовъ, какъ и въ русскихъ мірскихъ сходахъ, и что вездѣ предполагалось, подразумѣвалось единогласіе.

Какъ въ судѣ присяжныхъ, такъ и на мірскомъ сходѣ единогласіе въ рѣшеніи не можетъ значить, что всѣ участвовавшіе въ рѣшеніи были совершенно одного мнѣнія; но что между различными мнѣніями, въ слѣдствіе разсужденій и споровъ, возторжествовало то, которое было всего ближе къ справедливости, къ правдѣ, и что разномыслившіе покорились наконецъ, въ свободномъ прѣніи, мнѣнію разумнѣйшихъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ на совѣщаніи. Каждый изъ членовъ суда присяжныхъ или мірскаго схода, зная, что ни большинства ни меньшинства голосовъ считать не будутъ и что какъ то такъ и другое никакой силы имѣть не можетъ, будетъ всячески стараться склонить всѣхъ другихъ на свою сторону. Это заставитъ каждаго вникнуть въ дѣло и излагать въ свою пользу только такіе доводы, кои всего легче могутъ быть защищаемы т. е. доводы добросовѣстные, прямые, ясные. Какъ бы люди вообще ни были слабы, наклонны къ неправдѣ, равнодушны къ добру, слова правды, слова добра, всегда имѣютъ на нихъ свое рѣшительное дѣйствіе и если они не имѣютъ особеннаго интереса, выгоды быть несправедливыми, то охотно послѣдуютъ внушеніямъ совѣсти, которая никогда не умираетъ въ сердцѣ человѣческомъ.

Впрочемъ начало единогласія въ судѣ присяжныхъ

было рѣшительно оправдано долговременнымъ опытомъ, именно въ той землѣ, гдѣ судъ присяжныхъ издревле вошелъ не только въ законодательство, но въ нравы и обычаи народные. Конечно и въ Англіи отъ времени до времени слышатся отголоски континентальныхъ предразсудковъ, возстающіе противъ начала единогласія, подъ предлогомъ, что оно неестественно, противно логикѣ. Но общее мнѣніе, въ главѣ коего стоятъ всегда самые отличные и разумные законники и мыслители, заглушаетъ лепетаніе умниковъ, и нѣкоторые изъ славнѣйшихъ англійскихъ законовѣдцевъ приводятъ, между прочимъ, въ защиту единогласія особенно то, что оно одно можетъ заставить присяжныхъ обстоятельно разсматривать предлагаемое имъ на рѣшеніе дѣло.

Полная справедливость сего послѣдняго замѣчанія въ пользу единогласія была доказана самымъ разительнымъ образомъ во Франціи. Въ сей землѣ существовалъ законъ, по коему въ случаѣ разногласія присяжныхъ, когда голоса ихъ раздѣлялись на 7 и 5, дѣло предоставлялось рѣшенію судей. Что же изъ сего вышло? Въ дѣлахъ хотя мало мальски затруднительныхъ, присяжные, желая избѣгнуть не только отвѣтственности предъ совѣстію, но даже и труда изслѣдованія дѣла, прибѣгали обыкновѣнно къ разногласію 7 и 5. Такимъ образомъ судъ присяжныхъ превращался въ судъ судей.

Здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что „Новыя Положенія“ о крестьянахъ, весьма неловко, по нашему мнѣнію, затронули этотъ вопросъ о голосахъ въ мірскихъ рѣшеніяхъ. Доселѣ, по принятому и укоренившемуся обычаю, дѣла рѣшались міромъ. Не было ни мало уста-

новлено какимъ бы то ни было закономъ: „рѣшаются ли дѣла единогласно или по большинству голосовъ.“ По сему самому, т. е. что о большинствѣ голосовъ не было упоминаемо, предполагалось и подразумѣвалось, что дѣла были рѣшаемы единогласно. До сего обычая не слѣдовало бы касаться: народъ хорошо понималъ что̀ должно разумѣть подъ словомъ *мірской приговоръ*. „Новыя Положенія“ желая, какъ кажется, пояснить то что̀ уже было ясно для всѣхъ и каждаго, пришли къ заключенію, что дѣла рѣшаются на мірскомъ сходѣ по большинству голосовъ, постановивъ между прочимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ для рѣшенія требуется $^3/_4$ голосовъ. Такія предписанія усилятъ ли, въ умѣ народа, довѣренность къ справедливости, къ дѣйствительности мірскихъ приговоровъ? Напротивъ того, не спутаютъ ли онѣ понятій народныхъ о сихъ приговорахъ? Доселѣ жизнь народная нигдѣ не ознаменовывалась болѣе какъ въ этихъ мірскихъ сходахъ. Не было и нѣтъ никакой необходимости реглементировать проявленій сей жизни въ мірскихъ сходахъ какими бы то ни было новыми постановленіями, вводить въ сіи обычныя народныя совѣщанія новые порядки, новую административную правильность. Неужели, какъ замѣчаетъ г-нъ Аксаковъ, для современной администраціи, „жизнь есть безпорядокъ?“

По плану, который мы изъяснили въ статьѣ о судѣ присяжныхъ, опредѣляется имѣть въ каждомъ судѣ только одного судью. Мы не будемъ повторять здѣсь сказан-

наго нами въ сей статьѣ какъ о семъ предметѣ, такъ и о прочихъ предметахъ, до устройства уголовныхъ судовъ касающихся. Мы скажемъ только нѣсколько словъ о приложеніи суда присяжныхъ къ дѣламъ гражданскимъ.

Если судъ присяжныхъ хорошъ для дѣлъ уголовныхъ, то мы не видимъ по чему онъ неудобенъ, нехорошъ для дѣлъ гражданскихъ.

Въ нѣкоторыхъ земляхъ, какъ напримѣръ во Франціи, гдѣ существуетъ превосходный кодексъ законовъ, гдѣ устройство судовъ и магистратуры отвѣчаетъ всѣмъ потребностямъ правосудія, тамъ понятно, что, при введеніи суда присяжныхъ, не было найдено нужнымъ вводить его въ судопроизводство гражданское. Но тамъ гдѣ нѣтъ кодекса, гдѣ законодательство весьма многосложно, не ясно, запутанно, тамъ, даже и при самыхъ лучшихъ судьяхъ, судъ присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ въ сильной степени споспѣшествуетъ праведному рѣшенію оныхъ. Примѣръ и доказательство сего мы находимъ въ Шотландіи, гдѣ судьи, безъ сомнѣнія, пользовались общимъ уваженіемъ и довѣріемъ; но гдѣ законодательство неудовлетворительно въ отношеніи простоты, ясности и опредѣлительности. Общее мнѣніе сознавало, что ходъ дѣлъ гражданскихъ съ одними судьями, безъ присяжныхъ, не былъ столь же удовлетворителенъ въ Шотландіи какъ онъ былъ въ Англіи, гдѣ присяжные рѣшаютъ какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла. По сему въ 1817 году, судъ присяжныхъ и по гражданскимъ дѣламъ былъ принятъ въ Шотландіи. Съ того времени опытъ не престаетъ

доказывать, что реформа была полезна и благодѣтельна во всѣхъ отношеніяхъ.

Если мы взглянемъ на Россію, то мы найдемъ, что наше гражданское законодательство конечно не менѣе многосложно, неясно, запутанно, какъ законодательство англійское и шотландское. По сей одной причинѣ судъ присяжныхъ по дѣламъ гражданскимъ былъ бы уже полезенъ для Россіи. Но если мы сравнимъ нашихъ судей, нашу магистратуру, съ англійскою или шотландскою; то мы убѣдимся, что у насъ судъ присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ не только полезенъ, но совершенно необходимъ. Не говоря о другихъ выгодахъ, скажемъ, что только для одной возможности прекращенія взяточничества, слѣдуетъ рѣшиться призвать присяжныхъ и въ гражданскіе наши суды. Можно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, сказать, что судъ присяжныхъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, нуженъ, въ Россіи, не столько для того, чтобы дѣла сіи были предоставлены рѣшенію людей независимыхъ и добросовѣстныхъ, сколько для того, чтобы онѣ не были предоставляемы судьямъ, кои, въ хаосѣ законодательства, всегда найдутъ средства кривить и совѣстію и законами.

По самому свойству своему, рѣшенія присяжныхъ не могутъ подлежать никакому обжалованію или аппеляціи. Но такъ какъ и присяжные могутъ иногда ошибаться, то судьѣ предоставляется, въ извѣстныхъ случаяхъ, право остановить исполненіе по приговору суда присяжныхъ, или вовсе отстранить приговоръ и, по утвержденіи высшихъ властей, предоставить дѣло на рѣшеніе другихъ присяжныхъ. Но независимо отъ характера

большей или меньшей неприкосновенности приговора присяжныхъ, могутъ встрѣтиться въ самомъ ходѣ и производствѣ дѣла различныя неправильности, несоблюденіе правилъ судопроизводства закономъ предписанныхъ и наконецъ ошибочное приложеніе закона къ признанной винѣ и пр. и пр. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ до законнаго хода дѣлъ касающимся, рѣшенія суда присяжныхъ, по жалобѣ одной или другой стороны, обвинителя или подсудимаго, истца или отвѣтчика, переносятся въ верховный судъ, который разсматриваетъ только то: былъ ли законъ соблюденъ во всемъ теченіи дѣла, справедливо ли было приложеніе закона къ рѣшенію дѣла. Если верховный судъ найдетъ какую либо противузаконность, то онъ не рѣшаетъ дѣла самъ; но уничтожая приговоръ состоявшійся по разсматриваемому дѣлу, отсылаетъ сіе послѣднее на рѣшеніе другаго суда присяжныхъ.

Наконецъ мы замѣтимъ, что по пространству Россіи трудно будетъ удовольствоваться однимъ верховнымъ судомъ для всей имперіи. Единство въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, весьма полезно, споспѣшествуя одинаковому пониманію и истолкованію законовъ. Рѣшенія верховнаго суда всегда служатъ руководствомъ для всѣхъ судовъ вообще. Конечно одинъ и тотъ же верховный судъ можетъ давать по дѣламъ однороднымъ различествующія рѣшенія, одно противное другому; чему бываетъ не мало примѣровъ, именно во Франціи. Чтожь будетъ тогда когда два или три различные верховные суда будутъ толковать законы и рѣшать дѣла, каждый по своему понятію? Неудобство очевидно; но, повторяю, едва ли

можно сего избѣгнуть въ землѣ столь обширной, какова Россія.

Что касается до гражданскихъ и уголовныхъ судовъ, то они могутъ существовать въ каждой губерніи. Въ столицахъ, по множеству дѣлъ, засѣданія должны быть чаще и судьи многочисленнѣе.

Суды полицейскіе должны быть учреждены во всѣхъ городахъ: столичныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ.

Въ селеніяхъ, по особенному складу сельскаго быта, должны существовать иные суды, соотвѣтствующіе правамъ, обычаямъ, привычкамъ и общему устройству сельскаго населенія. О сихъ судахъ мы упомянемъ говоря объ устройствѣ сельскаго управленія.

VII.

Если, для водворенія благоустройства, для отстраненія произвола и для основанія законности, необходимо преобразованіе судовъ и судопроизводства, то, для той же цѣли, равно необходимо и обновленіе общаго государственнаго управленія.

Начало или принципій власти правительственной, даже безпредѣльной, начало самодержавія, ни мало не предполагаетъ, чтобы все управленіе во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ, необходимо сосредоточивалось въ рукахъ высшаго правительства, въ рукахъ самодержца. Большая часть житейскихъ дѣлъ въ гражданской жизни народа

не имѣетъ ничего общаго съ такою или такою формою правленія и ни мало до сихъ формъ не касается. Такія дѣла могутъ и должны быть предоставлены ихъ естественному ходу, предоставлены волѣ и разумѣнію тѣхъ, до кого онѣ наиболѣе относятся. Эта неоспоримая истина должна быть понятна въ Россіи для всѣхъ и каждаго болѣе нежели въ какой либо иной землѣ. У насъ сохранилось, въ селахъ, такъ называемое мірское управленіе, и сохранилось даже и при закрѣпощеніи крестьянъ. Конечно это мірское управленіе не могло развиться во всей его силѣ и полнотѣ. Но важно уже и то, что идея, принципій сего управленія удержался и не погибъ посреди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, самыхъ непріязненныхъ элементовъ, кои окружали его со всѣхъ сторонъ. Такое явленіе, такая долговѣчность существованія начала мірскаго управленія доказываетъ, для мыслящаго человѣка, какъ могучую силу такъ и благотворность сего начала.

Если мы вникнемъ въ сущность сего начала, которое есть не что иное какъ начало самоуправленія въ собственныхъ своихъ дѣлахъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ; то мы неминуемо придемъ къ убѣжденію, что сіе начало, благотворное для сельскихъ обществъ, можетъ быть благотворно и въ высшихъ сферахъ гражданской жизни. Если мірское управленіе могло существовать въ селеніяхъ при власти помѣщичьей; то оно равнымъ образомъ, конечно, можетъ существовать въ городахъ, рядомъ съ властію правительственною, и разпространяться какопецъ на всѣ сословія и по всей имперіи. Начало само-

управленія, почерпнутое изъ собственныхъ нашихъ народныхъ источниковъ, будетъ для государства тѣмъ благотворнѣе, что оно для всѣхъ и знакомо и понятно. Мнѣ случалось встрѣчать въ Россіи людей, вообще довольно образованныхъ, кои не понимали какимъ образомъ правительство можетъ существовать въ тѣхъ земляхъ, гдѣ опредѣленіе и взиманіе налоговъ зависитъ отъ согласія народныхъ представителей, предполагая, что добровольно никто налоговъ платить не согласится. Но едва ли, во всей Россіи, найдется хотя одинъ человѣкъ, который не понималъ бы свойствъ и характера мірскаго управленія. Это весьма важно и драгоцѣнно; ибо на семъ пониманіи, на понятіи мірскаго самоуправленія, болѣе нежели на чемъ либо иномъ, разумный законодатель можетъ основать здравое, благодѣтельное внутреннее управленіе государства.

Понятія о томъ, что у насъ называютъ вообще „міромъ“ конечно не вполнѣ опредѣлительны. Толки о значеніи міра, о сущности міра, различны. Постановленія о мірѣ, о мірскихъ сходахъ, вошедшія въ „новое положеніе“ о крестьянахъ неоспоримо отступаютъ частію отъ настоящихъ, правильныхъ понятій, исторіею и жизнію русскаго народа выработавшихся. Мы находимъ болѣе правильнымъ истолкованіе „міра“ сдѣланное, напримѣръ, г-номъ Аксаковымъ, для коего міръ является „какъ міръ самъ себя составляющій, самъ себя опредѣляющій, съ своимъ единогласіемъ и съ своею окончательною верховностью.*)“

*) См. замѣчанія К. С. Аксакова на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи. Лейпцигъ. 1861.

Но если мы вникнемъ по глубже въ причины сего разногласія о томъ: "что̀ есть міръ;" то мы найдемъ, что разногласіе происходитъ просто отъ нескромнаго желанія опредѣлить съ бюрократическою точностію то, что̀ не допускаетъ такой опредѣлительности.

„Міръ, говоритъ г. Аксаковъ, по существу своему, есть самозаконное верховное явленіе народа, вполнѣ удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ законности, общественной правды, общественнаго суда, однимъ словомъ общественной воли."

Далѣе: „По понятіямъ русскаго духа и языка, міръ можетъ быть и вся Русь, міръ можетъ быть и губернія, и волость и деревня. Міръ есть собраніе народное большей или меньшей мѣстности; міръ есть народъ, какъ одно мыслящее, говорящее и дѣйствующее цѣлое. Царь Алексѣй Михайловичь, въѣзжая въ Москву, *весь* міръ спрашивалъ о здоровьѣ."

Характеръ неопредѣлительности въ понятіи о мірѣ ни мало не уменьшаетъ ни сущности, ни дѣйствительности, ни твердости сего понятія. Англійскій Common Law конечно не составляетъ правильно и систематически начертаннаго кодекса; но онъ сильнѣе всѣхъ кодексовъ, потому что выработался въ понятіяхъ народа.

Не рѣдко случается, что желая дать буквальный смыслъ понятію, живущему въ убѣжденіи всѣхъ и каждаго, желая изъяснить школьнымъ опредѣленіемъ то, что̀ безъ всякихъ опредѣленій ясно для всякаго здравомыслящаго человѣка, можно только запутать понятія, сдѣлать ихъ болѣе

неопредѣлительными, однимъ словомъ просто, какъ говорится, *сбить съ толку*.

Такимъ образомъ, находя въ „Новомъ положеніи“ о крестьянахъ различныя постановленія о мірѣ, о мірскихъ сходахъ, мы убѣждены, что редакціонныя коммиссіи ни мало не имѣли въ намѣреніи, такъ сказать, посягнуть на мірскую жизнь русскаго народа. Но увлеченныя какимъ то болѣзненнымъ стремленіемъ все предопредѣлить, все разпорядить, все истолковать въ самомъ законѣ, и особенно, можетъ быть, систематическимъ желаніемъ все подчинить писаному закону, коммиссіи, какъ бы невольно, приведены были къ необходимости сказать что нибудь, опредѣлить что нибудь и о мірскихъ сходахъ. Но это было весьма не легко. Найдя себя лицемъ къ лицу къ этому долговѣчному, великому факту, который, такъ сказать, выросъ вмѣстѣ съ народомъ, редакторы не нашли и не могли найти въ себѣ довольно силы, чтобы обнять сей предметъ, такъ какъ можно обнять какой нибудь другой предметъ письменнаго законодательства, и потому должны были ограничиться нѣкоторыми подробностями относительно внутренняго порядка на мірскихъ сходахъ, относительно изчисленія и собиранія голосовъ и проч. не замѣчая, что такими постановленіями они изкажаютъ самую сущность, самый характеръ мірскихъ сходовъ. Правда, что еслибъ редакторы не прибѣгнули къ симъ подробностямъ, то имъ не осталось бы ничего существеннаго для помѣщенія въ излагаемый ими законъ. Гораздо лучше было бы ни мало не касаться до устройства міра, мірскихъ сходовъ и до порядка вѣками установленнаго въ семъ от-

ношеніи. Лучше было бы оставить міръ міромъ, довольствуясь — если-же непремѣнно хотѣли что нибудь сказать о семъ предметѣ въ новомъ узаконеніи, — довольствуясь простымъ признаніемъ существующаго факта, для всѣхъ очевиднаго явленія.

И такъ обращаясь къ главному вопросу, о коемъ здѣсь идетъ дѣло, къ вопросу управленія, мы видимъ, что управленіе міромъ, мірское управленіе, сохранилось въ сельскомъ быту, между поселянами; и что соотвѣтственное общепринятымъ и укоренившимся понятіямъ, мірское управленіе разпространяется на всѣ дѣла, непосредственно и изключительно касающіяся до поселянъ.

Такимъ образомъ мы находимъ, въ самыхъ основаніяхъ нашего гражданскаго устройства, неоспоримое начало самоуправленія. Сіе начало не только ни кѣмъ не опровергается, но, напротивъ того, всѣми вообще пріемлется, одобряется и утверждается, не изключая даже и тѣхъ, кои неловкимъ вмѣшательствомъ въ самородное учрежденіе, потрясаютъ его.

Таковое всеобщее признаніе и одобреніе начала самоуправленія указываетъ на необходимость не только сохраненія онаго во всей силѣ и полнотѣ, но дарованія ему болѣе и болѣе возможности развитія. Сему здравому и спасительному учрежденію надлежитъ дать болѣе простора, болѣе твердости, болѣе обезпеченій. Въ началѣ самоуправленія Россія имѣетъ залогъ всѣхъ бп агъ граждапской жизни, всѣхъ преуспѣяній напоприщѣ л народнаго бытія. Всякое народолюбивое правительство конечно не

преминетъ воспользоваться такимъ важнымъ элементомъ величія и благоденствія Россіи.

Сего-то мірскаго управленія, сего-то самоуправленія сущность и начало мы желали бы перенести въ высшія сферы управленія.

Отъ селенія, которое должно быть совершенно предоставлено управленію своего міра, восходя выше, мы находимъ волость, составляемую извѣстнымъ числомъ селеній, извѣстнымъ числомъ жителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что волость, состоящая изъ нѣсколькихъ селеній, можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ такія дѣла, кои касаются непосредственно и исключительно до нея самой, подобно каждому селенію въ отдѣльности. Слѣдственно мірское начало, начало самоуправленія міромъ можетъ быть приложено къ волости не менѣе какъ и къ селенію. Но для опредѣленія въ какомъ видѣ, до какой степени можетъ состояться сіе приложеніе, надлежитъ прежде опредѣлить понятіе волости, ея предназначеніе, ея объемъ и пространство.

Сіе послѣднее обстоятельство, т. е. объемъ и пространство волости, заключаетъ въ себѣ особенную важность. Отъ объема волости зависитъ во многихъ отношеніяхъ самое предназначеніе ея.

Обыкновенно въ волости видятъ только извѣстное посредствующее орудіе управленія между высшимъ начальствомъ и селеніями въ отдѣльности. Такая принадлежность, такое качество волости неоспоримо. Но мы желали бы видѣть въ волости нѣчто болѣе и именно, такъ сказать, краеугольный камень, основаніе всего управленія

государственнаго. Ограничиваясь первымъ взглядомъ, вопросъ объ объемѣ ея не представляетъ большой важности и позволяетъ дробить волости на весьма малые размѣры. Но имѣя въ виду дать волости нѣкоторую извѣстную самостоятельность, сдѣлать изъ нея нѣчто соотвѣтствующее тому понятію о коммунѣ, которое выработалось въ мнѣніи всѣхъ просвѣщенныхъ людей въ Европѣ признающихъ нынѣ, что вездѣ истинная тайна народнаго благоустройства лежитъ въ здравомъ муниципальномъ устройствѣ, мы должны желать, чтобы волость имѣла значительный объемъ и пространство, напримѣръ не менѣе 10 тысячь жителей. Конечно въ нѣкоторыхъ весьма мало населенныхъ странахъ Россіи число сіе можетъ быть уменшено. Но въ нѣкоторыхъ, тѣсно населенныхъ, оно можетъ быть возвышено.

Сообразно пространству волости должны быть постановляемы и средства управленія волостнаго. Если волость должна состоять только изъ нѣсколькихъ сотъ жителей, то мірскіе сходы конечно могутъ быть учреждены и въ волости. Но въ волости, состоящей изъ нѣсколькихъ тысячь жителей, мірскіе сходы или крайне затруднительны или вовсе невозможны, хотя бы присутствовали на оныхъ только выборные изъ селеній. Такимъ образомъ мы были приведены къ заключенію, что, составивъ волостное управленіе, сверхъ старшины, изъ нѣсколькихъ членовъ избранныхъ селеніями, слѣдуетъ учредить особый волостный совѣтъ, который долженъ собираться одинъ или два раза въ годъ, для разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ волостныхъ и для изъявленія мнѣнія о пра-

вильности или неправильности хода сихъ дѣлъ. Члены сего совѣта избираются также селеніями. *)

Между тѣмъ, въ образованіи такихъ волостей, мы встрѣчаемъ одно значительное затрудненіе. При теперешнихъ обстоятельствахъ, когда временныя отношенія между помѣщиками и крестьянами продолжаютъ существовать, хотя и въ иномъ видѣ нежели прежде, и не могутъ прекратиться до тѣхъ поръ пока всѣ крестьяне приступятъ къ выкупу или къ рѣшительнымъ сдѣлкамъ съ помѣщиками, мы полагали необходимымъ и справедливымъ предоставить волостное управленіе крестьянскому элементу изключительно. Иначе крестьяне не имѣли бы нигдѣ ни самостоятельности, ни голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Мірская самостоятельность въ селеніи, голосъ на міру ограничается слишкомъ узкою сферою для полнаго обезпеченія крестьянъ въ быту ихъ. Необходимо, чтобы волостное управленіе, имѣло возможность и защищать крестьянъ и покровительствовать имъ.

Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что казенные крестьяне вообще находились доселѣ несравненно въ выгоднѣйшемъ и лучшемъ положеніи нежели крестьяне помѣщичьи. Не менѣе того у порядочныхъ помѣщиковъ крестьяне часто находили покровительство и защиту, какой не имѣли никогда крестьяне казенные, въ отношеніи къ земскому начальству. Было бы въ высшей степени несправедливо, скажемъ даже безчеловѣчно, освободивъ

*) См. Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ.

крестьянъ отъ крѣпостнаго права помѣщиковъ, предоставить ихъ на произволъ земскаго начальства. Если же крестьяне не будутъ ограждены какими либо новыми правилами, новыми средствами защиты, какъ въ личности, такъ и въ собственности ихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что этотъ произволъ водворится самъ собою. Пусть законодатель подумаетъ какая участь ожидаетъ милліоны крестьянъ при существующихъ у насъ порядкахъ, обычаяхъ. Кромѣ произвола, земское начальство, въ отношеніяхъ своихъ къ крестьянамъ, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ. Имѣвъ дѣло съ земскими начальствами въ различныхъ губерніяхъ по вводу во владѣніе, я конечно встрѣчалъ со стороны земскихъ правительственныхъ и судебныхъ чиновниковъ и учтивость, и вниманіе и всякую готовность въ исполненіи ихъ обязанностей. Но я былъ пораженъ, видя какъ, особенно самые мелкіе изъ сихъ чиновниковъ, не будучи сами помѣщиками, обращались съ крестьянами. Они смотрѣли на крестьянъ какъ на существа стоящія несравненно ниже ихъ въ гражданской или даже человѣческой іерархіи; между тѣмъ какъ иные изъ сихъ крестьянъ, особенно старосты, долженствовали бы внушать всякому честному человѣку истинное къ нимъ уваженіе. Помѣщики вообще обращаются съ крестьянами лучше нежели эти мелкотравчатые представители власти. Какую ограду крестьянинъ имѣетъ противъ земскаго начальства вообще? Если крестьяне осмѣлятся чему либо прекословить, защищать себя отъ самаго очевиднаго притѣсненія, немедленно чиновникъ превращаетъ возраженія и защиту въ неповиновеніе и въ бунтъ.

Обыкновенныя послѣдствія такихъ произшествій извѣстны: крестьянъ *усмиряютъ!*

При такой самостоятельности волости, какой мы желаемъ, дворяне удаляются отъ волостнаго управленія, между тѣмъ какъ земли ихъ входятъ въ составъ волости, равно какъ и крестьянскія земли. Эта очевидная невыгода исправляется частію тѣмъ, что дворяне имѣютъ свои сословныя преимущества, свои дворянскія собранія, своихъ предводителей, и даже своихъ міровыхъ посредниковъ. При новомъ же нами предлагаемомъ порядкѣ, дворяне найдутъ свое мѣсто въ уѣздномъ совѣтѣ. Лучшій исходъ дѣлу былъ бы тотъ, чтобы дворяне наконецъ убѣдились, что въ дѣлахъ земскихъ, касающихся до внутренняго устройства и порядка въ волости, всѣ землевладѣльцы равны предъ закономъ. Но этого надобно ждать еще долго, хотя впрочемъ и слышны были, въ губернскихъ комитетахъ, нѣкоторые голоса привѣтствовавшіе такую перемѣну.

Если бы, со временемъ и въ слѣдствіе какихъ бы то ни было правительственныхъ мѣръ, выкупа крестьянскихъ надѣловъ или окончательныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами, основалась полная независимость сихъ послѣднихъ отъ первыхъ, нѣкоторое равноправіе обѣихъ сословій предъ закономъ, тогда дворяне, конечно, въ собственныхъ своихъ выгодахъ, поспѣшили бы войти въ составъ волостей на равнѣ съ крестьянами, и въ такомъ случаѣ ничто не мѣшало бы волости воспріять ту значительность, которую мы почитаемъ столь благотворною для всѣхъ и каждаго. До того времени мы не ви-

димъ иного средства, для обезпеченія дворянъ, какъ предоставить имъ право обращаться, по ихъ усмотрѣнію, въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ, или къ властямъ и суду волостному или прямо къ властямъ и суду уѣздному.

Что касается до устройства волостныхъ судовъ, мы находимъ сіе устройство, въ „Новыхъ положеніяхъ „содержащееся, весьма здравымъ и удовлетворительнымъ, исключая, разумѣется, постановленія о розгахъ.

Въ заключеніе мы скажемъ, что мы продолжаемъ настоять на нашемъ мнѣніи, изъясненномъ въ одной изъ прежнихъ нашихъ записокъ, о необходимости предоставить выборнымъ отъ крестьянъ въ волостяхъ и уѣздахъ, личныя права 9-го и низшихъ классовъ табели о рангахъ. Это предложеніе мое показалось нѣкоторымъ людямъ довольно страннымъ по той причинѣ, что нынѣ мнѣніе всѣхъ здравомыслящихъ возстаетъ противъ чиновъ вообще. Но я не защищаю табели о рангахъ. Я прибѣгаю къ ней какъ къ единственному мѣрилу, по коему, въ Россіи, опредѣляется личное достоинство человѣка. *)

*) Желаніе наше оградить крестьянъ устройствомъ самостоятельныхъ, имѣющихъ законную силу и вліяніе волостей, дарованіемъ избраннымъ отъ крестьянъ лицамъ извѣстныхъ правъ и голоса въ разборѣ и рѣшеніи дѣлъ крестьянскихъ, и въ томъ числѣ дѣлъ возникающихъ по случаю введенія „Новаго положенія," это столь же простое, справедливое какъ и скромное желаніе, оправдывается теперь, къ крайнему сожалѣнію, всѣми извѣстіями и слухами о томъ что происходитъ въ Россіи. Вообще слышно, что крестьяне плохо поняли „Новое Положеніе." Но вмѣстѣ съ симъ достовѣрно, что тамъ, гдѣ губернскій начальникъ и мѣстныя власти дѣйствовали въ духѣ манифеста 19 февраля т. е. гдѣ они съ кро-

Отъ селеній и волостей переходя къ уѣздному городу, мы замѣтимъ, что въ семъ послѣднемъ власть правительственная должна быть ясно и опредѣлительно отдѣлена отъ власти судной.

По части правительственной начальство можетъ быть ввѣрено одному лицу, какъ по дѣламъ самаго города, такъ и по дѣламъ всего уѣзда.

тостію и благоволеніемъ къ непонимающимъ крестьянамъ, толковали имъ „Новое положеніе,“ вразумляли ихъ терпѣливо и безпристрастно; тамъ введеніе новаго порядка не встрѣтило никакихъ затрудненій. Къ несчастію, не вездѣ нашлись таковые здравомыслящіе и добросовѣстные исполнители. Во многихъ мѣстахъ начальники приступали къ дѣлу съ какимъ то очевиднымъ противъ крестьянъ предубѣжденіемъ, какъ бы ожидая отъ нихъ неминуемаго сопротивленія, неповиновенія, упрямства, такъ что изъявленіе со стороны крестьянъ самыхъ естественныхъ недоумѣній, или неправильное пониманіе новыхъ узаконеній, иногда самою недѣпостію своею свидѣтельствующее о добросовѣстности непонимающихъ, обращалось, въ глазахъ исполнителей, въ буйство, въ возмущеніе. Мѣстное начальство, земскіе суды, исправники, становые безпрестанно твердя давно уже затвержденный ими урокъ, что прежде всего надлежитъ охранить порядокъ общественный, поддержать власть помѣщичью и прекратить въ самомъ началѣ всякія попытки крестьянъ оградить себя закономъ, мѣстное начальство, въ такихъ случаяхъ, прибѣгаетъ къ обычнымъ мѣрамъ и обычнымъ фразамъ „усмиренія,“ „возстановленія порядка“ и. т. д.

Удивительно ли послѣ сего, что, во многихъ мѣстахъ, крестьяне, не зная что дѣлать, не понимая что съ ними дѣлаютъ, отказываются отъ новаго порядка, и потому самому отъ выгодъ, кои несомнѣнно для нихъ въ семъ новомъ порядкѣ заключаются? Между прочимъ барщинные крестьяне часто отказываются отъ предложеній помѣщиковъ перевести ихъ на оброкъ. Такихъ столь неожиданныхъ отказовъ достаточно дабы убѣдиться что „Новое положеніе“ исполняется весьма плохо. Въ слѣдствіе всѣхъ сихъ горестныхъ проявленій, мы болѣе нежели когда либо убѣждены, что крестьянскому сословію непремѣнно слѣдовало дать нѣкоторый голосъ, по крайней мѣрѣ возможность голоса, возможность

Слѣдуетъ ли назначеніе сего лица предоставить выборамъ, или волѣ правительства? Сего вопроса мы рѣшить не беремся. И та и другая метода представляетъ особенныя и выводы и неудобства, коихъ мы вполнѣ взвѣсить и оцѣнить не въ состояніи.

Для города должно существовать особое городовое положеніе.

Начало мірскаго самоуправленія должно быть приложено и къ городскому устройству. По сему лица, коимъ

изъяснить и ихъ мнѣніе и ихъ желаніе, дать самостоятельность волостямъ и мірскимъ и волостнымъ представителямъ крестьянскаго сословія. Тогда мѣстныя начальства принуждены были бы понять, что не розгами надлежитъ толковать крестьянамъ „Новое Положеніе,“ а здравыми доводами и вразумленіями и справедливыми, законными рѣшеніями, коимъ всѣ россійскіе подданные обязаны покоряться. Рѣшившись освободить крестьянъ, надлежало вмѣстѣ съ симъ отказаться и отказаться безъ лицемѣрія отъ тѣхъ средствъ „утверждать порядокъ“ и „водворять миръ и тишину,“ кои, при всей уродливости и гадости своей, были по крайней мѣрѣ постижимы во время рабства крестьянскаго. „Новое Положеніе,“ какъ это теперь ясно видно на опытѣ, оставило крестьянъ безъ всякой законной и дѣйствительной защиты, безъ всякаго практическаго огражденія отъ произвола властей, коимъ они подчиняются. Староста сельскій имѣетъ только обязанностію исполнять приказанія безчисленныхъ его начальниковъ. Волостный старшина и волостныя власти также не имѣютъ никакого голоса, никакого законнаго права защищать интересы сельскихъ обществъ. Все, въ семъ отношеніи, подчиняется мировымъ посредникамъ, уѣзднымъ съѣздамъ, между тѣмъ какъ въ выборѣ сихъ посредниковъ крестьяне не имѣютъ никакого участія. Однимъ словомъ, крестьяне отстранены отъ всего что наиболѣе до нихъ касается: новое доказательство зловредныхъ послѣдствій рабства, изкажающихъ всѣ понятія о справедливости и о правосудіи даже и въ людяхъ образованныхъ и добросовѣстныхъ, каковыми, конечно, нельзя не признать членовъ редакціонныхъ коммиссій.

должно быть ввѣряемо городское управленіе, т. е. городская дума, должна быть, по возможности, самостоятельна и дѣйствовать, во всѣхъ городскихъ дѣлахъ, на просторѣ. Городскіе жители, безъ различія сословій, должны участвовать въ управленіи или какъ избиратели, или какъ избранные и властію облеченные. Въ семъ отношеніи городовое устройство существующее въ С. Петербургѣ, можетъ служить образцемъ для всѣхъ городовъ имперіи. Опредѣливъ закономъ сферу дѣйствій городской думы, надлежитъ дать ей возможность дѣйствовать въ сей сферѣ безпрепятственно и по ея усмотрѣнію. Обязанность начальника уѣзда будетъ состоять только въ наблюденіи, чтобы дума дѣйствовала въ показанныхъ ей предѣлахъ и въ способствованіи думѣ въ успѣшномъ исполненіи принимаемыхъ ею мѣръ.

Въ управленіи уѣздомъ надлежитъ также сохранить начало самоуправленія; и такъ какъ тутъ никакіе мірскіе сходы невозможны, то слѣдуетъ удовольствоваться выборными, уполномоченными отъ селеній и волостей, изъ каковыхъ выборныхъ составится, при начальникѣ уѣзда, уѣздный совѣтъ.

Въ семъ уѣздномъ совѣтѣ дворяне имѣютъ свое мѣсто. Мы находимъ, вмѣстѣ съ симъ, неудобнымъ сохраненіе нынѣ существующихъ дворянскихъ выборовъ и совѣщаній, кои, кромѣ нѣкоторыхъ весьма незначительныхъ дѣлъ, изключительно до дворянскаго сословія касающихся, должны были бы заниматься тѣми же самыми дѣлами, кои будутъ подлежать уѣздному совѣту. И такъ сей послѣдній долженъ состоять изъ выборныхъ всѣхъ сословій,

землею владѣющихъ. Мы полагаемъ только, что покуда дворяне не войдутъ въ составъ волостей на равнѣ съ крестьянами, то можно предоставить избраніе членовъ отъ дворянъ въ уѣздный совѣтъ, исключительно дворянамъ. Если кромѣ дворянъ и крестьянъ, встрѣтятся землевладѣльцы къ другимъ сословіямъ принадлежащіе, то тѣ изъ сихъ послѣднихъ, кои не принадлежатъ къ податному состоянію, могутъ участвовать въ выборахъ вмѣстѣ съ дворянами; тѣ же, кои считаются въ податномъ состояніи, съ крестьянами.

Очевидно, что кругъ дѣйствій или вѣдомство начальника уѣзда и уѣзднаго совѣта, будетъ весьма обширно. Всѣ дѣла, коими завѣдывало доселѣ дворянство исключительно, какъ то опредѣленіе и разкладка земскихъ повинностей и пр. войдутъ въ вѣдомство уѣзднаго совѣта.

Таковый обширный объемъ вѣдомства уѣзднаго совѣта потребуетъ не только значительнаго числа выборныхъ членовъ, но можетъ быть, и назначенія нѣкоторыхъ постоянныхъ чиновниковъ отъ правительства, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ главнѣйшимъ частямъ. Сіи чиновники должны находиться въ непосредственномъ вѣденіи начальника уѣзда.

Уѣздный совѣтъ долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 25 человѣкъ, избранныхъ отъ землевладѣльческихъ сословій.

Нѣтъ никакой возможности и какой бы то ни было выгоды требовать, чтобы уѣздный совѣтъ засѣдалъ безпрерывно въ продолженіе всего года. И такъ засѣданія его должны быть временныя, періодическія. Достаточно

будетъ, по нашему мнѣнію, двухъ засѣданій въ годъ, изъ коихъ каждое можетъ продолжаться отъ 2 до 4 недѣль. Въ сихъ засѣданіяхъ совѣтъ разсматриваетъ, рѣшаетъ всѣ дѣла его вѣдомства, даетъ онымъ надлежащее движеніе, опредѣляетъ мѣры исполненія и. т. д. Самое исполненіе всѣхъ постановленій совѣта, т. е. самый процессъ управленія долженъ быть предоставленъ начальнику уѣзда. Конечно сей начальникъ обязанъ давать отчетъ совѣту во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Но опытъ и здравый смыслъ показываетъ, что такой отвѣтственности, для обезпеченія успѣшнаго теченія дѣлъ, недостаточно. Уѣздный совѣтъ можетъ непосредственно наблюдать за правильнымъ ходомъ дѣлъ только во время его засѣданій, т. е. во время 4-хъ или 8 недѣль въ году. Въ остальное время года начальникъ дѣйствуетъ самъ собою. Отъ сего могутъ возникнуть не только недоумѣнія, но и нѣкоторое противоборство между совѣтомъ и начальникомъ уѣзда, и слѣдственно безпорядокъ въ управленіи. Для отвращенія сего въ нѣкоторыхъ земляхъ принято, что совѣтъ назначаетъ, изъ среды своей, нѣсколько членовъ, напримѣръ 3-хъ, кои остаются въ городѣ по закрытіи засѣданія совѣта и продолжаютъ дѣйствовать именемъ совѣта до открытія послѣдующаго засѣданія, наблюдая, чтобы постановленія совѣта были надлежащимъ образомъ исполняемы и разрѣшая въ извѣстныхъ предѣлахъ встрѣчающіяся затрудненія, недоумѣнія и. т. п. При открытіи засѣданія совѣта сей постоянный комитетъ даетъ совѣту отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Начальникъ уѣзда также представляетъ совѣту отчетъ о ходѣ дѣлъ. Онъ

можетъ присутствовать въ совѣтѣ, но токмо съ совѣщательнымъ голосомъ.

Учрежденіе такихъ постоянныхъ комитетовъ, въ отсутствіе полныхъ собраній, весьма полезно. Въ старину оно существовало въ различныхъ законодательныхъ собраніяхъ. Въ Германіи польза такихъ комитетовъ была особенно замѣчена въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ въ Виртембергѣ. Въ началѣ царствованія Лудовика XVI разумные министры Тюрго и Неккеръ*) принимали сіи комитеты въ устройствѣ муниципальнаго управленія. Теперь таковые комитеты существуютъ, между прочимъ, въ Бельгіи и заслуживаютъ полное одобреніе всѣхъ просвѣщенныхъ людей.

---

*) Въ докладѣ Неккера королю, въ коемъ онъ предлагаетъ учрежденіе совѣтовъ для мѣстнаго управленія, мы особенно замѣтили слѣдующія слова. „Всегда и много было жалобъ на мѣстное управленіе провинцій. Теперь сіи жалобы сильнѣе нежели когда либо, и нельзя не признать ихъ основательными. И подлинно: едвали можно назвать администраціею, управленіемъ, этотъ произволъ одного человѣка, иногда способнаго, иногда неспособнаго, который разпоряжаетъ самыми важными частями порядка гражданскаго, государственнаго и для котораго занимаемое имъ мѣсто служитъ часто лишь ступенью для перехода выше.

„Конечно, когда управленіе касается до полиціи, до порядка общественнаго, до исполненія воли В. В., тогда оно не можетъ быть раздѣлено и должно оставаться въ рукахъ одного интенданта. Но когда управленіе касается до разкладки и взиманія налоговъ, построенія и содержанія дорогъ, до ободренія торговли, работъ вообще и до сбыта произведеній края; то оно можетъ быть преимущественно предоставлено комитету землевладѣльцевъ, оставляя на обязанности интенданта доносить правительству о различныхъ предлагаемыхъ и предпринимаемыхъ мѣрахъ сими комитетами.

„Такъ какъ умственныя и физическія силы министра никогда

Во Франціи, съ самаго начала революціи, дѣятельность законодательная какъ то всегда носилась въ высшихъ сферахъ политическихъ. Всѣ хлопотали объ устроеніи народныхъ представительныхъ собраній, о разпредѣленіи различныхъ властей, о формахъ правленія. Мало и только изрѣдка думали о настоящихъ основаніяхъ вся-

---

не могутъ обнять всѣхъ подробностей управленія, то по самой необходимости Франція управляется министерскими канцеляріями и по мѣрѣ какъ сіи канцеляріи болѣе или менѣе способны и добросовѣстны, затрудненія министра и жалобы провинцій увеличиваются или уменьшаются. Сосредоточивая такимъ образомъ всѣ нити управленія въ Парижѣ, оказывается, что изъ сего центра, гдѣ ничего нельзя знать иначе какъ посредствомъ донесеній доходящихъ издалека, гдѣ вѣрятъ донесеніямъ только одного человѣка, гдѣ нѣтъ никогда времени для подробнаго изслѣдованія; что изъ сего центра выходятъ всѣ разрѣшенія, всѣ направленія въ исполненіи. Министры должны были бы почувствовать и понять, что привлекая къ себѣ множество дѣлъ, превышающее возможность всякаго вниманія и самую мѣру времени одного человѣка, они тѣмъ самымъ предоставляютъ управленіе подчиненнымъ имъ чиновникамъ. Но чиновники, восхищенные своимъ вліяніемъ, всегда стараются увѣрить министра, что онъ не можетъ отказаться отъ разрѣшенія даже самыхъ послѣднихъ подробностей, не можетъ сохранить волю даже и одному человѣку, не лишивъ себя министерскихъ правъ, не уронивъ своего достоинства.

„И теорія и опытъ равно показываютъ, что провинціальное управленіе надлежитъ ввѣрять не чиновникамъ особенно отличнымъ по ихъ способностямъ — такіе люди рѣдки; но горзздо большему числу людей извѣстныхъ своею обыкновенною почетностію въ мѣстности. Въ комитетѣ постоянномъ, состоящемъ изъ главнѣйшихъ землевладѣльцевъ провинціи, соединеніе свѣденій, послѣдовательность въ идеяхъ и въ предположеніяхъ, даютъ даже и самой посредственности извѣстную значительность и силу; гласность совѣщаній служитъ залогомъ честности и справедливости; если добро совершается медленно, то оно все таки совершается и бываетъ тогда ограждено отъ каприза и произвола; между тѣмъ

каго разумнаго порядка, о самостоятельности коммунъ, о муниципальномъ устройствѣ. Такимъ образомъ въ эпохи са-

---

какъ самый ревностный и способный интендантъ скоро замѣняется другимъ интендантомъ, который или разстроиваетъ или вовсе отстраняетъ планы и проэкты своего предшественника."

Совѣты, о коихъ говоритъ Неккеръ, были учреждены. Провинціальное дворянство и мѣстные парламенты, по привязанности, одни къ своимъ феодальнымъ правамъ, другіе къ своимъ судебнымъ привиллегіямъ и претензіямъ, противились симъ совѣтамъ; между тѣмъ какъ мнѣніе общее, выразившееся тогда въ письменныхъ представленіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Cahiers, свидѣтельствовавшихъ столь высокую степень гражданской образованности въ тогдашней Франціи, одобряло сіи совѣты, требуя учрежденія оныхъ повсемѣстно. Направленіе, которое приняла начавшаяся революція, не благопріятствовало развитію начала мѣстнаго самоуправленія. Напротивъ, все стремилось къ тому, чтобы усилить власть центральную ко вреду мѣстнаго самоуправленія, пока наконецъ кровавое полновластіе Конвента основало этотъ чудовищно сосредоточенный порядокъ управленія, который задавилъ всю гражданскую жизнь во Франціи. Съ того времени многіе писатели и государственные люди, видя, что спасеніе Франціи послѣдовало за терроромъ Конвента, приняли первое за естественное послѣдствіе послѣдняго, не замѣчая и не подозрѣвая, что самый этотъ терроръ былъ поводомъ и причиною множества бѣдствій, отъ которыхъ террористы, своими кровавыми средствами, спасали Францію.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы видѣть въ сосредоточеніи вредъ и пагубу для государства, многіе и, можно сказать, почти всѣ видѣли въ немъ вѣрное средство спасенія отечества и наконецъ пришли къ печальному убѣжденію, что централизація необходима, полезна, благотворна и въ обыкновенномъ управленіи государственномъ. Опытъ открылъ наконецъ глаза всѣмъ здравомыслящимъ людямъ и мнѣнія ихъ въ семъ отношеніи были, между многими другими, вѣрно и превосходно выражены въ недавно вышедшемъ сочиненіи одного изъ самыхъ почтеннѣйшихъ политическихъ дѣятелей во Франціи. *)

---

*) Odilon Barrot. De la Centralisation et de ses effets. Paris. 1861.

мой великой политической свободы гражданъ, сіи послѣдніе, въ своихъ общинахъ, оставались просто *подчиненными власти* (administrés). Такъ напримѣръ, въ 1848 году, жители одного селенія, давъ свои голоса въ избраніи членовъ народнаго собранія и самаго президента республики, собрались въ муниципальномъ совѣтѣ для обыкновеннаго засѣданія. Меръ представилъ совѣту, что надобно построить какую то будку, стоющую, по смѣтѣ, 15 ф. Будка, какъ видно, была необходима и требовалось скорой постройки. Но члены совѣта, представители державнаго народа, только что избравшіе, по своему усмотрѣнію, и законодателей и верховнаго правителя республики, не имѣли права издержать, для пользы общей, 15 фр.; надлежало напередъ получить согласіе су-префекта и. т. д.

Вотъ французское муниципальное управленіе! Очевидно, что эта всемогучая централизація, которая обхватываетъ теперь все государство и сосредоточиваетъ всю жизнь народную, жизнь не только гражданскую, но и интеллектуальную, въ столицѣ, никогда не могла бы выработаться во Франціи до такой, можно сказать, артистической уродливости, еслибы коммуны были устроены надлежащимъ образомъ, если бы онѣ могли жить и дѣйствовать самостоятельно, какъ подобаетъ народу образованному и свободному.

Теперь всѣ просвѣщенные люди видятъ великій вредъ отсутствія всякой муниципальной жизни во Франціи. Всѣ возстаютъ противъ этой неимовѣрной централизаціи, дошедшей до того, что всякая перемѣна революціонная въ Парижѣ, дѣлается немедленно революціею для всей Франціи

Мы не знаемъ съ умыслу ли или случайно французскій законъ раздробляетъ землю на неимовѣрное количество коммунъ: ихъ считается 37 тысячь! Такое раздробленіе много содѣйствуетъ слабости и незначительности коммунъ. Еслибъ онѣ были гораздо многолюднѣе и слѣдовательно сильнѣе, то, можетъ быть, и при теперешнемъ законодательствѣ онѣ пріобрѣли бы болѣе значительности и самостоятельности. И здѣсь мы видимъ приложеніе извѣстнаго правила недовѣрчивой власти: divide ut imperes.

Въ доказательство того какъ даже самое малое распространеніе власти муниципальной выражается немедленно пользою общественною, мы напомнимъ, что, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ царствованіе Лудовика Филиппа, состоялся законъ, по коему муниципальнымъ совѣтамъ были предоставлены нѣкоторыя права, весьма впрочемъ ограниченныя, и между прочимъ право налагать, до извѣстной степени, нѣкоторыя прибавочныя подати. Въ слѣдствіе сего немедленно, во многихъ департаментахъ, совѣты предприняли различныя общеполезныя работы, такъ что мѣстные бюджеты увеличились значительнымъ образомъ. Здѣсь мы видимъ, что народъ имѣлъ и охоту дѣлать полезное для земли и средства для сего; но не имѣлъ до-толѣ возможности дѣлать полезное, по сему пути, для блага общаго.

Изъ селенія и уѣзда перенося начало самоуправленія въ губернію, мы найдемъ, что и здѣсь слѣдуетъ предо-

ставить завѣдываніе дѣлами, до губерніи непосредственно и исключительно касающимися, самимъ жителямъ губерніи или ихъ выборнымъ представителямъ. Разумѣется, что самое управленіе или, такъ сказать, процессъ управленія долженъ быть и здѣсь, какъ въ уѣздѣ, предоставленъ начальнику губерніи.

Для сего надлежитъ учредить губернскій совѣтъ изъ 25 или 30 членовъ, вѣденію, обсужденію и рѣшенію коего будутъ подлежать всѣ дѣла до губернскаго управленія касающіяся. Засѣданія совѣта должны быть временныя, два раза въ годъ, въ продолженіе отъ 3 до 6 недѣль. По окончаніи засѣданій совѣтъ назначаетъ, изъ среды своей, постоянный комитетъ, изъ 3-хъ членовъ, который продолжаетъ, до открытія слѣдующаго засѣданія, наблюдать за исправнымъ теченіемъ дѣлъ и разрѣшаетъ встрѣчающіяся затрудненія и. т. п. Губернаторъ, при открытіи засѣданія, даетъ совѣту отчетъ въ своемъ управленіи. Онъ можетъ присутствовать въ совѣтѣ съ голосомъ совѣщательнымъ.

Совѣтъ, по своему усмотрѣнію, можетъ составить изъ среды своей, для лучшаго теченія дѣлъ, особые комитеты по различнымъ частямъ управленія. Для той же цѣли могутъ быть назначены особенные чиновники отъ правительства, кои будутъ находиться въ вѣденіи губернатора.

Дѣла, завѣдываемыя нынѣ особенными мѣстами, какъ напримѣръ: приказами общественнаго призрѣнія, управами благочинія, дворянскими опеками и проч. войдутъ, смотря по свойству ихъ, въ вѣдомство или финансовыхъ мѣстъ и

лицъ или въ вѣдомство городской думы, въ вѣдомство судовъ полицейскихъ и наконецъ даже совѣта губернскаго. Если же, въ распредѣленіи всѣхъ сихъ дѣлъ по принадлежности, встрѣтятся какія либо затрудненія, напримѣръ по внесенію дворянъ въ дворянскія книги, то, въ такихъ случаяхъ, можно учредить особыя присутствія или особыхъ чиновниковъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ губернатора и надзоромъ губернскаго совѣта. Дѣла гражданскихъ палатъ, не принадлежащія собственно къ судному порядку, какъ то совершеніе различныхъ актовъ, крѣпостныхъ и проч. потребуютъ новаго устройства, тѣмъ болѣе, что нынѣ существующій по сей части порядокъ конечно весьма неудовлетворителенъ.

Финансовыя учрежденія, какъ въ уѣздахъ, такъ и въ губерніяхъ, должны необходимо быть устроены въ новомъ видѣ, на новыхъ основаніяхъ и въ болѣе пространныхъ размѣрахъ. Что касается до учебныхъ заведеній, то, по силѣ самаго начала самоуправленія, мѣстныя выборныя власти должны имѣть на оныя непосредственное и значительное вліяніе. По крайней мѣрѣ слѣдуетъ дать губернскимъ совѣтамъ полное право, если не вмѣшиваться въ существующія уже учебныя заведенія, то заводить и учреждать всякаго рода новыя школы и училища на свой счетъ, съ предоставленіемъ на ихъ усмотрѣніе устройства сихъ заведеній.

Городовое управленіе предоставляется думѣ, члены коей избираются всѣми сословіями.

Здѣсь представляется вопросъ: слѣдуетъ ли составить губернскій совѣтъ только изъ выборныхъ членовъ отъ

дворянства, или допустить въ оный равномѣрно и выборныхъ отъ крестьянъ?

Такъ какъ мы допускаемъ дворянъ къ засѣданіямъ совѣтовъ уѣздныхъ, вмѣстѣ съ выборными отъ крестьянъ; то мы не видимъ достаточныхъ причинъ отстранить крестьянъ отъ совѣтовъ губернскихъ.

Въ нормальномъ положеніи дѣлъ и обстоятельствъ, тутъ не могло бы быть никакого вопроса, такъ какъ всѣ сословія имѣютъ равный интересъ, выгоду и право принимать участіе въ собственныхъ своихъ дѣлахъ. Но нормальное положеніе дѣлъ и обстоятельствъ можетъ образоваться тогда только когда помѣщики-дворяне войдутъ, съ своими землями, въ юридическій составъ волости на равнѣ со всѣми прочими землевладѣльцами. Дотолѣ нѣкоторыя изключенія и отступленія отъ коренныхъ началъ неизбѣжны. По сему-то мы полагали, что въ уѣздные совѣты члены отъ дворянства назначаются изключительно дворянами. Здѣсь мы также полагаемъ выборъ членовъ изъ дворянъ въ губернскіе совѣты предоставить дворянамъ изключительно. Но ограничивъ составъ уѣздныхъ совѣтовъ только землевладѣльцами, дабы дать симъ совѣтамъ изключительно характеръ землевладѣльческій, мы не видимъ никакой пользы, видимъ, напротивъ, вредъ приложить то же правило къ совѣтамъ губернскимъ. Въ сіи совѣты мы полагаемъ призвать не только дворянъ и крестьянъ, но также купцовъ и мѣщанъ. Землевладѣльческій характеръ не можетъ принадлежать губернскому совѣту изключительно, такъ какъ онъ принадлежитъ совѣту уѣздному. Только, принимая во вниманіе какъ

малочисленность двухъ сословій: купеческаго и мѣщанскаго, такъ и то, что сіи сословія обеспечиваются уже, въ быту ихъ, учрежденіемъ въ городахъ городскихъ думъ, мы находимъ, что число членовъ въ губернскомъ совѣтѣ отъ купечества и мѣщанства, должно быть ограничено въ сравненіи съ числомъ членовъ отъ дворянства и отъ крестьянъ. По сему изъ всего числа членовъ, изъ 30, можно предоставить 13 дворянамъ, 13 крестьянамъ и 4 купцамъ и мѣщанамъ. Сіи два послѣднія сословія будутъ избирать своихъ представителей вмѣстѣ и безъ всякаго между ними сословнаго въ семъ отношеніи различія. Со временемъ, когда всѣ сословія будутъ равны предъ закономъ, всѣ сіи различія отстранятся сами собою и избраніе членовъ въ совѣты и уѣздные и губернскіе, будетъ зависѣть только отъ довѣрія избирателей.

Основавъ губернское устройство на началѣ самоуправленія, предоставивъ вѣденію губернскаго совѣта опредѣленіе и разкладку земскихъ повинностей, устроеніе путей сообщенія, т. е. какъ большихъ дорогъ, такъ и проселочныхъ, изъ коихъ сіи послѣднія будутъ впрочемъ въ особенномъ вѣденіи уѣздовъ и волостей, заведеніе школъ и училищъ и заботу о всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ предметахъ мѣстнаго управленія, отъ коихъ всегда такъ сильно зависитъ благосостояніе массъ народныхъ, вы дадите новую жизнь всѣмъ отдѣльнымъ частямъ государства. Тѣ, кои питаютъ въ душѣ своей и любовь къ родинѣ и благоволеніе къ ближнимъ — а такихъ людей много — найдутъ около себя полную возможность для удовлетворенія ихъ честныхъ намѣреній и желаній, довольно обширное поле

для ихъ полезной дѣятельности. Это самое болѣе и болѣе привяжетъ ихъ къ мѣсту ихъ жительства, къ ихъ родинѣ. Что можетъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ сдѣлать человѣкъ, живущій въ деревнѣ и одушевленный самымъ великимъ усердіемъ къ общей пользѣ, къ общему добру? Если онъ имѣетъ помѣстье, то онъ конечно можетъ быть полезенъ людямъ живущимъ около него и болѣе или менѣе отъ него зависящимъ. Но и то, съ какими затрудненіями, съ какими опасеніями попасть въ число такъ называемыхъ людей „безпокойныхъ," „любящихъ нововведенія" и пр. и пр..! Тогда же и для помѣщика и для всякаго другаго человѣка образованнаго и усерднаго къ пользѣ общей, представится множество средствъ быть полезнымъ или въ уѣздѣ или въ губерніи, въ совѣтахъ уѣздныхъ и губернскихъ, въ школахъ, въ различныхъ человѣколюбивыхъ заведеніяхъ, въ устройствѣ дорогъ и пр. и пр. Такая честная и полезная дѣятельность удовлетворитъ многихъ и они не будутъ мечтать о столицахъ, не будутъ туда стремиться для увеличенія праздношатающейся толпы большихъ городовъ. Что можетъ привлечь теперь независимаго человѣка въ губернскій городъ, или особенно въ уѣздный? Обыватели уѣздныхъ городовъ живутъ въ нихъ, такъ сказать, по сущей необходимости. Вся жизнь такого города выражается въ торговлѣ, по большой части мелочной и скаредной. Едва ли что общественное, общеполезное занимаетъ вниманіе жителя уѣзднаго города. Начальники уѣздныхъ городовъ — городничіе, обыкновенно отставные офицеры, получающіе сіи мѣста какъ пенсію за службу. Они чужды городу, всѣмъ интересамъ,

всѣмъ нуждамъ, потребностямъ и выгодамъ города. Чего можно ожидать, для блага города, отъ такихъ правителей? Уѣздные чиновники занимаются каждый своею частію и дѣло общее совершенно отстраняется. Кругъ понятій у жителей уѣздныхъ городовъ такъ узокъ, что они рѣдко простираютъ мысль за предѣлы своего города. Правительство заключается для нихъ въ ихъ мѣстномъ начальствѣ. Развѣ только одни чиновники помышляютъ о губерніи и то только, потому что тамъ живетъ губернаторъ, котораго они иногда боятся. Помѣщики рѣдко живутъ въ уѣздныхъ городахъ. Дайте каждому возможность участвовать въ общемъ дѣлѣ, и вы увидите, что участники немедленно явятся.

Въ губернскомъ городѣ конечно болѣе жизни, потому что тутъ образуется уже что-то похожее на общее мнѣніе, которое болѣе или менѣе всегда имѣетъ свое вліяніе на дѣло общее, на поступки и дѣйствія предержащихъ губернскихъ властей, на поступки и поведеніе даже частныхъ лицъ; чего между мелкотравчатыми обывателями уѣзднаго города даже и ожидать едва ли можно.

Великое благо совершилось для Россіи „Учрежденіемъ губерній.“ Это учрежденіе созвало дворянъ изъ ихъ имѣній въ города для дворянскихъ выборовъ и пр. Прежде они почти безвыѣздно жили каждый въ своемъ захолустьѣ. Періодическое сближеніе дворянъ между собою, при содѣйствіи разумныхъ губернаторовъ, немедленно выражалось различными полезными послѣдствіями: учрежденіемъ училищъ, кадетскихъ корпусовъ и разныхъ общеполезныхъ заведеній. Въ законодательствѣ Екате-

рины II ясно замѣтно начало самоуправленія. Только на опытѣ, на самомъ дѣлѣ, оно не могло получить надлежащаго развитія. Это благодатное семя заглохло въ слѣдствіе непріязненныхъ элементовъ, между коими оно было насаждено. Теперь, главный изъ сихъ непріязненныхъ элементовъ, крѣпостное право, отстраненъ. Ничто, ничто кромѣ лѣни и закоренѣлыхъ предразсудковъ, не мѣшаетъ дать теперь надлежащаго простора муниципальной жизни въ Россіи. Эта жизнь состоитъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Дайте возможность сей жизни возникнуть, развиться, и тогда вы увидите, что жители всякой мѣстности болѣе и болѣе привяжутся къ ихъ родинѣ, даже потому добру, которое они будутъ въ состояніи для нея сдѣлать. И села и малые и большіе города удержатъ свое населеніе, которое вообще стремится теперь безмѣрно усиливать населеніе городовъ столичныхъ.

Даже наука, искуство, словесность, найдя пріютъ и поле для дѣятельности дома, поклонники наукъ и искуствъ и даже писатели не пойдутъ искать славы въ столицахъ.

Мы воображаемъ, что первымъ послѣдствіемъ мѣстнаго самоуправленія будетъ появленіе мѣстныхъ вѣдомостей, журналовъ. Теперь деревенскій житель получая журналы изъ столицъ, знаетъ гораздо болѣе о томъ что происходитъ въ сихъ столицахъ и въ самой Европѣ, нежели о томъ, что случается въ его уѣздѣ. Если по примѣру столицъ, въ губерніяхъ заведутся англійскіе клобы, то конечно карты не будутъ исключительнымъ развлеченіемъ для членовъ. Кромѣ журналовъ, они захотятъ имѣть какую нибудь библіотеку. Изъ клоба мысль о за-

веденіи библіотеки перейдетъ въ самый городъ. Мы не постигаемъ, какъ мало вниманія было обращаемо по сію пору на такія первыя потребности интеллектуальной жизни въ Россіи. Между тѣмъ, съ нѣкотораго времени, мы видимъ, что вездѣ заводятъ воскресныя школы; но въ отсутствіи всякаго самоуправленія, благонамѣренные люди встрѣчаютъ множество затрудненій въ семъ добромъ дѣлѣ. Одной проволочки въ исполненіи самыхъ благихъ предпріятій, иногда достаточно чтобы охладить усердіе тѣхъ, кои къ нимъ приступаютъ.

Матеріальное положеніе городовъ должно равномѣрно улучшиться отъ приложенія начала самоуправленія. Теперь города не имѣютъ мостовыхъ, не имѣютъ освѣщенія, улицы даже не углажены, не выметены порядочно. Обыватели ѣздятъ и ходятъ въ пыли и въ грязи, съ равнодушіемъ помышляя, что это не отъ нихъ зависитъ, а отъ начальства: отъ городничаго, отъ полицмейстера, отъ чиновника путей сообщенія. Когда самъ городъ будетъ управлять городомъ; то обыватели непремѣнно озаботятся объ отстраненіи неудобствъ, кои они претерпѣваютъ ежедневно.

Однимъ словомъ благотворныя дѣйствія самоуправленія неизчислимы. Между прочимъ, въ слѣдствіе большаго сближенія людей между собою, въ слѣдствіе большей возможности взаимнаго умственнаго сообщенія между ними, образованность людей просвѣщенныхъ мало по малу распространитъ кругъ понятій въ тѣхъ, кои пребываютъ во тьмѣ. Найдутся люди, кои почтутъ особенною обязанностію и примутъ какъ призваніе просвѣтить умы непро-

свѣщенныхъ, обратить на путь истины блуждающихъ въ изувѣрствѣ. Церковь наша не въ силахъ бороться съ раскольниками. Дайте возможность усердным и образованнымъ мірянамъ войти въ дружескія и христіанскія отношенія съ ними и вы увидите, что и здѣсь свѣтъ восторжествуетъ надъ тьмою.

VIII.

Бросая взглядъ на наши финансы, мы немедленно останавливаемся на томъ предметѣ, который всего болѣе требуетъ надлежащаго устроенія. Этотъ предметъ есть денежное обращеніе. Деньги составляютъ не только главное, необходимое орудіе промышлености, торговли и всѣхъ безчисленныхъ сдѣлокъ и обмѣновъ въ государствѣ; но вмѣстѣ съ симъ деньги представляютъ имущество, богатство народное. Если денежное обращеніе не основывается на твердыхъ началахъ, если нарицательная цѣна не соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости денегъ; то, при возникающемъ отъ сего колебаніи, деньги не могутъ оставаться въ правильномъ отношеніи къ товарамъ, къ имуществу, которое онѣ представлять долженствуютъ. Такимъ образомъ не можетъ быть настоящей вѣрности ни въ разсчетахъ, ни въ обмѣнахъ, въ куплѣ и продажѣ и даже въ исчисленіи достоянія всякаго частнаго человѣка, равно какъ и въ исчисленіи расходовъ и доходовъ государственныхъ.

Стоимость или цѣнность звонкой монеты конечно можетъ перемѣниться и дѣйствительно измѣняется въ слѣдствіе большаго или меньшаго богатства рудниковъ. Но сіи измѣненія происходятъ мало по малу, едва замѣтнымъ образомъ, такъ что сообразно сему движенію измѣняется постепенно и отношеніе стоимости и цѣнъ товаровъ и имуществъ; и отъ сихъ, такъ сказать, естественныхъ измѣненій ни торговля, ни промышленость, и никто въ особенности не терпитъ.

Безпорядокъ въ денежномъ обращеніи никогда не произойдетъ отъ употребленія звонкой монеты, заключающей въ себѣ настоящую ея стоимость. Этотъ пагубный и бѣдственный безпорядокъ возникаетъ тогда, когда звонкая монета замѣняется бумажками ее представляющими.

Настоящее предзначеніе бумажныхъ денегъ состоитъ въ томъ, что онѣ должны замѣнять звонкую монету тамъ гдѣ, въ слѣдствіе тяжести ея, обращеніе звонкой монеты дѣлается неудобнымъ. Вотъ въ чемъ состоитъ настоящая польза бумажныхъ денегъ: онѣ замѣняютъ монету тамъ гдѣ эта замѣна полезна. Чтожъ касается до другихъ выгодъ, съ бумажнымъ обращеніемъ сопряженныхъ, то онѣ ограничиваются тѣмъ, что, при появленіи своемъ, бумажныя деньги дѣлаютъ соразмѣрную часть звонкой монеты излишнею, ненужною для обращенія. Тогда эта часть капитала обращенія выходитъ за границу и замѣняется купленными тамъ товарами и имуществомъ. Вотъ единственная прибыль проистекающая отъ первоначальнаго выпуска ассигнацій. Послѣдующіе выпуски такихъ выгодъ доставлять уже не могутъ. Конечно сіи послѣ-

дующіе и безконечные выпуски ассигнацій будутъ продолжать вытѣснять звонкую монету изъ государства, но не къ выгодѣ, а къ разоренію сего послѣдняго, такъ какъ оно принуждено будетъ платить дороже и дороже за иностранные товары и за иностранныя деньги, по мѣрѣ какъ цѣнность его собственныхъ представительныхъ знаковъ, ассигнацій, понижается. Такимъ образомъ выпускъ ассигнацій не только не творитъ никакихъ новыхъ капиталовъ, какъ воображали или по крайней мѣрѣ утверждали люди или несвѣдущіе или желавшіе обмануть другихъ людей; но, напротивъ, при малѣйшемъ отступленіи отъ должной умѣренности, потрясаетъ основныя начала, необходимыя условія хозяйственнаго быта и государственнаго и народнаго.

Признавъ правиломъ, что бумажныя деньги должны служить только замѣною звонкой монеты гдѣ эта замѣна потребна или полезна, мы должны вмѣстѣ съ симъ признать, что тамъ гдѣ она не полезна, замѣна существовать не должна. Изъ сего истекаютъ двѣ истины, два правила, коихъ наблюденіе необходимо для порядочнаго обращенія денегъ:

1. Что тѣ, кои не находятъ для себя никакой пользы имѣть въ рукахъ своихъ бумажныя деньги, должны имѣть право и возможность во всякое время размѣнивать ихъ безъ потери на звонкую монету.

2. Что для ежедневнаго, мелкаго обращенія, для мелкой купли и продажи, нѣтъ никакой надобности и пользы замѣнять звонкую монету ассигнаціями.

Такимъ образомъ правильное обращеніе ни какъ не

можетъ согласоваться съ такъ называемымъ принудительнымъ курсомъ бумажныхъ денегъ, т. е. съ постановленіемъ, что никто не можетъ отказываться отъ принятія уплаты ассигнаціями. Равнымъ образомъ противно всякому правильному обращенію выпускать ассигнаціи на мелкія суммы. Пять небольшихъ золотыхъ монетъ могутъ легко обращаться; слѣдственно нѣтъ никакой надобности замѣнять ихъ бумажкою.

Отъ теоріи обращаясь къ дѣйствительности, мы находимъ совсѣмъ иное. Бумажныя деньги наводнили Россію, какъ онѣ наводнили и продолжаютъ наводнять нѣкоторыя другія государства; и первою заботою всякаго министра финансовъ должно быть уменьшить наводненіе, ввести бумажное обращеніе въ надлежащіе предѣлы и наконецъ устроить оное такъ, чтобы впредь ничего подобнаго случиться не могло.

Полумѣры нигдѣ не годны. Но въ вопросѣ, коимъ мы здѣсь занимаемся, онѣ болѣе пагубны нежели гдѣ либо. Мы повторяемъ, что дѣло бумажнаго обращенія надлежитъ устроить такъ, чтобы, отвративъ однажды зло, сдѣлать невозможнымъ новое его появленіе. Доколѣ будетъ возможность поступать такъ какъ поступали прежде, дотолѣ злу не можетъ быть рѣшительнаго конца. Всѣ пожертвованія, кои государство сдѣлаетъ нынѣ, будутъ напрасны, если въ народѣ, въ мнѣніи общемъ, не возникнетъ, не утвердится твердое убѣжденіе, что возобновленіе прежней неурядицы просто невозможно.

Не нужно, кажется, никакихъ дальнихъ изысканій, дабы убѣдиться, что количество или сумма бумажныхъ

денегъ въ Россіи превышаетъ потребности обращенія. По сему прямое средство къ отстраненію зла состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ уменьшеніи сего количества, сей суммы. Нѣтъ никакой надобности изчислять со всею точностію на какую сумму слѣдуетъ уменшить количество ассигнацій. Это откроется само собою когда установится отъ правительства свободный и безпрепятственный размѣнъ ассигнацій на чистыя деньги. Судя по малой потерѣ, которой нынѣ подлежатъ ассигнаціи при размѣнѣ на чистыя деньги, можно предполагать, что, при свободномъ размѣнѣ, въ обращеніи останется гораздо большее количество бумажныхъ денегъ, въ сравненіи съ тѣмъ, которое, съ перваго взгляда, представляется вѣроятнымъ.

Уменьшить количество бумажныхъ денегъ нельзя иначе какъ изъятіемъ части оныхъ изъ обращенія.

Вынимаемыя изъ обращенія бумажныя деньги должны быть замѣнены чистыми, или въ другихъ словахъ, правительство должно покупать на денежномъ рынкѣ ассигнаціи на звонкую монету. Для сего нужны капиталы, кои пріобрѣсть можно только посредствомъ особеннаго займа, и, вѣроятно, займа иностраннаго. О займахъ мы будемъ говорить ниже.

Въ царствованіе императора Александра I-го, для возвышенія курса ассигнацій, какъ извѣстно, были дѣлаемы заграничные займы. Но правительство не употребило занятыхъ суммъ на покупку или на выкупъ ассигнацій на денежномъ рынкѣ, а приступало прямо къ сожженію ас-

сигнацій на сумму, равняющуюся сдѣланному займу. Мы находимъ въ сей методѣ слѣдующія неудобства:

1. Уменшивъ однимъ разомъ, вдругъ, извѣстною частію все количество ассигнацій, нельзя ожидать, чтобы такое уменшеніе, такое приближеніе къ равновѣсію между звонкою монетою и бумажными деньгами, немедленно выразилось соразмѣрнымъ возвышеніемъ курса сихъ послѣднихъ. Для этого нужно время; нужно, чтобы народъ почувствовалъ улучшенную стоимость ассигнацій нѣкоторыми затрудненіями получить, напримѣръ, за 1 р. с. тѣ же четыре рубля ассигнаціями, кои онъ получалъ прежде. Дабы достигнуть въ семъ случаѣ всеобщаго сознанія въ улучшеніи стоимости бумажекъ, нужно впрочемъ не одно время, но и значительное усиленіе сожигаемыхъ суммъ. Положимъ, что тогда существовало ассигнацій на 700 или 800 милліоновъ; и что было сожжено на 150 мил. Пожертвованіе со стороны правительства было, безъ сомнѣнія, значительно; но не разумно было бы ожидать, чтобы ассигнаціи немедленно возвысились къ курсѣ на $^1/_6$ или $^1/_5$. Сумма остающихся $^5/_7$ частей бумажныхъ денегъ была еще, вѣроятно, слишкомъ велика для обращенія и народъ только послѣ долгаго времени могъ почувствовать, что ассигнацій вообще стало менѣе. Дабы произвести немедленное сознаніе въ улучшеніи курса ассигнацій, надлежало, можетъ быть, вынуть изъ обращенія цѣлую половину.

2. Другое неудобство сей методы состоитъ въ ея исключительно матеріальномъ характерѣ Но въ дѣлахъ сего рода, въ дѣлахъ кредита, не все зависитъ отъ мате-

ріальныхъ мѣръ, отъ матеріальныхъ обезпеченій. Сверхъ сего необходимо довѣріе, согласіе, однимъ словомъ въ дѣлахъ кредитныхъ нуженъ кредитъ. Если бы правительство, не прибѣгая прямо къ матеріальному средству улучшенія курса ассигнацій, къ ихъ сожженію, употребило тѣ же 150 мил. на обмѣнъ чистыхъ денегъ на ассигнаціи, то тогда народъ, находя возможность размѣнивать свои ассигнаціи на звонкую монету, немедленно почувствовалъ бы, что бумажки пріобрѣли новую стоимость, и чѣмъ болѣе было бы для него возможности и удобности въ семъ размѣнѣ, чѣмъ болѣе онъ былъ бы увѣренъ, что его бумажка можетъ быть во всякое время и вездѣ размѣнена на серебро, тѣмъ менѣе онъ спѣшилъ бы прибѣгать къ сему размѣну: это тайна всякаго кредита. При такихъ обстоятельствахъ можно было бы ожидать лучшаго успѣха мѣрамъ погашенія, нежели каковъ былъ успѣхъ тогдашнихъ финансовыхъ операцій.

И такъ для надлежащаго устройства финансовъ, слѣдуетъ, прежде всего, прибѣгнуть къ иностранному займу. Мы не знаемъ въ точности какую сумму составляетъ нынѣ все количество бумажныхъ денегъ въ Россіи. Можетъ быть для окончательнаго основанія равновѣсія между ассигнаціями и звонкою монетою потребуется до 300 милліоновъ руб. сер. На первый случай мы полагаемъ ограничить заемъ 150 мил. руб. сер. Сумма займа должна быть внесена въ казначейство звонкою монетою. Вся сумма займа должна быть употреблена на обмѣнъ ассигнацій на чистыя деньги, посредствомъ открытія размѣнныхъ конторъ по всей имперіи.

Такъ какъ суммы 150 милліоновъ очевидно недостаточно для основанія полнаго равновѣсія между звонкою монетою и бумажками; то мы полагаемъ, что къ размѣну должны быть принимаемы въ началѣ только самыя мелкія ассигнаціи, билеты въ 1 руб. Надобно знать сколько такихъ однорублевыхъ билетовъ находится въ обращеніи, дабы судить можно ли допустить къ размѣну и билеты высшаго достоинства. Впрочемъ самый опытъ это покажетъ. Если обмѣнъ будетъ умѣренный, то можно будетъ распространить размѣнъ на трехъ рублевые билеты. Далѣе, вѣроятно, 150 мил. руб. не хватитъ. Но великая польза произойдетъ уже отъ того, что мелкія ассигнаціи болѣе или менѣе изчезнутъ изъ обращенія.

Очевидно, что на семъ первомъ займѣ останавливаться не слѣдуетъ. Надобно итти до конца: усиливать займы, усиливать размѣнъ ассигнацій на звонкую монету, дотолѣ пока наконецъ не будетъ ни малѣйшей разницы въ курсѣ какъ тѣхъ такъ и другихъ, — помня и не забывая, что не приведя въ должный порядокъ монетнаго обращенія, нельзя приступить ни къ какимъ прочнымъ улучшеніямъ по части финансовъ.

По достиженіи желаемой цѣли, когда бумажныя деньги будутъ въ курсѣ своемъ вполнѣ равны звонкой монетѣ, надлежитъ принять такія мѣры, по коимъ возвращеніе къ прежнему безпорядку сдѣлалось бы невозможнымъ; т. е. слѣдуетъ навсегда отказаться отъ обыкновенія увеличивать количество бумажныхъ денегъ по распоряженіямъ министра финансовъ.

Для многихъ такое отрѣченіе отъ власти печатать

и выпускать въ обращеніе бумажныя деньги, покажется, конечно, весьма затруднительнымъ. Но безъ такого необходимаго отрѣченія никогда не можетъ быть должнаго порядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ государства. Положимъ, что правительство, постановивъ правиломъ не умножать количества ассигнацій, строго будетъ наблюдать сіе правило. Это было бы конечно весьма полезно. Но для основанія кредита, для внушенія полной довѣренности къ бумажкамъ, этого недостаточно. Одно только сознаніе въ народѣ, что министръ финансовъ можетъ печатать ассигнаціи, умножать ихъ количество, будетъ всегда непреодолимою помѣхою къ пріобрѣтенію надлежащаго, полнаго довѣрія со стороны народа, къ такимъ шаткимъ представительнымъ знакамъ цѣнностей всѣхъ товаровъ и имуществъ. Мы не постигаемъ какъ, напримѣръ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ Россіи можетъ найтись честный человѣкъ, хотя мало мальски понимающій финансовое дѣло, который согласился бы быть министромъ финансовъ иначе какъ съ условіемъ такого отрѣченія отъ возможности произвольныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Конечно и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, непослѣдовательность, противорѣчіе, отступленіе отъ правды, изъясняется тѣмъ печальнымъ предразсудкомъ, что на свѣтѣ существуетъ двѣ морали, два нравственныхъ закона: одинъ для частныхъ людей, другой для такъ называемыхъ людей государственныхъ.

Если правительство встрѣчаетъ необходимость прибѣгнуть къ какимъ либо чрезвычайнымъ расходамъ, непредвиденнымъ въ росписи или буджетѣ, то оно должно

обратиться къ займу. Скажутъ, можетъ быть, что за занятыя деньги надобно платить проценты, между тѣмъ какъ за капиталы выручаемые посредствомъ выпуска бумажекъ, никакихъ процентовъ не платится. Такъ конечно. Но если за занимаемые капиталы правительство платитъ проценты, то за выпускаемыя ассигнаціи оно, рано или поздно, платитъ разстройствомъ денежнаго обращенія и слѣдовательно разстройствомъ самыхъ финансовъ своихъ. Удача въ такихъ операціяхъ весьма похожа на удачу въ операціи дикаря, который, дабы достать плодъ, рубитъ дерево.

Для обезпеченія благоустройства государственныхъ финансовъ отъ произвольныхъ выпусковъ бумажныхъ знаковъ, нѣтъ инаго средства, какъ предоставить сіи выпуски особенному банковому учрежденію, самостоятельному, независимому отъ министра финансовъ и дѣйствующему въ силу усвоенныхъ ему законодательною властію правъ, на основаніи изданныхъ для него законовъ. Такіе банки существуютъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ. Впрочемъ вездѣ сіи банки находятся въ нѣкоторой зависимости отъ правительствъ, которыя, предоставляя имъ различныя права, преимущества и выгоды, естественно ищутъ и для самихъ себя получить какую либо особенную пользу отъ сихъ учрежденій. Иногда сношенія банка съ правительствомъ имѣютъ основаніемъ старинные обычаи, привычки. Въ старину банки дѣлали правительствамъ важныя ссуды денегъ и пріобрѣтали чрезъ то особенныя привиллегіи. Иногда правительства поручали банкамъ собираніе и храненіе извѣстныхъ налоговъ.

Это мы видимъ и нынѣ въ Англіи. Во Франціи, въ образованіи нынѣшняго банка, правительство имѣло особенное участіе и продолжаетъ имѣть на сіе учрежденіе весьма значительное вліяніе. Директоръ банка назначается правительствомъ.

Упоминая о разныхъ европейскихъ банкахъ, мы желаемъ обратить особенное вниманіе читателя на то, что вездѣ сіи банки основываются на капиталахъ частнымъ людямъ принадлежащихъ. Такимъ образомъ управленіе банковъ прнадлежитъ частнымъ людямъ, вкладчикамъ, акціонерамъ банка. Правительство конечно должно имѣть свое участіе въ управленіи банкомъ, особливо, напримѣръ, въ Россіи, гдѣ учрежденія сего рода весьма мало извѣстны и требуютъ особеннаго направленія отъ правительства.

Мы не споримъ, что слишкомъ сильное вліяніе правительства на банкъ можетъ быть иногда весьма пагубно, особенно, если банкъ найдетъ себя въ необходимости требовать отъ правительства установленія принудительнаго курса ассигнацій. Но таковыя неудобства и невыгоды, кои впрочемъ могутъ быть въ сильной степени предупреждены нѣкоторыми узаконеніями при самомъ учрежденіи банка, не могутъ быть сравниваемы съ огромною и безвыходною невыгодою произвола въ увеличеніи количества бумажныхъ денегъ.

Можно вообще сказать, что всякій такой банкъ тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ цѣли своего предназначенія и пользамъ общественнымъ, чѣмъ болѣе онъ самостоятеленъ и независимъ отъ правительства, лишь бы только права и

привиллегіи банку предоставленныя, не обращались во вредную монополію.

Мы не имѣемъ ни намѣренія, ни возможности означать здѣсь правилъ, на конхъ подобный банкъ долженъ быть устроенъ въ Россіи. Мы желали только указать на необходимость предоставить бумажное обращеніе, вмѣсто министра финансовъ, банку самостоятельному, отъ министра финансовъ независящему. Таковый, болѣе или менѣе самостоятельный и отъ правительства независимый банкъ можетъ быть основанъ только на акціяхъ; акціонеры должны управлять банкомъ; все бумажное обращеніе должно быть предоставлено на отвѣтственность банка. Представляемые банку кредитные билеты должны быть безпрепятственно и немедленно по предъявленіи обмѣниваемы банкомъ на чистыя деньги. Къ принудительному курсу банкъ прибѣгнуть не можетъ иначе какъ по особенному постановленію правительства. Вліяніе правительства на дѣла банка должно быть предопредѣлено закономъ.

Недавно учрежденный государственный банкъ въ Россіи отвѣтствуетъ инымъ требованіямъ, имѣетъ иныя цѣли, иное предназначеніе. По сему мы не можемъ ожидать отъ сего банка того, для чего онъ не былъ учрежденъ, т. е. полнаго завѣдыванія денежнымъ обращеніемъ въ государствѣ. Между тѣмъ намъ кажется, что и сей новый банкъ можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на судьбу бумажныхъ денегъ въ Россіи, такъ какъ сіи бумажныя деньги признаются долгомъ государственнымъ, и такъ какъ всѣ государственные долги, внутренніе и заграничные, должны подлежать вѣденію банка. Достаточно

ли будетъ такого посредственнаго дѣйствія со стороны банка для приведенія въ должное устройство бумажнаго обращенія, мы не знаемъ. Не касаясь до нынѣ существующихъ кредитныхъ учрежденій въ Россіи, мы желали только указать, во первыхъ, на необходимость привести въ надлежащее равновѣсіе бумажныя деньги со звонкою монетою, утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ достоинство первыхъ, и, во вторыхъ, по достиженіи сего, положить преграду къ возобновленію прежняго безпорядка въ денежномъ обращеніи. Равновѣсіе можетъ быть достигнуто только посредствомъ уменьшенія количества бумажныхъ денегъ. Преграда можетъ быть поставлена только посредствомъ банка самостоятельнаго, на акціяхъ основаннаго и обязаннаго платить чистыми деньгами за всѣ представляемыя ему кредитные билеты.

Сія послѣдняя перемѣна, т. е. предоставленіе бумажнаго обращенія вѣдомству не самого правительства, а вѣдомству и отвѣтственности банка, на акціяхъ основаннаго и акціонерами управляемаго, покажется у насъ, конечно, реформою весьма рѣзкою; но безъ такой реформы денежное обращеніе никогда не будетъ отвѣтствовать ни начальнымъ основаніямъ кредита, ни потребностямъ частнымъ и государственнымъ.

Мы замѣтили выше, что изъятіе мелкихъ ассигнацій было бы особенно полезно. Мы сказали также, что настоящее, правильное, предназначеніе бумажныхъ денегъ состоитъ только въ замѣнѣ звонкой монеты, когда, по тяжести оной, обращеніе дѣлается затруднительнымъ. Ограничиваясь таковымъ предназначеніемъ бумажныхъ денегъ,

не слѣдовало бы вовсе выпускать ассигнацій на мелкія суммы. Но вышедши однажды изъ надлежащихъ предѣловъ, усиливъ количество представительныхъ знаковъ чрезъ мѣру, вытѣснивъ такимъ образомъ звонкую монету изъ обращенія, правительства приходятъ къ необходимости выпускать мелкія ассигнаціи, тѣмъ болѣе, что такіе выпуски кажутся имъ особенно прибыльными, въ сравненіи съ крупными бумажками. Но вредъ отъ упавшихъ въ курсѣ своемъ бумажныхъ денегъ, причиняемый всѣмъ бумажкамъ вообще, болѣе чувствителенъ въ мелкихъ бумажкахъ, особливо когда, такъ какъ это въ Россіи, банкъ, не размѣнивая ассигнацій на чистыя деньги, не замѣщаетъ даже постояннымъ образомъ обветшалыхъ бумажекъ новыми. Чѣмъ мельче ассигнація, тѣмъ скорѣе она обращается, т. е. переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Мы видимъ въ Россіи множество 1 и 3-хъ рублевыхъ ассигнацій, изодранныхъ, замаранныхъ, обвернутыхъ въ кусокъ бумаги. Многія изъ такихъ ассигнацій должны наконецъ приходитъ въ такую ветхость, что никто ихъ принимать не будетъ. Такимъ образомъ онѣ теряютъ всякую цѣнность. Скажутъ, что ветхія ассигнаціи могутъ быть обмѣниваемы въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Но легко ли это? Англійскій банкъ имѣетъ правиломъ не выдавать никакой суммы иначе какъ новыми ассигнаціями. Каждая ассигнація, вступившая въ банкъ, никогда болѣе не выходитъ изъ банка. Потому то въ обращеніи никогда не видно ветхихъ бумажекъ.

Этого не довольно. Бумажныя деньги вообще под-

вергнуты гораздо большимъ опасностямъ въ сохраненіи нежели чистыя деньги. Сіи опасности увеличиваются для мелкихъ ассигнацій, какъ по тому что обращеніе ихъ совершается скорѣе, такъ и по тому что онѣ обращаются особенно между простымъ народомъ.

Дабы судить о потеряхъ, кои несетъ народъ только отъ одного сего обстоятельства, свойственнаго всѣмъ бумажнымъ деньгамъ, и независимо отъ другихъ убытковъ, съ пониженіемъ курса сопряженныхъ, мы напомнимъ, что когда русское правительство предприняло, въ двадцатыхъ годахъ, перемѣну формы ассигнацій, то по обмѣнѣ старыхъ ассигнацій на новыя, оказалось, что въ ассигнаціонный банкъ поступило на 10 процентовъ ассигнацій менѣе, нежели сколько изъ онаго было выпущено. Полагая, что ассигнацій существовало тогда около 800 мил. оказывается, что въ обращеніи изчезло около 80 мил. кои естественно были потеряны народомъ. А такъ какъ, при семъ общемъ обмѣнѣ, правительство принимало къ обмѣну всякаго рода фальшивыя ассигнаціи, и между прочимъ внесенныя французскою арміею въ 1812 году; то изъ сего слѣдуетъ, что ассигнацій изчезло, въ обращеніи, гораздо болѣе нежели на 80 мил. руб. Правительство обязано класть въ карманъ и такіе барыши, каковыми погнушался бы всякій порядочный частный человѣкъ. Замѣтимъ здѣсь однакоже, къ чести русскаго правительства, что оно, по крайней мѣрѣ въ прежнія времена, допускало къ обмѣну фальшивыя ассигнаціи, какъ скоро не существовало ни-какого подозрѣнія въ преступленіи поддѣлки, относительно лица, представившаго бу-

мажку къ обмѣну; между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ, въ Англіи, Франціи и проч. фальшивая бумажка, кѣмъ бы ни была представлена банку, немедленно уничтожается безъ всякаго возмездія. Этотъ обычай намъ всегда казался крайне несправедливымъ, по той причинѣ, что правительство или банкъ, получая выгоду и прибыль отъ выпуска бумажныхъ денегъ, по справедливости, долженъ нести и убытки, необходимо сопряженные съ бумажнымъ обращеніемъ.

Въ Англіи бумажные знаки простирались во время войны, до суммы 1-го фунта ст. По возстановленіи мира, парламентъ, по предложенію правительства, уничтожилъ билеты въ 1 ф. ст. такъ что теперь самая мелкая ассигнація составляетъ 5 фунтовъ. „Оставьте въ рукахъ бѣднаго человѣка, эту золотую монету, которая яснѣе представляетъ плодъ труда его, нежели банковый листокъ бумаги," говорилъ Канингъ, защищая сію мѣру. Изключеніе было допущено только для Шотландіи, жители коей, и во главѣ ихъ знаменитый Валтеръ-Скоттъ, основываясь на особенныхъ свойствахъ шотландскихъ банковъ, требовали сохраненія билетовъ въ 1 фунтъ.

Во Франціи, прежде, банковые билеты не доходили ниже 500 фр. Только въ послѣднія времена начали выпускать билеты въ 200 фр. и наконецъ въ 100 франковъ.

Что касается до Россіи, то можно бы остановиться на билетахъ въ 25 руб. сер. и никакъ не итти ниже.

Говоря о денежномъ обращеніи мы не можемъ не изъявить еще разъ крайняго сожалѣнія, что правительство русское, предпринимая, въ 1842 году, различныя прео-

бразованія по части финансовъ, признало монетною единицею серебряный рубль. Мы не видѣли тогда никакой уважительной причины къ таковому странному нововведенію. Единица монетная существовала; она называлась рублемъ; всѣ признавали сію единицу. Такъ это было когда одни серебряные рубли наполняли обращеніе. Такъ это продолжало быть и тогда, когда появившіяся ассигнаціи были равны въ курсѣ своемъ серебру. Когда ассигнаціи начали упадать противъ серебра, то народъ продолжалъ признавать единицею не серебряный рубль, но рубль ассигнаціонный. Всѣ изчисленія, разсчеты, купля и продажа, совершались на рубли бумажные, а не на серебряные. Это и не могло быть иначе, ибо обращеніе наполнялось бумажками; серебро было, сими бумажками, вытѣсняемо изъ обращенія. Однимъ словомъ народъ не зналъ инаго рубля какъ рубля ассигнаціоннаго.

Что могло побудить такого умнаго человѣка, такого достойнаго министра, каковъ былъ г. Канкринъ, къ признанію за единицу серебрянаго рубля? Какъ не остановился онъ на этой первой нелѣпости: признать единицею не 1, а $3^1/_2$ рубля? Онъ не могъ конечно ожидать, чтобы народъ, однимъ разомъ, по его указанію, позабылъ все прошедшее и призналъ серебряный рубль тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде упадка ассигнацій. Но отстраняя и народъ, его привычки и его понятія, нельзя было отстранить самыхъ произшествій, всего прошедшаго времени.

„Серебряный рубль долженъ быть и оставаться рублемъ. Если онъ измѣнялся въ своемъ достоинствѣ, то

это происходило отъ различныхъ финансовыхъ событій.“ Такъ разсуждалъ г. Канкринъ. Конечно серебряный рубль остался рублемъ. Но эти событія были не что иное какъ чрезмѣрные выпуски ассигнацій, наводнившихъ обращеніе, вытѣснившихъ изъ онаго серебро. Между тѣмъ народъ считалъ, совершалъ куплю и продажу по тому рублю, который былъ въ обращеніи, а не тому, коего въ обращеніи не было. Желая положить конецъ такой убыточной для народа неурядицѣ, слѣдовало сообразоваться съ тѣмъ что существовало на самомъ дѣлѣ, а не съ тѣмъ что должно бы существовать, сообразоваться съ понятіями и съ привычками народа; слѣдовало бы, однимъ словомъ, называть и признавать рублемъ то что было рублемъ, а не извѣстную серебряную монету (прежній рубль), которую народъ признавалъ 3-мя рублями съ половиною или 4-мя рублями.

По видимому Г. Канкринъ хотѣлъ сохранить какую-то пристойность: онъ не рѣшился просто сказать, что ассигнаціи упали въ курсѣ противъ серебра. Этотъ упадокъ онъ назвалъ „различными перемѣнами въ курсѣ.“ Но онъ не могъ скрыть сущности вопроса, и тѣмъ самымъ, что онъ опредѣлилъ отношеніе бумажекъ къ серебру какъ $3^1/_2$ къ 1, онъ ясно призналъ чрезмѣрность въ количествѣ выпущенныхъ ассигнацій.

Такое признаніе новою монетною единицею трехъ съ половиною старыхъ единицъ, долженствовало неизбѣжно быть сопряжено съ великими неудобствами. Цѣны всѣхъ предметовъ вообще долженствовали быть впредь изчисляемы и опредѣляемы на иныхъ основаніяхъ. Во-

зможно ли было предполагать, что такое изчисленіе и опредѣленіе новыхъ цѣнъ совершится безъ незаслуженныхъ прибылей для однихъ, безъ незаслуженныхъ убытковъ для другихъ? Дѣло это такъ трудно, что и по сію пору во многихъ мѣстахъ народъ продолжаетъ считать на ассигнаціонные рубли; во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ счеты ведутся въ двухъ видахъ: одни для крестьянъ на ассигнаціи; другіе для помѣщиковъ на серебро.

Главное же возраженіе противъ установленія новой единицы состоитъ въ томъ, что въ немъ не было совершенно никакой надобности. Нельзя же послѣ всего, придать какую либо серіозную значительность этой офиціальной фразѣ, что серебряный рубль остался рублемъ вопреки всѣмъ перемѣнамъ курса. Это похоже на какое то весьма неумѣстное шарлатанство, недостойное такого отличнаго министра, такого почтеннаго человѣка каковъ былъ Г. Канкринъ.

Существовавшее тогда ажіо требовало рѣшительныхъ мѣръ для отвращенія онаго. Но сей вопросъ не имѣлъ ничего общаго съ признаніемъ монетною единицею серебрянаго рубля. Къ сожалѣнію и въ этомъ вопросѣ усилія и попытки г. Канкрина были весьма неловки и противны здравому пониманію того основнаго правила политической экономіи, по коему цѣна вещей опредѣляется не чѣмъ инымъ какъ предложеніемъ и требованіемъ: г. Канкринъ возставалъ противъ мѣнялъ, обвиняя ихъ въ установленіи и въ увеличеніи лажа, какъ будто мѣнялы пользовались какою то монополіею, посредствомъ коей они могли, болѣе или менѣе, имѣть вліяніе на цѣну денегъ.

По обнародованіи сихъ преобразованій въ 1842 году, я написалъ нѣкоторыя замѣчанія на оныя, возставая особенно противъ новой монетной единицы, утверждая, что народъ къ ней никогда или весьма долго не привыкнетъ. Я ссылался, касательно подобныхъ перемѣнъ, на Францію, гдѣ новыя положенія о мѣрахъ и о вѣсѣ, узаконенныя за 40 лѣтъ, едва могли быть введены въ силу въ 30 годахъ. Даже и при окончательномъ введеніи сихъ узаконеній, многіе члены законодательныхъ палатъ требовали новой разсрочки: такъ трудно бороться съ привычками народными! Вмѣстѣ съ симъ я возставалъ также противъ мелкихъ кредитныхъ билетовъ. Мои замѣчанія дошли до г-на Канкрина. Г-нъ Канкринъ, не похожій въ семъ отношеніи на обыкновенныхъ нашихъ государственныхъ людей и министровъ, почитающихъ достойнымъ ихъ высокаго вниманія только то что̀ пишется въ ихъ канцеляріяхъ, г. Канкринъ прочелъ мои замѣчанія: не только прочелъ, но — въ чемъ, правду сказать, затруднились бы иные министры — написалъ на мои, свои собственныя замѣчанія. Къ сожалѣнію, противъ главнаго моего возраженія, относительно серебряной единицы, объясненія г. Канкрина были весьма слабы и состояли въ томъ, что по моему давнему отсутствію изъ Россіи, мнѣ не можетъ быть извѣстно сколь Россія теперь богата серебромъ и золотомъ; что сіе то богатство въ драгоцѣнныхъ металлахъ и есть причиною того, что всѣ финансовыя реформы основываются на звонкой монетѣ!!

Отвѣтъ на такое объясненіе не труденъ. Если Россія имѣла много серебра и золота, то ничто не мѣшало ей

вымѣнивать ассигнаціи и пускать въ обращеніе болѣе и болѣе серебра и золота, продолжая считать рублемъ то что народъ считалъ рублемъ. Всего же правильнѣе было бы, въ такомъ случаѣ, пустить въ обращеніе новый рубль серебряный, равный въ достоинствѣ тому что почиталось рублемъ, т. е. четвертаку, такъ какъ рубль серебромъ въ мелкой монетѣ, стоилъ тогда 4 рубля; этимъ было бы положено настоящее основаніе денежному обращенію и монетная единица осталась бы тѣмъ чѣмъ она была въ понятіи народномъ. Въ слѣдствіе свободнаго размѣна ассигнацій на серебро лажъ прекратился бы самъ собою.

Относительно возраженій моихъ противъ мелкихъ ассигнацій, г-нъ Канкринъ былъ со мною совершенно согласенъ, изъясняя, что выпускъ мелкихъ ассигнацій былъ опредѣленъ, противъ его мнѣнія, государственнымъ совѣтомъ. *)

Невыгоды проистекающія отъ принятія серебрянаго рубля за монетную единицу, съ продолженіемъ времени, не изчезли; и если въ началѣ сія перемѣна не была всѣми оцѣнена какъ слѣдовало, то теперь, кажется, всѣ болѣе или менѣе признаютъ пагубныя послѣдствія оной. Иные приписываютъ сей перемѣнѣ возвышеніе цѣнъ вообще, утверждая, что во многихъ случаяхъ продавцы продаютъ за серебряный рубль то что они прежде продавали за ассигнаціонный. Иные доказываютъ, что опредѣляя цѣну серебромъ по соразмѣрности съ ассигнаціями,

*) Замѣчанія мои на финансовую реформу 1842 года были въ

продавцы не во всей точности совершаютъ разсчетъ сей и причитаютъ въ свою пользу часто встрѣчающіяся въ сихъ разсчетахъ дроби. Такія мнѣнія и предположенія конечно вообще неосновательны. Между тѣмъ нельзя, кажется, не согласиться, что въ мелкой торговлѣ, въ мелкихъ платежахъ, покупщикъ платитъ иногда, считая на серебро, болѣе нежели сколько онъ заплатилъ бы считая на ассигнаціи. Это не бездѣлица. Такія несправедливыя передачи при мелочной покупкѣ, при мелочныхъ платахъ всякаго рода, повторяемыя ежедневно по всему пространству государства, могутъ достичь въ совокупности до цѣлыхъ милліоновъ, которые переходятъ такимъ образомъ совершенно неправильно изъ однѣхъ рукъ въ другія

Размышляя о семъ намъ невольно представляется вопросъ: нельзя ли помочь дѣлу? Нельзя ли возвратиться къ прежнему ассигнаціонному рублю? Для такой реформы нужно будетъ прежде всего опредѣлить настоящее, дѣйствительное достоинство ассигнаціоннаго рубля, который, твердо существуя въ понятіи народномъ, не существовалъ и не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Было время, когда четвертакъ представлялъ этотъ извѣстный народу рубль. Тогда было весьма легко сдѣлать новую монету, равную въ достоинствѣ своемъ четвертаку, назвать ее рублемъ и пустить въ обращеніе.

Возможно ли это и нынѣ? Отвѣчаетъ ли и теперь четвертакъ бумажному рублю?

Отношеніе серебрянаго рубля къ бумажному было опредѣлено правительствомъ въ 1842 году какъ 1 къ $3^1/_2$. Съ того времени сіе отношеніе измѣнилось, такъ какъ за

обмѣнъ ассигнацій на серебро надобно теперь платить промѣна до 10%. Такимъ образомъ серебряный рубль стоитъ теперь не 3 р. 50 к. но 3 р. 85 к. Можетъ быть онъ возвысился бы еще болѣе, а бумажки потеряли бы болѣе 10%, еслибы правительство не предпринимало различныхъ мѣръ къ поддержанію иностраннаго курса и тѣмъ самымъ къ поддержанію и курса ассигнацій внутри имперіи. *) Такимъ образомъ четвертакъ почти представляетъ и нынѣ тотъ ассигнаціонный рубль, который принимается еще многими за монетную единицу. Впрочемъ, не останавливаясь на четвертакѣ, нельзя ли сотворить новую монету, новый рубль, который вполнѣ соотвѣтствовалъ бы извѣстной бумажной единицѣ? Это конечно не невозможно; но потребовало бы такихъ разсчетовъ для опредѣленія содержанія сего новаго рубля къ нынѣшнему серебряному рублю, что исполненіе сдѣлалось бы почти несбыточнымъ.

И такъ не остается, по нашему мнѣнію, ничего иного, какъ ожидать той минуты, когда рубль серебряный возвысится, а билеты бумажные упадутъ до того, что четыре бумажные рубля будутъ стоить одинъ рубль серебромъ, такъ что четвертакъ будетъ опять настоящимъ

*) Корреспондентъ журнала: „Le Nord“ (9 Октября) замѣчаетъ: что многіе не одобряютъ сихъ мѣръ, полагая, что русскіе путешествующіе за границей и иностранцы, посылающіе туда деньги, почти одни только выигрываютъ отъ искуственнаго и принужденнаго повышенія курса; между тѣмъ какъ фабриканты и землевладѣльцы, кои отправляютъ свои произведенія за границу, рѣшительно терпятъ убытокъ. Корреспондентъ прибавляетъ, что такія искусственныя средства не могутъ поправить курса.

рублемъ. Тогда можно будетъ объявить четвертакъ рублемъ и пустить новую монету въ обращеніе, равную въ достоинствѣ своемъ четвертаку и признать эту монету, этотъ новый рубль, настоящею монетною единицею.

Тутъ возникаетъ вопросъ. Новый ассигнаціонный рубль будетъ составлять $^1/_4$ серебрянаго рубля. Но какъ должно будетъ изчислять всѣ суммы, нынѣ опредѣляемыя серебрянымъ рублемъ: въ 4 рубля или въ $3^1/_2$, какъ было постановлено въ 1842 году? Очевидно, что слѣдуетъ изчислять въ 4 р. ибо серебряный рубль будетъ стоить, по увеличенію лажа, не 3 р. 50 к. а 4 р. Это поведетъ къ великимъ затрудненіямъ со стороны тѣхъ, кои должны дѣлать уплаты суммъ въ серебряныхъ рубляхъ опредѣленныхъ. Они скажутъ, что несправедливо заставлять ихъ платить 4 р. за рубль, коего достоинство правительство опредѣлило въ 3 р. 50 к. Если же опредѣлить сей послѣдній курсъ, то возраженія возникнутъ со стороны тѣхъ, кои будутъ получать уплаты. Они и съ бо́льшимъ основаніемъ могутъ сказать, что получаютъ менѣе нежели сколько они ссудили. По строгой справедливости должно опредѣлить, что за серебряный рубль слѣдуетъ платить серебряный рубль: пусть тотъ, кто обязанъ платить серебряный рубль платитъ оный или такимъ же серебрянымъ рублемъ или другой монетою равною въ достоинствѣ. Эта иная монета будетъ не иная какъ четыре новыхъ рубля.

Минуты, о которой мы говоримъ, той минуты, въ которую рубль серебряный возвысится до 4-хъ рублей бумажныхъ, къ сожалѣнію, мы ожидать будемъ не долго.

Все намъ предвѣщаетъ, что бумажныя деньги будутъ впредь не возвышаться, а упадать. Воспользуемся, по крайней мѣрѣ, этою минутою, чтобы основать денежное обращеніе, хотя мало мальски на здравыхъ началахъ; употребимъ всѣ усилія дабы удержать бумажныя деньги отъ дальнѣйшаго упадка. Эти усилія будутъ нѣсколько облегчены, когда обращеніе будетъ имѣть яснымъ и для всѣхъ понятнымъ основаніемъ настоящую монетную единицу, новый рубль, признаваемый рублемъ не только въ народѣ, но и самимъ правительствомъ.

Скажутъ, конечно, что ассигнаціонный банкъ или банкъ государственный или казначейство признаетъ, такимъ образомъ, себя несостоятельнымъ на $^3/_4$ своего долга. Но эта несостоятельность существуетъ давно уже, съ самаго того времени, когда бумажныя деньги начали упадать и казна перестала размѣнивать ихъ на чистыя деньги. Эта несостоятельность была объявлена правительствомъ въ 1842 году, не смотря на „различныя измѣненія въ курсѣ,“ тѣмъ самымъ, что правительство опредѣлило достоинство серебрянаго рубля въ $3^1/_2$ раза выше рубля бумажнаго. Потери, сей несостоятельностію причиненныя, были дѣлаемы, въ продолженіе полувѣка, всѣмъ народомъ, чрезъ руки коего проходили ассигнаціи. Вознаградить сіи потери не только невозможно, но было бы несправедливо; ибо уплачивая ассигнаціи нынѣ по нарицательной ихъ цѣнѣ, т. е. рубль серебряный за рубль бумажный, вознагражденіе обратилось бы только въ пользу теперешнихъ владѣтелей ассигнацій, кои получили ихъ за низшую цѣнность; а не въ пользу всѣхъ тѣхъ, чрезъ

руки коихъ онѣ проходили и кои понесли, каждый въ свою очередь, постепенно совершавшіяся потери отъ пониженія достоинства ассигнацій. И такъ возраженіе на признаніе несостоятельности основанное, не имѣетъ никакой значительности. Если же захотятъ, какъ это обыкновенно бываетъ, плохое дѣло покрыть невиннымъ словомъ; то языкъ политическій представляетъ для сего особенное выраженіе, придуманное для покрытія всякаго рода грѣховъ правительственныхъ. Это будетъ просто: un fait accompli! По русски: что съ возу упало, то̀ пропало!

Упомянувъ о заграничномъ курсѣ, мы почитаемъ не излишнимъ представить здѣсь нѣкоторыя соображенія по сему предмету.

Наши министры финансовъ, обращая особенное вниманіе на заграничный курсъ, когда онъ понижался, принимали различныя мѣры къ поддержанію онаго. Такъ, занимаясь по службѣ кредитными дѣлами въ министерствѣ финансовъ, я нашелъ слѣды различныхъ биржевыхъ операцій, состоявшихъ то въ покупкѣ, то въ продажѣ векселей на биржѣ, дѣлаемыхъ посредствомъ придворнаго банкира. При малѣйшемъ изслѣдованіи я убѣдился, что сіи операціи совершенно ни къ чему не вели и самый вѣрный результатъ оныхъ былъ тотъ, что казна теряла ежегодно извѣстную, впрочемъ не весьма значительную, сумму денегъ. Если же поддерживая курсъ заграничный, правительство имѣло бы цѣлію поддержать вмѣстѣ и курсъ бумажныхъ денегъ внутри государства, то и тутъ настоящаго продолжительнаго успѣха ожидать было бы невоз-

можно. Всѣ спекуляціи сего рода, къ коимъ обыкновенно прибѣгаютъ биржевые спекулаторы, имѣютъ цѣлію возвысить или унизить курсъ какихъ бы то ни было кредитныхъ бумагъ только на извѣстное время, необходимое для совершенія спекуляціи. О постоянномъ, рѣшительномъ повышеніи или пониженіи они не помышляютъ и помышлять не могутъ; ибо такія искуственныя средства никогда не могутъ привести къ чему либо рѣшительному. Въ чемъ же можетъ состоять выгода для правительства, если оно успѣетъ возвысить или поддержать иностранный курсъ только на нѣкоторое время? Очевидно, что послѣ таковаго искуственнаго повышенія или поддержанія курса, онъ не приминетъ притти въ нормальное положеніе и неизбѣжная внезапность такого паденія увлечетъ его, можетъ быть, еще далѣе, нежели доколѣ увлекло бы его паденіе постепенное, силою вещей и обстоятельствъ вызываемое. Между тѣмъ подобныя операціи и спекуляціи совершаются не даромъ: онѣ всегда слишкомъ дороги, потому уже что безполезны.

Независимо отъ другихъ причинъ дѣйствующихъ на состояніе иностраннаго курса, конечно сей послѣдній зависитъ наиболѣе отъ курса бумажныхъ денегъ внутри государства. Разница между сими причинами состоитъ въ томъ, что первыя, какъ то количество привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ и пр. и пр. состоятъ въ явленіяхъ преходящихъ и измѣняющихся съ каждымъ годомъ; между тѣмъ какъ причины пониженія курса, въ чрезмѣрномъ количествѣ бумажныхъ денегъ состоящія, остаются постоянными доколѣ онѣ не будутъ отстранены. Въ семъ то

отстраненіи можно искать и найти самое дѣйствительное средство поправленія иностраннаго курса. Если ваши бумажныя деньги понизились уже внутри государства, то онѣ неминуемо должны понизиться при переводѣ за границу, т. е. при промѣнѣ на деньги иностранныя. Эта причина существуетъ независимо отъ всѣхъ иныхъ причинъ упадка. Что русскія бумажныя деньги понизились въ своемъ курсѣ внутри государства, это доказывается лажемъ, который въ Россіи платится за серебро. Если за размѣнъ рублевой бумажки на серебро вы платите 5 или 10 копѣекъ, то высылая такой же рубль за границу, вы высылаете не 100, а 95 или 90 копѣекъ и не можете ожидать, чтобы иностранецъ платилъ вамъ за сей рубль 100 копѣекъ.

Мы видимъ, что въ наши времена всѣ государства прибѣгаютъ къ кредиту, къ займамъ. Прежде государства дѣлали займы почти изключительно для войны. Теперь они занимаютъ, сверхъ того, для производства различныхъ работъ: для желѣзныхъ дорогъ и пр. и пр. Иногда, независимо отъ войны, независимо отъ государственныхъ работъ, государство можетъ имѣть нужду въ займѣ, приступая къ различнымъ внутреннимъ преобразованіямъ. Россія находится именно въ семъ послѣднемъ положеніи. Для Россіи нужны займы и для приведенія въ надлежащее устройство своихъ финансовъ, и для содѣйствія скорѣйшему освобожденію крестьянъ съ землею. Эти нужды настоятельны и прежде всего слѣдуетъ имъ удовлетворить.

Прежде государственные займы вообще могли быть дѣлаемы на условіяхъ болѣе выгодныхъ, нежели теперь. Въ наше время, когда прибыль или дивиденды отъ различныхъ промышленныхъ предпріятій представляютъ гораздо высшій процентъ нежели бумаги государственныя, когда особенно самые займы государственные такъ усилились на денежномъ европейскомъ рынкѣ, естественно, что за занимаемыя капиталы надлежитъ платить болѣе нежели прежде.

Русское правительство, въ царствованіе Александра I, довольно легко заключило первые свои займы; но нельзя сказать, чтобы сіи займы обошлись дешево для Россіи. Съ уменшеніемъ капитала пяти процентный платежъ дѣлался просто шести процентнымъ и. т. д. Сверхъ того русское правительство обязалось никогда не уменшать процентовъ. Это условіе было, въ тогдашнее время, весьма важно для заимодавцевъ, такъ какъ вездѣ правительства уменшали тогда проценты по долгамъ, въ военное время сдѣланнымъ. По сей то особенно причинѣ русскіе фонды сохраняли на лондонскомъ рынкѣ столь высокій курсъ. Впрочемъ могущество и слава, пріобрѣтенныя Россіею въ царствованіе Александра I-го, конечно содѣйствовали и кредиту ея въ Европѣ.

Стоимость денегъ опредѣляется тѣми же обстоятельствами какими опредѣляется стоимость всѣхъ вещей вообще, т. е. предложеніемъ и требованіемъ. Теперь требуется болѣе займовъ нежели прежде; слѣдственно и стоимость ихъ возвышается. Но сего не довольно. Когда требованіе превосходитъ предложеніе, то предлагающіе

не довольствуются возвышеніемъ цѣны за товаръ отъ нихъ требуемый: они хотятъ знать, съ большею точностію, положеніе того, кому они ввѣряютъ свои капиталы. Если состоятельность должника не является для нихъ вполнѣ удовлетворительною, то они, или вовсе отказываютъ въ ссудѣ, или ссужаютъ за такіе проценты, коихъ значительная часть служитъ для нихъ какъ бы застрахованіемъ, соразмѣрнымъ тѣмъ опасностямъ, коимъ они подвергаются ссужая деньги. Такимъ образомъ самыя несостоятельныя государства находятъ иногда возможность занимать большія суммы на иностранныхъ рынкахъ. Но что стоятъ имъ такіе займы? Мы видѣли недавно, что Турція сдѣлала заемъ во Франціи. Она заняла 400 мил. но должна была получить только 200 мил. Заимодавецъ — банкиръ, попавшійся между тѣмъ подъ судъ, доказывалъ предъ судьями, что онъ отъ сего займа ожидалъ для себя вѣрной прибыли не менѣе 80 мил. франк. Съ такими займами никакое государство долго прожить не можетъ.

Имѣя или предвидя нужду въ займѣ, всякое правительство должно, по возможности, приготовить всѣ пути, кои могли бы облегчить совершеніе займа; и такъ какъ заимодавцы должны знать степень состоятельности заемщика, то правительство не можетъ и, въ собственныхъ своихъ выгодахъ, не должно скрывать настоящаго положенія своихъ финансовъ. Гласность, въ семъ случаѣ, столь же полезна, и еще болѣе необходима, какъ въ судопроизводствѣ. Такимъ образомъ всякое правительство обязано дѣлать всенародно извѣстною роспись своихъ дохо-

довъ и расходовъ (буджетъ.) Въ противномъ случаѣ, не зная истиннаго положенія финансовъ государственныхъ, капиталисты, готовые ссудить свои капиталы и не зная чѣмъ именно ихъ капиталы могутъ быть обеспечены, естественно будутъ требовать высшихъ процентовъ, дѣлая всегда предположенія болѣе невыгодныя нежели выгодныя относительно финансоваго состоянія государства, открывающаго заемъ.

Въ Россіи, по сію пору, гласность въ дѣлахъ финансовыхъ была весьма недостаточна. Между тѣмъ, недавно, иностранные журналы сдѣлали извѣстною роспись доходовъ и расходовъ за 1859 и 1860 годы. И первымъ замѣчаніемъ сихъ иностранныхъ журналовъ было, что русскія финансы совсѣмъ не въ такомъ плохомъ состояніи, какъ они воображали.

Если гласность по дѣламъ финансовымъ полезна и даже необходима для займовъ государственныхъ, то она не менѣе полезна и въ другихъ финансовыхъ отношеніяхъ. Самая простая справедливость, впрочемъ, требуетъ сей гласности: тѣ кои платятъ, должны, по крайней мѣрѣ, знать, какъ платимыя ими деньги издерживаются.

При заключеніи займовъ мы обыкновенно видимъ, что правительства понижаютъ цифру получаемой ими суммы на нѣсколько процентовъ въ сравненіи съ тою, которая записывается въ долговую книгу. Записывая какъ долгъ сто фунтовъ, франковъ или рублей, онѣ дѣйствительно получаютъ только 90, 80, или 70, смотря по условіямъ займа.

Такъ какъ всякаго рода фонды всегда имѣютъ извѣстное стремленіе къ достиженію пари, т. е. курса 100, то пониженіе цифры займа можетъ служить приманкою къ покупкѣ фондовъ и, по сему, споспѣшествовать совершенію займа. Съ нѣкотораго времени вошло въ обычай соединять съ займами лоттереи, предопредѣляя на сіе одинъ изъ условленныхъ по займу процентовъ. Такіе займы выходятъ изъ сферы настоящихъ финансовыхъ операцій и относятся къ иному роду дѣйствій правительственныхъ.

Обыкновеніе записывать, какъ долгъ, высшую сумму противъ той, которую правительство дѣйствительно получаетъ, происходитъ отъ того, что такимъ образомъ правительство, увеличивая капиталъ долга, платитъ менѣе процентовъ. Если, напримѣръ, обыкновенно капиталы ссужаютъ по 5%, то правительство, желая сдѣлать заемъ, должно также платить 5%. Но оно предполагаетъ платить только 4% и для сего, получая только 80 р. оно записываемъ въ долгъ 100 и платитъ 4% за сіи сто рублей, между тѣмъ какъ заимодавецъ получаетъ за ссуженныя имъ суммы 5%.

Сему обыкновенію: увеличивать капиталы и уменшать проценты слѣдуютъ вообще всѣ правительства. Между тѣмъ опытъ доказываетъ, что оно убыточно для правительствъ.

Въ продолженіе послѣдней войны, Англія весьма часто прибѣгала къ займамъ и долгъ ея достигъ до необычайныхъ размѣровъ. Во время войны капиталы или деньги были вообще дороги. Деньги ссужались по край-

ней мѣрѣ по 6%. Англійское правительство, желая сколь возможно уменшить суммы, назначаемыя для платежа процентовъ, понижало проценты до $4^1/_2$ и до 4; но должно было за то увеличивать капиталъ. Въ слѣдствіе сего оно занимало по 60 илу 70 и записывало въ долгъ 100. По возстановленіи мира, деньги стали дешевле: вмѣсто 6 или 5% правительство могло занимать по 4, по $3^1/_2$ и наконецъ по 3%. Тогда оно понижало проценты по сдѣланнымъ прежде займамъ и уменшало ихъ соотвѣтственно пониженію цѣны денегъ. Такимъ образомъ правительство значительно уменшило сумму платимыхъ имъ ежегодно процентовъ; но записанный въ государственную долговую книгу капиталъ остался неуменшеннымъ. Тогда увидѣли и разсчислили, что было бы гораздо выгоднѣе, платя за занимаемыя деньги то чего онѣ дѣйствительно стоили т. е. 6%, записывать въ долгъ только тѣ суммы, кои правительство дѣйствительно получило. Платежь высокихъ процентовъ въ продолженіе войны, прекратился бы по возстановленіи мира; а долгъ государственный былъ бы менѣе, можетъ быть, $^1/_5$ всей теперешней суммы. Подробные разсчеты доказали, что заплативъ нѣсколько милліоновъ болѣе въ видѣ процентовъ, правительство выиграло бы или не потеряло бы, гораздо болѣе милліоновъ увеличеніемъ долга.

Уменшеніе процентовъ и увеличеніе капитала представляетъ также явную невыгоду тогда когда правительство исполняетъ данное имъ обѣщаніе относительно погашенія долговъ. Тамъ гдѣ правительство держится системы погашенія, призаклю ченіи займа оно предопредѣляетъ

особенный лишній процентъ для сей цѣли. Капиталъ погашенія предназначается на покупку кредитныхъ бумагъ или фондовъ на биржѣ. Рѣдко случается, чтобы правительство могло выкупать свои кредитныя бумаги ниже того курса, по коему былъ сдѣланъ заемъ. Таковое пониженіе курса государственныхъ бумагъ означало бы весьма плохое состояніе государственныхъ финансовъ; а въ такомъ состояніи нельзя ожидать, чтобы правительство издерживало значительныя суммы на погашеніе. Обыкновенно погашеніе совершается въ противоположныхъ обстоятельствахъ, т. е. тогда когда курсъ фондовъ значительно превышаетъ тотъ курсъ, по коему былъ сдѣланъ заемъ. Изъ сего слѣдуетъ, что правительство занявъ, напримѣръ, по 60, выкупаетъ по 70 и 80. т. е. занявъ 60, оно платитъ 80. Французское правительство, въ продолженіе многихъ лѣтъ, совершало таковое убыточное погашеніе государственныхъ долговъ, оставаясь вѣрнымъ данному слову при совершеніи займовъ. Но наконецъ 5-ти процентный долгъ превысилъ пари. Правительство, выкупавшее по сію пору за 100 то что̀ принесло ему только 60 и 70, не хотѣло итти далѣе: состоялся законъ, по коему постановлялось, что фонды превышающіе пари, не будутъ впредь подлежать погашенію. Это не помѣшало 5-ти процентному долгу достичь до курса 125, такъ какъ камера перовъ, справедливо основываясь на коренныхъ законахъ по сему предмету, нѣсколько разъ отвергала предложенія министровъ уменшить пять процентовъ на четыре или на четыре съ половиною. Въ Англіи эти уменшенія были законны. Во Франціи законъ, основавъ платимую ренту по государст-

веннымъ бумагамъ на процентахъ, а не на капиталѣ, очевидно не допускалъ никакого произвольнаго уменшенія процентовъ.

Система погашенія долговъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, была какимъ то очаровательнымъ призракомъ для всѣхъ финансовыхъ головъ въ Европѣ. Изобрѣтенная въ Англіи, она была приложена на опытѣ славнымъ министромъ Питтомъ. Восхищенные утонченными разсчетами, и изчисленіями — бумага все терпитъ! — многіе добрые люди дошли до какого-то убѣжденія, что каждый долгъ уплачивается самъ собою! „Прибавьте одинъ, только одинъ процентъ къ платимымъ по займу процентамъ, и въ 30, въ 40 лѣтъ, сдѣланный вами долгъ изчезнетъ самъ собою.“ Разсчеты были вѣрны и самая мѣра постепенной уплаты долга справедлива и благоразумна. Но бѣда была въ томъ, что по мѣрѣ какъ правительство погашало долгъ одною рукою, оно дѣлало новые долги другою. Такимъ образомъ система погашенія долговъ ни къ чему болѣе не служила, какъ развѣ къ обманчивому облегченію дѣлать новые долги. Неумолимая логика, опытъ открылъ наконецъ глаза и правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей. Англія торжественно отказалась отъ системы погашенія и было признано и постановлено закономъ, что единственно здраваго и настоящаго погашенія государственнаго долга надлежитъ ожидать и искать только въ бережливости, въ превосходствѣ суммы доходовъ противъ суммы расходовъ. Съ того времени правительство постоянно употребляетъ на погашеніе только сбереженныя суммы отъ государственныхъ издержекъ. Одинъ изъ членовъ министер-

ства Питта, Лордъ Гренвиль, дожилъ до времени, когда парламентъ отказался отъ системы погашенія. Онъ явился въ палатѣ перовъ и въ весьма замѣчательной рѣчи объявилъ, что и онъ наконецъ разочаровался и принужденъ отказаться отъ мечты прежнихъ своихъ вѣрованій.

Во Франціи система погашенія была отстранена иначе. Съ 1848 года доходъ, опредѣленный для погашенія государственнаго долга, былъ просто присоединенъ къ прочимъ доходамъ государственнымъ. Такая конфискація положила конецъ погашенію. Между тѣмъ однакоже эта мѣра не почитается рѣшительною, и года за два предъ симъ французское правительство опять предназначило часть конфискованныхъ доходовъ на погашеніе.

Не смотря на явную несостоятельность системы погашенія, мы не можемъ осудить ее совершенно и рѣшительно. Заботясь о погашеніи, правительства по крайней мѣрѣ показываютъ, что онѣ помышляютъ о необходимости платить то что онѣ занимаютъ. Это своего рода memento mori! не безполезно въ наши времена, когда мы видимъ съ какою безпечностію различныя правительства умножаютъ долги свои, какъ будто не предвидя, что рано или поздно надобно ихъ заплатить. Не говоря о нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателяхъ, мы видѣли какъ люди опытные по части финансовъ, банкиры и даже министры финансовъ, напримѣръ г-нъ Лафиттъ, доказывали, что правительства не должны ни мало заботиться о капиталѣ государственнаго долга, но только о платимыхъ ежегодно процентахъ, и что онѣ должны стараться уменшать безпрестанно проценты посредствомъ безпрестаннаго возвышенія капитала и пр.

и пр. Справедливо было сказано, что нѣтъ безсмыслицы, которой не защищали бы когда либо весьма неглупые люди.

Говоря о финансахъ мы не можемъ не замѣтить, что вездѣ собираніе доходовъ государственныхъ причиняетъ значительныя издержки. Независимо отъ различныхъ родовъ налоговъ, изъ коихъ одни необходимо требуютъ большихъ издержекъ въ собираніи, другіе же допускаютъ издержки гораздо болѣе ограниченныя, многое зависитъ въ семъ случаѣ отъ устройства сей важной части государственнаго управленія. Цѣль сего устройства должна быть та, чтобы суммы платимыя народомъ поступали со сколь возможно меньшими потерями въ государственную казну. Сіи то именно потери и составляютъ расходы для взиманія налоговъ. Смотря съ сей точки зрѣнія на налоги, подати, всякаго рода издержки, расходы и пожертвованія, выходящія изъ народнаго кармана, и сравнивая сумму всѣхъ сихъ платежей съ суммою, входящею въ государственное казначейство, мы найдемъ, что превосходство первой въ сравненіи съ послѣднею, въ Россіи, должно быть несравненно выше, нежели въ какомъ либо европейскомъ государствѣ. Причина ясна. Въ другихъ земляхъ сумма всѣхъ народныхъ платежей, если превосходитъ сумму поступающую въ казну, то это въ извѣстной умѣренной степени, опредѣляемой жалованьемъ и содержаніемъ собирателей налоговъ, между тѣмъ какъ въ Россіи, къ сей послѣдней, присоединяется безчисленное

множество различныхъ поборовъ, которые идутъ отъ народа не въ казну, а въ карманъ чиновниковъ. Мы знали одну губернію, въ которой удѣльный начальникъ весьма порядочно управлялъ крестьянами, не притѣснялъ ихъ, напротивъ всегда защищалъ отъ земскаго начальства. Крестьяне любили его и называли отцомъ своимъ. Но за это покровительство они платили ему ровно столько же сколько они платили налоговъ казнѣ или удѣльному вѣдомству. Повторяю, крестьяне были довольны этимъ господиномъ. Съ другой стороны я знаю также губернію, гдѣ государственные крестьяне пять разъ заплатили однѣ и тѣже подати и недоимки. Изъ сего слѣдуетъ, что при порядочномъ общемъ управленіи, основанномъ не на произволѣ, а на законахъ, на сознаніи законности, правительство могло бы, не отягощая народъ, а сокративъ только необузданное взяточничество, увеличить, въ сильной степени, доходы государственные.

IX.

Разсуждая о дѣлахъ Россіи, объ обстоятельствахъ, въ коихъ она теперь находится, о преобразованіяхъ, коихъ требуютъ сіи обстоятельства, мы говорили о цензурѣ, о судахъ, о судопроизводствѣ, объ управленіи, особенно объ управленіи крестьянъ, о финансахъ. Можемъ ли мы оставить въ сторонѣ, пройти молчаніемъ нѣкоторыя обстоятельства, до устройства военной части касающіяся? Устремляя

вниманіе наше на русскій народъ вообще, на его положеніе, его участь, можемъ ли мы не указать на участь русскаго солдата, котораго мы любимъ и уважаемъ столько же какъ и русскаго мужика и о которомъ соболѣзнуемъ, если это возможно, еще болѣе нежели о семъ послѣднемъ?

Положеніе солдата, во всякомъ обществѣ, есть положеніе изключительное. Для пользы всѣхъ общество налагаетъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ обязанность военной службы. Общество должно быть охраняемо, защищаемо. Это охраненіе, эту защиту оно ввѣряетъ войску. Но возлагая столь великій, столь почетный долгъ на войско, общество, по самой простой справедливости, обязано сдѣлать для солдата исполненіе его долга сколь возможно менѣе тягостнымъ. Армія необходима для государства; но не менѣе необходима и справедливость, требующая, чтобы сія армія была содержана приличнымъ и достойнымъ ея предназначенія образомъ; чтобы потребности жизни солдата, чтобы самая жизнь его, чтобы его личное человѣческое достоинство, было обезпечено. Человѣкъ, сдѣлавшись солдатомъ, не престаетъ быть человѣкомъ. И солдатъ, подобно всякому человѣку, можетъ *ожидать* отъ людей любви христіанской; но человѣческаго уваженія онъ имѣетъ право *требовать*.

Къ несчастію, эта простая истина, что и солдатъ человѣкъ, какъ то затмѣвается въ понятіяхъ людей управляющихъ обществами, народами. Въ слѣдствіе различныхъ предразсудковъ и умствованій, они пришли къ неистовому заключенію, что солдатъ тѣмъ болѣе прибли-

жается къ совершенству, чѣмъ болѣе онъ дѣлается просто машиною. Положимъ, что требованія военной службы таковы, что войско, въ рукахъ полководца, должно быть иногда машиною, орудіемъ его дѣйствій, и что по сему предназначеніе арміи требуетъ особенныхъ правилъ для управленія ею, требуетъ, однимъ словомъ, военной дисциплины. Но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы солдатъ долженствовалъ быть и въ строю и въ казармѣ, на ученьѣ и на полѣ битвы какимъ то движущимся, но не мыслящимъ, не чувствующимъ существомъ. Впрочемъ и для машины нужно надлежащее стараніе для содержанія оной въ исправномъ видѣ; для строевой лошади нуженъ кормъ и присмотръ. Иначе ни машина, ни лошадь, не годны ни къ чему. Смотря на солдата даже какъ на простую машину, слѣдовало бы пещись о томъ, чтобы эта машина была въ сколь возможно исправномъ состояніи, чтобы она была надлежащимъ образомъ одѣта, накормлена.

Положимъ, что на полѣ битвы полководецъ не видитъ въ войскѣ, въ солдатахъ, ничего инаго, какъ дѣйствительную силу, которою онъ долженъ располагать въ сраженіи. Всѣ прочія соображенія, касательно опасности для жизни каждаго изъ солдатъ или всей арміи, до него недоступны. Онъ видитъ въ солдатѣ ружье и штыкъ, а не личность солдата. Въ такія минуты онъ можетъ воскликнуть, какъ воскликнулъ однажды Фридрихъ II къ своимъ гренадерамъ, отступившимъ отъ напора непріятеля и медлившимъ воротиться на новую атаку: Wollen denn die Canaillen ewig leben? Гораздо труднѣе понять слова Наполеона, хваставшагося своею силою и сказавшаго

Меттерниху, что онъ можетъ „издерживать 25 т. человѣкъ въ мѣсяцъ!“ Но и такое грустное презрѣніе къ жизни человѣческой не доказываетъ еще, чтобы жизнь и благосостояніе солдата въ отдѣльности подвергалось такой же небрежности и внѣ поля битвы.

Въ прежнія времена понятія о вооруженной силѣ были особенно грубы и уродливы. За то и арміи были тогда гораздо малочисленнѣе. Въ новѣйшія времена, если мы видимъ вообще болѣе образованности, то вмѣстѣ мы находимъ и болѣе солдатъ во всѣхъ государствахъ. Въ слѣдствіе того или другаго, въ наши времена начали гораздо болѣе и пристальнѣе заботиться объ улучшеніи положенія солдатъ.

Признавая, что обязанность охранять и защищать отечество должна разпространяться на всѣхъ подданныхъ вообще, нѣкоторыя правительства подвергнули всѣ сословія безъ различія и вообще всѣхъ людей обязанности военной службы. Кромѣ требованій справедливости, въ сей мѣрѣ есть еще и та выгода, что всѣ сословія имѣютъ такимъ образомъ одинаковую выгоду въ томъ, чтобы положеніе солдата было, по возможности, освобождено отъ всѣхъ излишнихъ, безполезныхъ для службы тягостей и неудобствъ.

Изъ сей общей для всѣхъ обязанности нести военную повинность, проистекаетъ особенно та великая выгода, что время службы по большому числу призываемыхъ на сію службу, можетъ быть весьма значительно сокращено. Первый примѣръ такого сокращенія срока службы былъ поданъ Пруссіею, когда тамъ нѣкоторые разумные и

честные люди, подъ руководствомъ незабвеннаго Штейна, предприняли воздвигнуть падшее отечество ихъ къ прежнему величію. Срокъ службы былъ опредѣленъ въ 3 года. Обыкновенно онъ продолжается не болѣе 2-хъ лѣтъ. По выступленіи изъ арміи, каждый поступалъ въ Ландверъ и оставался въ ней до 35 лѣтъ возраста. Тогда каждый причислялся въ Ландштурмъ.

Во Франціи также люди всѣхъ сословій подвержены обязанности военный службы. Но не всѣ къ ней дѣйствительно призываются. Ежегодно только извѣстное число молодыхъ людей дѣйствительно вступаетъ въ армію прежде 80 т. нынѣ 100 т. Для сего всѣ тѣ, кои достигли 20-ти лѣтняго возраста подвергаются жребію. Первые номера жеребьемъ назначенные, наполняютъ опредѣленное число контингента или набора. Прочіе остаются дома и навсегда освобождаются отъ службы. Во Франціи, обыкновенно, когда нѣтъ войны, вступаетъ въ дѣйствительную службу не болѣе или немногимъ болѣе половины ежегоднаго набора. Вторая половина или треть остается дома, но можетъ всегда быть призвана на службу правительствомъ. Сія остающаяся въ домахъ своихъ часть набора, почиталась всегда запаснымъ войскомъ. Недавно французское правительство предприняло дать сему запасному войску нѣкоторое военное образованіе, подвергнувъ запасныхъ солдатъ военной экзерциціи въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ въ первый годъ, двухъ мѣсяцевъ во второй и одного мѣсяца въ третій; послѣ чего они остаются спокойными въ домахъ своихъ до окончанія служебнаго срока, если впрочемъ не потребуются въ дѣй-

ствующую армію. *) Посредствомъ такого распоряженія правительство можетъ оставлять дома большее число призываемыхъ на службу, нежели какъ это дѣлалось прежде и вмѣстѣ съ симъ имѣть всегда значительное число людей, готовыхъ вступить въ дѣйствующее войско.

По сему самому, что не всѣ подлежащіе службѣ военной призываются къ оной, во Франціи срокъ службы гораздо долѣе нежели въ Пруссіи. Во Франціи солдатъ обязанъ служить 7 лѣтъ. Такъ какъ срокъ считается съ

---

*) Молодые солдаты, составляющіе запасное войско, разпредѣляются по различнымъ полкамъ, разположеннымъ въ близости ихъ мѣстъ жительства. Въ сихъ полкахъ они составляютъ особенный разрядъ, какъ бы временно откомандированный отрядъ къ полку; имѣютъ свою особую артель и обучаются полковыми унтеръ-офицерами. Эти молодые люди, зная, что срокъ ихъ службы составляетъ на первый годъ только три мѣсяца, оказываютъ въ своемъ обученіи великое стараніе, опасаясь, что срокъ продолжится далѣе, если обученіе будетъ неудовлетворительно, хотя законъ таковой угрозы ни мало не дѣлаетъ. Видя успѣхъ сей мѣры, нѣкоторые полагаютъ, что лучше будетъ освободить молодыхъ людей отъ двухъ мѣсячнаго ученія во второй годъ, и продолжить срокъ ученія въ третій годъ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ въ четвертый годъ службы солдаты, получивъ 6-ти мѣсячное образованіе, будутъ совершенно годны ко вступленію въ дѣйствующую армію. Во Франціи существуетъ также обыкновеніе: послѣ 2 годовъ службы, въ мирное время, отпускать нѣкоторыхъ солдатъ въ домовой отпускъ. Сіе дѣлается для тѣхъ солдатъ, кои, по свидѣтельству меровъ ихъ общинъ или коммунъ, могутъ быть особенно полезны для семействъ своихъ работою и пр. Это обыкновеніе дозволяетъ правительству дѣлать значительныя сбереженія въ издержкахъ по арміи; ибо солдаты во время отпуска не причиняютъ казнѣ никакихъ расходовъ.

самаго призванія къ службѣ, и такъ какъ обыкновенно солдаты отпускаются во свояси въ теченіе и иногда въ началѣ послѣдняго седьмаго года, то выходитъ, что дѣйствительная служба французскаго солдата никогда не превосходитъ 6-ти лѣтъ. Во время войны случается, однакоже, что солдаты прослуживаютъ всѣ 7 лѣтъ.

Многіе находятъ, что двухъ или трехъ лѣтняго срока службы недостаточно дабы образовать во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительную армію. Во Франціи нѣкоторые военные люди находили, что даже и 7-ми лѣтъ для сего недостаточно. Въ царствованіе Лудовика Филиппа было объ этомъ много разсуждаемо. Но, по свидѣтельству и по доводамъ самыхъ опытныхъ генераловъ, было наконецъ признано, что 7-ми лѣтъ весьма достаточно для самаго успѣшнаго образованія арміи.

Прусская армія, въ 1813, 14 и 15 годахъ вполнѣ доказала, что молодые солдаты, одушевляемые любовію къ отечеству и надлежащимъ образомъ предводительствуемые, соотвѣтствуютъ всему, чего только возможно требовать и ожидать отъ самой лучшей арміи. Не смотря на сіе вопросъ остается не рѣшеннымъ и во мнѣніи многихъ людей кроется опасеніе, что при первой встрѣчѣ армій прусской и французской, различіе въ срокѣ военной службы выразится невыгодно для первой. Мы весьма охотно предпочтемъ оставаться на сей счетъ въ неизвѣстности, уже и потому что намъ не хотѣлось бы убѣдиться, что 7 лѣтній срокъ лучше 3-хъ лѣтняго.

Мы замѣтили выше, что всеобщая обязанность службы заставляетъ всѣ сословія въ государствѣ заботиться о

возможномъ улучшеніи участи солдатъ. Неоспоримое доказательство сему мы видимъ на самомъ опытѣ. Въ Пруссіи и въ другихъ германскихъ земляхъ, равно какъ и во Франціи, участь солдата облегчена и обеспечена такъ что, какъ это особенно во Франціи, едва ли можно что либо прибавить къ этимъ обеспеченіямъ и облегченіямъ. Во Франціи, съ самаго возстановленія мира въ 1815 году, и особенно въ царствованіе Лудовика Филиппа весьма разумное и дѣятельное вниманіе правительства было устремлено на улучшеніе какъ арміи вообще, такъ и участи солдата въ особенности. Слѣдуя за различными мѣрами, предпринимаемыми для сего правительствомъ, можно замѣтить, что каждый министръ военный какъ бы искалъ ознаменовать свое министерское управленіе какою либо мѣрою, выгодною для солдата. Не только матеріальный бытъ солдатъ былъ непремѣнною заботою военнаго начальства, но и нравственное образованіе не было никогда забываемо. Множество молодыхъ людей, вступавшихъ въ службу не зная грамоты, возвращались въ дома свои умѣя и читать и писать, получивъ иногда и болѣе обширное образованіе въ полковыхъ школахъ. *)

Что теперь можемъ мы сказать о русской арміи? Какова участь русскаго солдата?

---

*) Относительно продовольствія солдатъ въ иностранныхъ войскахъ, мы приведемъ слѣдующее извѣстіе, сообщенное журналу „Le Nord“ его корреспондентомъ изъ Турина. Этотъ корреспондентъ желалъ видѣть недавно устроенный лагерь Св. Маврикія, въ которомъ собираютъ всѣхъ бѣглыхъ и мародеровъ бывшей неаполитанской арміи, изъ коихъ иные прошли даже чрезъ разбойничьи шайки, опустошающія теперь южную часть Италіи. Гене-

Мы вполнѣ знаемъ, что многочисленность русской арміи и недостаточность нашихъ финансовъ, не позволяютъ, въ отношеніи къ солдатскому жалованью и продовольствію, сдѣлать въ Россіи того же, что сдѣлано для солдатъ во Франціи, въ Пруссіи и пр. Но мы только спросимъ: оказали ли русскіе военные министры ту заботу, то попеченіе о благѣ солдатъ, которую оказали и оказываютъ министры французскіе, прусскіе и. т. д.? Гдѣ слѣды, гдѣ доказательства такого попеченія? Чтобы выразить многое однимъ словомъ, мы скажемъ, что русскіе военные министры не знаютъ какова смертность въ русской арміи. А если они эту смертность знаютъ во всей точности, то они ея не открываютъ, что́ еще болѣе противъ нихъ и ихъ управленія арміею свидѣтельствуетъ. Сколько солдатъ ежегодно умираетъ изъ 100, изъ 1000? Ни одинъ министръ этого никогда не сказалъ Россіи. Крестьяне и другія податныя состоянія ставятъ рекрутъ

ралъ, начальствующій въ лагерѣ, разсказывалъ корреспонденту, что каждый солдатъ получаетъ въ день 250 граммъ (полфунта) мяса, полтора фунта хлѣба и стаканъ вина. Супъ ихъ варится или съ сорочинскимъ пшеномъ или съ макаронами. Такъ содержатся солдаты въ командахъ, во многомъ похожихъ на арестантскія роты! Пусть вспомнятъ, послѣ сего, какъ содержатся наши бѣдные солдаты. Одна изъ брошюръ Шедо Феротти, равно замѣчательная знаніемъ дѣла, умѣренностію и добросовѣстностію, описывая положеніе русскихъ солдатъ, упоминаетъ между прочимъ о тѣхъ солдатахъ внутренней стражи, кои сопровождаютъ колодниковъ. Деньги, отпускаемыя имъ на продовольствіе, совершенно недостаточны, 3 или 4 копѣйки, если не ошибаемся. Обуви для сихъ солдатъ, кои безпрестанно въ ходьбѣ, не дается болѣе противъ солдатъ въ строю; такъ что эти труженики, для сбереженія обуви, ходятъ по дорогамъ босикомъ и надѣваютъ сапоги только проходя чрезъ города!!

тысячами, сотнями тысячь, и поставивъ, прощаются съ ними на вѣки. Много ли возвращалось домой изъ солдатъ при прежнемъ 25 лѣтнемъ срокѣ? Я помню, что пріѣхавъ около 20хъ годовъ въ наше имѣніе, въ которомъ было душъ 600, я нашелъ 9 человѣкъ старыхъ отставныхъ солдатъ возвратившихся во свояси послѣ 25 лѣтней службы. Между тѣмъ въ 25 лѣтъ, это имѣніе, считая по 3 рекрута ежегодно, должно было поставить 75 человѣкъ, а считая милицію, ополченіе, вѣроятно, гораздо болѣе 100. Остальные, конечно, умерли на службѣ. Разговаривая около того же времени съ гвардейскими офицерами, я слышалъ, что въ тогдашніе гвардейскіе полки поступало ежегодно по крайней мѣрѣ 200 солдатъ изъ арміи. Изключая выходившихъ въ отставку, по разсчету оказывалось, что смертность въ гвардіи составляла не менѣе 8 со ста, а можетъ быть даже и 10%. Что значитъ этотъ процентъ въ мирное время? Это значитъ, что такая смертность въ четверо или въ пятеро сильнѣе обыкновенной смертности во французской арміи, и при томъ въ полкахъ гвардейскихъ, въ кои вступали лучшіе солдаты изъ арміи, уже свыкнувшіеся съ трудностями солдатской жизни. Когда во Франціи, въ царствованіе Лудовика Филиппа, одинъ ученый, посланный въ Алжиръ академіею, открылъ и обнародовалъ, что во время существовавшихъ тогда повальныхъ болѣзней въ Африкѣ, смертность солдатъ достигла до 10%, то вся Франція содрогнулась и правительство приняло самыя строгія, рѣшительныя мѣры для прекращенія такого зла и во многомъ успѣло. Обыкновенная смертность во французской

арміи не превышаетъ 2 и много 3хъ со ста. А у насъ? Я истинно боюсь высказать что̀ я узналъ случайно. Но дѣло слишкомъ важно, чтобы молчать. Если дошедшее до меня свѣденіе несправедливо, то пусть его опровергнутъ. Вотъ что̀ я слышалъ: Въ министерствѣ военномъ былъ однажды сдѣланъ счетъ войскамъ, какъ полкамъ, такъ и рекрутскимъ командамъ, отправляемымъ въ царство польское въ продолженіе одного года съ половиною. Оказалось, что за изключеніемъ вышедшихъ въ отставку или въ отпускъ, число наличныхъ солдатъ уменшилось на половину! Это по крайней мѣрѣ 40% въ продолженіе 18 мѣсяцевъ. Это ужасно! Но если мы вспомнимъ какъ тянется жизнь русскаго солдата, то мы не удивимся, что она прекращается такъ скоро.

Нѣкоторые долго служившіе на Кавказѣ офицеры полагаютъ, что если бы тамошняя армія не была возобновляема, то по истеченіи 7 лѣтъ не осталось бы тамъ ни одного солдата.

Въ гражданской жизни смертность, въ Россіи, также весьма велика: она почти вдвое сильнѣе нежели въ Англіи, Франціи, *) Германіи. Но, независимо отъ другихъ причинъ, одно почти повсемѣстное отсутствіе въ нашихъ деревняхъ всякой медицинской помощи, частію изъясняетъ усиленіе смертности; между тѣмъ какъ въ арміи вездѣ находятся лекаря и лекарства.

Благотворное сокращеніе срока солдатской службы

---

*) Въ Россіи умираетъ 1 изъ 27 или 28 человѣкъ, въ Англіи 1 изъ 45, во Франціи 1 изъ 42.

съ 25 лѣтъ на 10 конечно должно умѣрить смертность въ арміи. Но и въ продолженіе сихъ 10 лѣтъ, въ какихъ обстоятельствахъ находится русскій солдатъ? Чѣмъ и какъ онъ питается? Какъ онъ одѣтъ? Какъ съ нимъ обходятся? И особенно, и паче всего, какой дисциплинѣ онъ подверженъ? Скажутъ: „Многое перемѣнено къ лучшему. Нельзя вдругъ всего сдѣлать.“ Такъ, конечно. Мы не споримъ, что многое улучшено. Но еще болѣе, и гораздо, несравненно болѣе остается еще сдѣлать и каждый напрасно потерянный часъ въ предпріятіи перемѣны, есть грѣхъ противъ человѣчества. Для того, чтобы сдѣлать что нибудь истинно здраваго и полезнаго, надлежитъ перемѣнить существующее понятіе о солдатѣ, о его призваніи. По сію пору у насъ смотрѣли на солдата какъ на человѣка, навсегда предоставленнаго въ полное распоряженіе правительства. Отъ того, внѣ арміи, во всѣхъ мелкихъ должностяхъ употребляются солдаты. Сторожа во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ канцеляріяхъ, въ почтовомъ вѣдомствѣ, въ пожарныхъ командахъ, въ командахъ полицейскихъ, вездѣ солдаты. Какой то гофъмейстеръ или шталмейстеръ завелъ даже фабрику для придворныхъ каретъ, въ коей всѣ работники были солдаты. А одинъ министръ финансовъ дошелъ до того, что отправилъ при рекрутскомъ наборѣ, всѣхъ рекрутъ трехъ низовыхъ губерній въ Пермь и на границы Сибири, гдѣ они были превращены въ работниковъ на казенныхъ заводахъ. Все это дѣлается „въ выгодахъ казны.“ Отстраняя несправедливость, нельзя не подивиться невѣжеству людей дѣлающихъ такіе разсчеты: какъ будто че-

ловѣкъ, работая на свободѣ, не приноситъ никакой выгоды казнѣ! Все это очень похоже на разсужденіе одного кавалерійскаго офицера, который находилъ весьма естественнымъ, что въ полкахъ заботятся о лошадяхъ болѣе нежели о людяхъ, „потому что лошадей казна должна покупать, а людей она беретъ даромъ.“

Впрочемъ мы видимъ по журнальнымъ извѣстіямъ, что у насъ правительство обратило наконецъ вниманіе на сіи злоупотребленія и въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ начали нанимать служителей въ замѣну казенныхъ сторожей. Равномѣрно, сколько намъ извѣстно, у насъ обратили также вниманіе на постыдное обыкновеніе отдавать людей въ рекруты „въ видѣ наказанія.“ Какія понятія имѣли объ арміи тѣ, кои наполняли ее людьми, въ ихъ глазахъ, болѣе или менѣе преступными? Но, въ глазахъ людей добросовѣстныхъ, такое варварство не уменшало достоинства арміи, потому что большая часть такъ называемыхъ преступниковъ ни мало не были преступниками.

Когда рѣшительно хотятъ добра, то и у насъ умѣютъ его дѣлать: доказательствомъ сему служитъ скорое и рѣшительное уничтоженіе кантонистовъ. Еще лучшимъ и полнѣйшимъ доказательствомъ служитъ наконецъ освобожденіе крестьянъ. Это преобразованіе было, конечно, самою трудною задачею для правительства. Чистая любовь къ добру, твердая воля совершить его, рѣшили эту задачу. Какія преобразованія могутъ показаться трудными, невозможными послѣ освобожденія крестьянъ? Но, къ сожалѣнію, правительство наше какъ будто устало со-

вершивъ великое и святое дѣло. Успѣхъ въ семъ дѣлѣ долженствовалъ бы, казалось, не утомить его, а дать ему новыя силы на дальнѣйшія преобразованія. Вмѣсто того мы видимъ, что и въ тѣхъ мѣрахъ, кои непосредственно должны истекать изъ освобожденія, правительство колеблется, по крайней мѣрѣ бездѣйствуетъ. Такъ мы недавно читали въ журналахъ, что мѣстное сибирское начальство представляло объ освобожденіи казенныхъ крестьянъ приписанныхъ къ заводамъ. Положеніе сихъ крестьянъ таково, что многіе изъ нихъ ищутъ попасть въ разрядъ ссыльныхъ, каторжныхъ работниковъ для улучшенія ихъ горькой участи. Но начальство петербургское рѣшило: погодить! и несчастные крестьяне продолжаютъ бѣдствовать вопреки разумной и доброй волѣ мѣстныхъ начальниковъ. *) Но обратимся къ солдатамъ.

Если положеніе финансовъ заставляетъ васъ скупиться въ отношеніи жалованья и продовольствія, то поскупитесь, по крайней мѣрѣ, и на розги! Но нѣтъ! тутъ мы встрѣчаемъ ужасное изобиліе. Мы читали въ журналахъ донесенія военныхъ командировъ объ отпускѣ суммъ и даже объ отводѣ *дачъ* для покупки или для рѣзанія розогъ для шпицрутеновъ! Издержки на это гнусное орудіе военной дисциплины должны быть значительны, если мы вспомнимъ, что удары считаются цѣлыми тысячами. Это искони такъ дѣлалось. Но прежде обреченную жертву забивали въ нѣсколько часовъ до смерти, продолжая ино-

*) Въ послѣдствіи, какъ я слышалъ, заводскіе крестьяне были наконецъ освобождены.

гда наказаніе уже на умершемъ до достиженія полнаго числа опредѣленныхъ приговоромъ ударовъ. Теперь несчастный получаетъ въ первый разъ только одну или двѣ тысячи ударовъ. Если лекарь скажетъ, что жизнь его въ опасности, то наказаніе откладывается до его выздоровленія, и повторяется такимъ образомъ два или три раза. Что это? Чувство человѣколюбія или точное исполненіе приговора, чтобы осужденный непремѣнно получилъ и *почувствовалъ* все число опредѣленныхъ ударовъ, безъ малѣйшаго уменшенія?

Извѣстный французскій писатель, Мишеле, разсказывая жизнь славнаго Костюшки въ одномъ журнальномъ фельетонѣ, почелъ нужнымъ сказать кое что о Россіи. Между его странныхъ разглагольствованій, мы прочли нѣсколько строкъ, кои насъ несказанно поразили и унизили. Въ публичныхъ баняхъ, говоритъ Мишеле, въ которыя ходятъ солдаты, можно видѣть, что почти всѣ изъ сихъ послѣднихъ носятъ на тѣлѣ слѣды полученныхъ ими розогъ, рубцы отъ розогъ. Каково, для русскаго, читать такіе разсказы въ чужестранныхъ журналахъ?

Прежде солдатъ наказывали палками. Теперь розги замѣняютъ палки. Гдѣ причина сей перемѣны? Что для солдата легче: палки или розги? Что скорѣе убиваетъ въ немъ жизнь и физическую и нравственную? Мы предоставимъ рѣшеніе сего вопроса тѣмъ мудрымъ филантропамъ, кои привели въ дѣйство сію важную государственную реформу. Замѣтимъ только, что солдатамъ, какъ сказываютъ, въ началѣ эта перемѣна сильно не понравилась: въ наказаніи розгами они видѣли какое то осо-

бенное униженіе. Это понятно. Одинъ прусскій сержантъ, въ то время какъ въ прусской арміи не были еще уничтожены палки, говорилъ мнѣ: „бить солдатъ палками — это военная мода, eine militärische Mode. И потому у насъ бьютъ солдатъ палками. Но бить солдатъ въ лице, какъ это дѣлается въ вашей арміи, это ни на что не похоже и мы не вынесли бы такого униженія.“ Тогдашній сержантъ, понимая палки, не понималъ кулаковъ. Для нынѣшняго прусскаго сержанта или солдата, и то и другое совершенно непостижимо. Бѣдный русскій солдатъ наученъ понимать и розги и побои. *)

Тяжкія наказанія за обыкновенныя уголовныя преступленія значительно смягчены противъ прежнихъ временъ. Въ старину писали въ приговорахъ: „бить кнутомъ нещадно,“ т. е. просто до смерти. Это было отмѣнено. Число ударовъ, въ послѣдствіи, опредѣлялось приговоромъ и доходило до 100. И это было перемѣнено: число ударовъ было уменшено значительнымъ образомъ. Наконецъ и самый кнутъ былъ отмѣненъ и приняты плети. Подобныхъ облегченій мы не видимъ въ нака-

---

*) Покойный А. С. Хомяковъ разсказывалъ слѣдующій *забавный* анекдотъ. Въ Россіи еще забавляются такими разсказами! — Во время турецкой войны въ 1828 году, послѣ довольно долгаго перехода, войско остановилось на ночь. Солдаты отдыхали. Въ сумерки Хомяковъ встрѣчаетъ на дорогѣ одного усталаго солдата и спрашиваетъ его, почему онъ, какъ другіе, не отдыхаетъ? Солдатъ отвѣчалъ, что онъ былъ посланъ на охоту застрѣлить что нибудь для ужина его капитана. Хомяковъ замѣтилъ, что солдатъ говорилъ какъ то не ясно. „Но у тебя нѣтъ зубовъ: какъ же ты потерялъ зубы?“ — „Начальство повышибало!“ спокойно отвѣчалъ солдатъ.

заніяхъ военныхъ, судомъ изрѣкаемыхъ: въ общемъ облегченіи, солдата, просто, забыли.

Участь солдата въ отношеніи къ тѣлеснымъ наказаніямъ облегчена, можетъ быть, нынѣ тѣмъ, что произвольнымъ наказаніямъ со стороны офицеровъ, положено нѣкоторое ограниченіе. Но совершенное безправіе солдата, невозможность для него приносить жалобы за противузаконные съ нимъ поступки, отсутствіе всякихъ дѣйствительныхъ, настоящихъ инспекторскихъ смотровъ, оставляетъ для произвола командировъ еще слишкомъ обширное поле; и русскій солдатъ, не смотря на всѣ перемѣны, остается самымъ несчастнымъ существомъ въ мірѣ.

Умный и добросовѣстный Канкринъ, разсуждая о русскомъ солдатѣ, находилъ, что положеніе его тяжело до невѣроятности. Но какъ бы желая дать какой нибудь смыслъ, значеніе, истолкованіе такому горестному явленію, онъ заключилъ слѣдующими словами: „Русскій солдатъ — это монахъ.“ Монахъ! т. е. что русскій человѣкъ, дѣлаясь солдатомъ, отрѣкается отъ міра сего, отъ всѣхъ его радостей, отъ всѣхъ наслажденій; отрѣкается отъ отца, отъ матери, отъ жены и дѣтей; принимаетъ обѣтъ безпрекословнаго повиновенія начальству, обѣтъ нищеты и смиренія безграничнаго.

Прибавьте къ этимъ обѣтамъ и отрѣченіямъ, тѣлесныя и нравственныя страданія, коимъ монахъ не подвергается: голодъ, холодъ, побои, розги, шпицрутены; и вы согласитесь, что Канкринъ назвалъ русскаго солдата монахомъ единственно для того, чтобы не назвать его мученикомъ.

Я почитаю излишнимъ разпространяться о необходи-

мости совершеннаго уничтоженія всѣхъ тѣлеснымъ наказаній въ русской арміи, какъ по тому что я достаточно говорилъ о семъ въ другихъ мѣстахъ, такъ особенно, потому что для просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ людей такіе выводы не нужны; а для тупоумныхъ и упрямыхъ защитниковъ палочной дисциплины, безполезны. „Никто такъ ни глухъ, какъ тотъ, кто слушать не хочетъ," говоритъ пословица. Мы замѣтимъ, однакоже, для сихъ послѣднихъ, что и египетскій паша уничтожилъ недавно тѣлесныя наказанія въ своей арміи и флотѣ. Пусть же они, по крайней мѣрѣ, знаютъ, на какой степени они стоятъ между людьми образованными.

X.

Упомянувъ мимоходомъ о военныхъ наказаніяхъ, мы чувствуемъ, что это не избавляетъ насъ отъ обязанности предъ Богомъ и предъ совѣстію поднять еще разъ нашъ голосъ противъ тѣлесныхъ наказаній вообще. Послѣ освобожденія крестьянъ, этотъ предметъ сдѣлался, въ глазахъ нашихъ, первымъ изъ всѣхъ, на кои должна быть устремлена просвѣщенная заботливость русскаго правительства. Мы постараемся изслѣдовать свойства тѣлесныхъ наказаній въ трехъ отношеніяхъ и показать, что онѣ необходимо соединены съ униженіемъ человѣческаго достоинства, съ произволомъ и съ жестокостію.

1. Унизительность тѣлесныхъ наказаній очевидна: человѣка обнажаютъ, бросаютъ на землю, держатъ или привязываютъ его руки и ноги и въ этомъ совершенно без-

помощномъ положеніи, наносятъ ему — по голому тѣлу — удары розгами или плетьми. Если это не есть самое крайнее униженіе для человѣка, то мы не знаемъ въ чемъ еще бо́льшее униженіе состоять можетъ. Наказанный такимъ образомъ можетъ явиться неуниженнымъ предъ судомъ всеправедливаго Бога, онъ можетъ даже казаться неуниженнымъ въ глазахъ людей просвѣщенныхъ, кои убѣждены, что такія наказанія не должны быть употребляемы и что если онѣ кого унижаютъ, то это тѣхъ, кои ихъ предписываютъ; но, навѣрное онъ, страдалецъ, въ собственныхъ глазахъ своихъ, почтетъ себя униженнымъ. Можно, конечно, добить людей до того, что, въ наказаніи тѣлесномъ, они будутъ наконецъ чувствовать одну только физическую боль. Но общество гдѣ такія понятія вкоренятся, не есть общество гражданское. Толпа, изъ такихъ людей состоящая, какъ бы многочисленна она ни была, станетъ ниже самыхъ дикихъ народовъ, чуждыхъ всякому гражданскому устройству, но не падшихъ до такой степени униженія.

Но нѣтъ! такая толпа немыслима. Невозможно себѣ представить, чтобы человѣкъ, претерпѣвшій тѣлесное наказаніе, не чувствовалъ ничего кромѣ физической боли. А если бы нашлись такіе люди, огрубѣвшіе отъ частыхъ страданій; то вмѣсто ихъ, другіе почувствуютъ ихъ униженіе. И можетъ ли жена не чувствовать униженія высѣченнаго ея мужа и не видѣть въ семъ своего собственнаго униженія? Можетъ ли сынъ, дочь видѣть унизительное мученіе отца и не чувствовать и его и своего собственнаго униженія?

Но каково будетъ чувство супруга, отца, видящаго тѣлесное наказаніе своей жены, своего сына, дочери?

Распространяя тѣлесныя наказанія на женщинъ, законъ доходитъ до явной безнравственности. Онъ обижаетъ, онъ потрясаетъ самыя нѣжныя, самыя святыя чувства въ человѣкѣ, увлекая его подругу на позорную казнь, обнажая ее предъ глазами толпы и возвращая ему ее окровавленною, униженною, пристыженною на всеобщемъ зрѣлищѣ. Съ какимъ чувствомъ этотъ человѣкъ встрѣтитъ жену свою? Что онъ будетъ думать о законѣ, во имя коего такіе ужасы совершаются?

Въ недавнемъ времени у насъ массу изобрѣтеній, совершающихся нынѣ во всемъ свѣтѣ, обогатили изобрѣтеніемъ какихъ-то *дѣтскихъ* розогъ, коими предписываютъ наказывать женщинъ. Духъ изобрѣтеній силенъ и неостанавливается, и между тѣмъ какъ въ Европѣ изобрѣтутъ, можетъ быть, какую нибудь новую машину для облегченія труда человѣческаго и для усиленія производительности до чудесныхъ предѣловъ, у насъ, можетъ быть, изобрѣтутъ какія нибудь дѣтскія плети! Suum cuique! по русски: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Странно и горестно видѣть, что между тѣмъ какъ просвѣщенные христіанскіе народы уважаютъ женщину, и что даже сіе уваженіе иногда строго соотвѣтствуетъ степени образованности каждаго народа; между тѣмъ какъ варварскіе, азіатскіе народы, если не уважаютъ женщину, какъ христіане, то берегутъ ее и ограждаютъ даже отъ нескромныхъ взоровъ толпы; одни русскіе, отступая отъ обычаевъ и христіанъ и магометанъ, становясь ниже и тѣхъ и другихъ, подвергаютъ слабый полъ самымъ жестокимъ, унизительнымъ и постыднымъ изтязаніямъ.!

И вы толкуете о грубости нравовъ народныхъ, ищете въ ней извиненія для вашихъ безчеловѣчныхъ, безнравственныхъ законовъ! Но не самые ли сіи законы ваши порождаютъ сію грубость? Могутъ ли нравы очиститься, смягчиться, когда вы разрушаете въ человѣкѣ уваженіе его къ самому себѣ, уваженіе и, по тому самому, даже любовь, привязанность мужа къ женѣ, жены къ мужу, дѣтей къ ихъ родителямъ? Одно спасеніе для обществъ такимъ образомъ устроенныхъ, состоитъ въ томъ, что милосердый Богъ сотворилъ человѣка человѣкомъ, и что никакое насиліе, никакая безсмысленность въ законахъ, не можетъ вовсе изгладить изъ души человѣческой по крайней мѣрѣ чувства, инстинкта его человѣческаго достоинства. Не смотря на все униженіе, коего онъ жертвою, человѣкъ не престаетъ желать, если не надѣяться, улучшенія его участи, признанія его человѣкомъ.

Но униженіе наказываемому и его близкимъ причиняемое, не ограничивается этимъ тѣснымъ кругомъ. Всѣ тѣ, кои только могутъ быть подвергнуты подобнымъ наказаніямъ, чувствуютъ самихъ себя униженными въ лицѣ страдальца. Идя далѣе, мы вспомнимъ слова одного русскаго писателя, который, обращаясь къ поборникамъ розогъ, говорилъ имъ: Предписывая въ законѣ тѣлесныя наказанія, вы унижаете не только тѣхъ, кои будутъ подлежать сему наказанію, но весь народъ, къ которому сіи люди принадлежатъ и даже вы унижаете весь родъ человѣческій, унижая человѣческое достоинство. *)

*) См. Русскій вѣстникъ 1859 г.

Есть умники—чего нѣтъ на свѣтѣ? Есть умники, которые толкуютъ, что тѣлесныя наказанія, опредѣляемыя закономъ, не болѣе и не менѣе унизительны какъ и всѣ прочія законныя наказанія. Если это такъ, то по чему же въ одномъ и томъ же государствѣ, однѣ сословія тѣлеснымъ наказаніямъ подвергаются, а другія не подвергаются? Въ Россіи дворянство почитаетъ особеннымъ преимуществомъ освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній. Такія изключенія въ пользу высшихъ сословій, закономъ постановляемыя, ясно свидѣтельствуютъ, что самъ законъ признаетъ тѣлесныя наказанія унизительными, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для дворянъ. Но если онѣ унизительны для дворянъ, то какъ могутъ быть онѣ не унизительны для низшихъ сословій, потому только что онѣ опредѣляются закономъ? Справедливѣе было бы заключить, что законъ, избавляя отъ униженія дворянъ, именно хотѣлъ сохранить униженіе для другихъ сословій.

Извѣстно, что тѣлесныя наказанія для дворянъ были уничтожены императоромъ Петромъ III-мъ. Если это было сдѣлано по требованію дворянства, какъ единственнаго сословія, для коего существовала нѣкоторая возможность изъявлять свои желанія; то дворянство грубо ошиблось не потребовавъ разпространенія преимущества на всѣ сословія, такъ какъ сохраненное наказаніе для другихъ, могло иногда коснуться и до дворянъ, чему мы видѣли довольно доказательствъ и, напримѣръ, въ царствованіе императора Павла, дворянъ унтеръ-офицерскаго чина колотили, но только не палками, а фухтелями. Разсказываютъ однакоже, что уничтоженіе тѣлесныхъ

наказаній было не слѣдствіемъ требованія дворянъ, но просто *монаршею милостію.* Петръ III имѣлъ въ своей службѣ голштинскихъ офицеровъ, кои не хотѣли подлежать тѣлеснымъ наказаніямъ. Императоръ желая сохранить ихъ въ службѣ, издалъ извѣстный указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для дворянъ, слѣдственно для офицеровъ, указъ, вошедшій послѣ въ дворянскую грамоту.

Пусть русскіе дворяне, равнодушные къ розгамъ для крестьянъ, подумаютъ: какова была бы ихъ собственная участь, еслибы, благодаря голштинскимъ офицерамъ, императору Петру III не вздумалось освободить дворянство отъ тѣлесныхъ наказаній? Какой видъ имѣли бы они нынѣ посреди блистательныхъ обществъ европейскихъ, въ которыхъ они являются на ровнѣ со всѣми образованными людьми? А подумавъ объ этомъ, какъ могутъ они не пожелать того же освобожденія и для ихъ соотечественниковъ другихъ сословій? Чтожь касается до тѣхъ, кои при образованіи ума и незлобіи сердца, подобно большинству редакторовъ новаго положенія о крестьянахъ, какими то непостижимыми для насъ доводами и мудрствованіями, доходятъ до убѣжденія, что тѣлесныя наказанія необходимы; то въ семъ явленіи мы видимъ не что иное какъ одно изъ самыхъ горестныхъ послѣдствій самого рабства, которое все изкажаетъ, до чего оно дотрогивается: слѣдственно и разумъ и самое сердце помѣщика или чиновника. Не даромъ было сказано, что рабство развращаетъ еще болѣе владѣющаго, нежели владѣемаго.

2. Сверхъ униженія, тѣлесныя наказанія соединены

также съ произволомъ. Это какъ бы почувствовали и русскіе законодатели: новѣйшіе законы систематически опредѣляютъ число ударовъ за каждый проступокъ и за каждое преступленіе. Прежде сѣкли просто, какъ говорится, зря, нѣкоторымъ образомъ безсознательно. Редакторы свода законовъ привели все въ должный порядокъ, изчислили число ударовъ, сообразно ихъ утонченному опредѣленію степени вины. Несчастные! Они знали что̀ дѣлали! и тѣмъ самымъ оттолкнули отъ себя прощеніе, которое найдутъ невѣжды въ словахъ Спасителя: „Отче! отпусти имъ: не вѣдятъ бо что̀ творятъ!“

Число ударовъ опредѣлено закономъ. Но кто ручается за то, что въ исполненіи число ударовъ не увеличено? Кто ихъ считаетъ? И, въ случаѣ если дано ударовъ болѣе, нежели сколько опредѣлено приговоромъ, кто будетъ жаловаться? Неужели высѣченный? Но вы знаете, что по нашимъ законамъ, даже и осужденный палатою можетъ жаловаться только по исполненіи надъ нимъ наказанія, изъ ссылки или съ каторги. Какъ же ожидать, чтобы наказанный сверхъ мѣры могъ жаловаться? и кому жаловаться? Въ томъ и состоитъ произволъ, что исполнитель приговора можетъ, безнаказанно, или усилить или уменьшить наказаніе. Одинъ исправникъ просто толковалъ крестьянамъ, что онъ имѣетъ обыкновеніемъ давать ударовъ вдвое болѣе противъ опредѣленныхъ въ приговорѣ. Впрочемъ число ударовъ не составляетъ еще всего наказанія; степень онаго зависитъ еще и отъ силы ударовъ. Мы привели въ другомъ мѣстѣ разговоръ прокурора съ палачемъ. На вопросы прокурора, палачь от-

вѣчалъ, что двумя или тремя ударами кнутомъ можно убить человѣка. „Случалось ли это тебѣ?“ спросилъ прокуроръ. „Нѣтъ, батюшка. Вѣдь Бога надо бояться.“ Боятся ли Бога тѣ, кои допускаютъ такія наказанія, въ коихъ жизнь человѣка зависитъ отъ произвола палача?

Самое обыкновеніе сѣчь людей за какіе бы то ни было преступленія и проступки, даже и за самые незначительные, необходимо влечетъ за собою произволъ. Какъ ожидать, чтобы въ безчисленныхъ, ежедневно и повсемѣстно повторяемыхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, возможна была какая либо разборчивость, сообразность наказанія съ виною? Произволъ въ сихъ случаяхъ неизбѣженъ. Ничто его ни предупредить, ни отвратить не можетъ, и всѣ возможныя заботы, старанія, попеченія о введеніи какого бы то ни было порядка, какой бы то ни было справедливости въ сихъ наказаніяхъ, будутъ всегда безсильны и недѣйствительны, по тому самому что наказаніе тѣлесное есть уже, само собою, и безпорядокъ и несправедливость.

Недавно журналы разсказывали, что какой то дворникъ, за какія то безсмысленныя, совершенно ничего незначущія слова, получилъ 500 ударовъ розгами. Письменный приговоръ доказывалъ, что судившій дворника не умѣетъ писать по-русски. Спрашивается, былъ ли этотъ дворникъ преданъ суду? Вѣроятно не былъ, ибо судъ, въ сводѣ законовъ, этомъ богатомъ арсеналѣ тѣлесныхъ наказаній, конечно нашелъ бы какое нибудь наказаніе для дворника, даже и тогда когда не нашелъ бы преступленія, но наказаніе конечно не столь тяжкое: сводъ не доходитъ до такихъ размѣровъ въ своей уже слиш-

комъ великой строгости. Если дворникъ предъ судъ не являлся, то онъ былъ, конечно, наказанъ, какъ говорятъ, по полицейскому распоряженію. Но въ такомъ случаѣ на какихъ соображеніяхъ былъ основанъ полицейскій приговоръ? Тутъ ничего нѣтъ и быть не можетъ, кромѣ чистаго произвола. Этотъ произволъ получаетъ какой-то особенный оттѣнокъ въ томъ обстоятельствѣ, что судья, т. е. то лице, которое написало приговоръ, плохо зналъ по-русски, слѣдственно не могъ даже порядочно объясниться, въ допросѣ, съ подсудимымъ.

Наконецъ 3. Тѣлесныя наказанія необходимо сопряжены съ жестокостію. Это слѣдуетъ изъ самаго понятія о наказаніи, когда это понятіе здраво и справедливо. Наказаніе должно быть соразмѣрно винѣ, отъ самаго маловажнаго проступка до самаго тяжкаго преступленія. Во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ, чтобы наказаніе не превышало той мѣры, которая, въ наказаніи, необходима для удовлетворенія оскорбленному закону или, справедливѣе сказать, для удовлетворенія потребностямъ общественнаго порядка, проступкомъ и преступленіемъ нарушеннаго. Такимъ образомъ, относительно маловажныхъ проступковъ, если виновный можетъ быть достаточно наказанъ денежнымъ штрафомъ или кратковременнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, то не слѣдуетъ, вмѣсто того, подвергать его тѣлесному наказанію, сколь бы легко оно ни было, такъ какъ, кромѣ физической боли, оно причиняетъ осужденному страданіе нравственное, превосходящее то, которое онъ терпитъ заплатя штрафъ или просидѣвъ одинъ или два дня въ тюрьмѣ. Тоже можно сказать и о самыхъ

тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою самыя тяжкія наказанія. И здѣсь казнь должна соотвѣтствовать настоящей цѣли наказаній, которая состоитъ въ охраненіи общественнаго порядка, преступленіемъ нарушеннаго. Сія цѣль можетъ быть достигнута удаленіемъ преступника на всегда изъ среды общества, заключеніемъ на всю жизнь въ тюрьмѣ, или даже казнію смертною; но отнюдь не изтязаніями тѣлесными, сѣченіемъ кнутомъ, плетьми, клейменіемъ и т. п. Эти прибавочныя наказанія къ вѣчной ссылкѣ и къ заточенію, ни мало не содѣйствуя къ достиженію предположенной цѣли, превращаются въ мщеніе со стороны общества противъ одного изъ членовъ его, и потому самому становятся чистою жестокостію.

Законодательства всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ съ ужасомъ отбросили средневѣковое варварство въ главныхъ основаніяхъ, на коихъ опредѣляются наказанія. Ни одно изъ сихъ законодательствъ не допускаетъ, въ наказаніяхъ, причиненія физической боли съ явнымъ намѣреніемъ причинить боль. Вездѣ теперь законъ заботится не объ усиленіи изрѣкаемаго имъ наказанія, но о возможномъ облегченіи положенія осужденнаго, и прибѣгая даже къ смертной казни, законъ старается сдѣлать переходъ отъ жизни къ смерти сколь возможно скорымъ, слѣдственно сопряженнымъ съ наименьшею болью физическою.

Очевидно, что тѣлесныя наказанія, особливо тяжкія, не только не соотвѣтствуютъ симъ справедливымъ, человѣческимъ началамъ, но прямо имъ противурѣчатъ. Тяжкія тѣлесныя наказанія часто причиняютъ смерть, но смерть медленную: несчастный продолжаетъ страдать отъ

претерпѣннаго наказанія; онъ чахнетъ и умираетъ мало по малу. Если это не жестокость, то мы не знаемъ что̀ можно назвать симъ именемъ. А жестокость, чуждую даже хищнымъ животнымъ, мы почитаемъ самымъ гнуснымъ, самымъ отвратительнымъ порокомъ изъ всѣхъ пороковъ человѣческихъ.

Въ прежнія времена, во время грубости нравовъ, когда законы въ различныхъ государствахъ признавали пытку за необходимое средство открытія истины въ уголовномъ судопроизводствѣ, сохраненіе, въ законодательствѣ, тѣлесныхъ наказаній было если не извинительно, то по крайней мѣрѣ постижимо. Теперь пытка отброшена изъ всѣхъ законодательствъ, какъ по чувствамъ сердца, такъ и по доводамъ разума. Но между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ тѣлесныхъ наказаній не существуетъ, пытка дѣйствительно изчезла, она продолжаетъ существовать, даже вопреки предписаніямъ закона, тамъ, гдѣ продолжаютъ существовать тѣлесныя наказанія. Самое неоднократное повтореніе сихъ предписаній, воспрещающихъ пытку, достаточно свидѣтельствуетъ, что пытка не изчезла. Екатерина II удивлялась какъ люди ищутъ правды въ словахъ человѣка одержимаго лихорадкою, такъ какъ пытка бросаетъ всегда въ лихорадку. Александръ I изъявилъ сердечное желаніе, чтобы и самое названіе пытки было изтреблено изъ русскаго языка. Между тѣмъ извѣстно, что пытка существуетъ до нынѣ и всегда существовать будетъ покуда будутъ существовать тѣлесныя наказанія. Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ, что законодательство отстраняетъ пытку, но что пытка продолжаетъ существовать во извѣстіе всѣхъ и каждаго. Изъ сего слѣ-

дуетъ, что въ законѣ есть или безсиліе или лицемѣріе. Это лицемѣріе придаетъ какое то особенно отвратительное свойство жестокости, которая и безъ того вполнѣ отвратительна. Позволительно подозрѣвать, что если бы возможно было скрывать мученія тѣлесныхъ наказаній, какъ скрываютъ мученія пытки, то нашлись бы, можетъ быть, узаконенія и предписанія, офиціально запрещающія сіи тѣлесныя наказанія, такъ какъ мы видимъ теперь узаконенія и предписанія воспрещающія пытку, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, и пытка и наказанія оставались бы въ прежнемъ употребленіи. И все это зло, всѣ эти ужасы, вся эта неправда, вся безнравственность, жестокость и лицемѣріе для того только, чтобы не признать въ человѣкѣ человѣка!

XI.

Потребности Россіи, какъ мы видимъ, велики, но велика и ихъ важность, велика и необходимость. Свергнувъ съ народа иго крѣпостнаго права, правительство не можетъ оставаться въ бездѣйствіи. Сдѣлавъ первый, самый важный шагъ, оно обязано итти далѣе. Крѣпостное право держало Россію: держало, правда, цѣпью, палкою, кнутомъ, но держало. Характеръ гражданскаго порядка былъ уродливый, хаотическій, основанный на беззаконіи и неправдѣ. Но этотъ характеръ имѣлъ свою послѣдовательность, если не свой смыслъ. Все, въ государствѣ, сообразовалось съ сими отличительными чертами русскаго быта. Освобожденіе крестьянъ положило всему, и этому

характеру, и этому порядку, рѣшительный конецъ. Въ той же мѣрѣ, въ каковой закрѣпощеніе крестьянъ имѣло пагубное вліяніе на весь бытъ народа въ прошедшемъ, освобожденіе должно имѣть столь же благотворное вліяніе на бытъ сей въ будущемъ.

Во всякомъ случаѣ крѣпостное право, столь сильно связанное съ существовавшимъ порядкомъ вещей, бывъ отстранено, должно, по самой необходимости, быть замѣнено чѣмъ либо инымъ.

Такимъ образомъ, убѣдившись, что, по уничтоженіи рабства, надлежитъ итти далѣе, что старый порядокъ вещей долженъ быть замѣненъ новымъ, представляется вопросъ: куда итти? Въ чемъ долженъ состоять новый порядокъ вещей?

На сіи-то вопросы мы старались отвѣчать по мѣрѣ силъ, нашихъ и нашихъ задушевныхъ убѣжденій. Мы старались показать, что итти слѣдуетъ отъ произвола къ законности, что произволъ долженъ быть замѣненъ законностію.

Мы изъяснили нѣкоторыя начала, кои могутъ служить основаніемъ для преобразованій, необходимыхъ для достиженія предлежащей цѣли. Наши изъясненія могли быть только поверхностныя. Мы не имѣемъ ни достаточныхъ силъ, ни достаточныхъ средствъ для составленія какого либо полнаго устава или положенія по какой бы то ни было отрасли государственнаго управленія, вошедшей въ объемъ нашихъ соображеній. Это возможно только для лицъ правительственныхъ, располагающихъ надлежащими орудіями и средствами исполненія. Но, въ

продолженіе нашей жизни, посвятивъ довольно много времени на начертаніе проэктовъ, плановъ, предположеній по разнымъ частямъ управленія, намъ кажется, что мы можемъ по крайней мѣрѣ указать на нѣкоторый порядокъ, коему надлежитъ слѣдовать въ начертаніи новыхъ уставовъ, на нѣкоторыя условія, кои необходимы для успѣшнаго совершенія предпринятаго дѣла.

Самое главное правило, самое первое условіе, при начертаніи какого бы то ни было проэкта или плана, состоитъ въ необходимости яснаго опредѣленія цѣли, къ достиженію коей надлежитъ стремиться, равно какъ и средствъ достиженія цѣли.

Вмѣстѣ съ симъ всѣ постановленія, входящія въ составъ плана или проэкта, не исключая подробностей, должны строго соотвѣтствовать предположенной цѣли. Если же, по какимъ бы то ни было видамъ и соображеніямъ, сочинитель или редакторъ найдетъ себя въ необходимости не сообразоваться, въ подробныхъ постановленіяхъ, съ общею цѣлію проэкта, въ такомъ случаѣ несравненно лучше, правильнѣе и честнѣе, измѣнить опредѣленіе самой цѣли, опредѣлить ее иначе, нежели продолжая смотрѣть на сію цѣль, отклоняться отъ нея на лѣво и на право.

Мы постараемся изъяснить мысль нашу примѣромъ „Новыхъ Положеній“ о крестьянахъ.

Первоначальною, общею цѣлію освобожденія крестьянъ, было: улучшеніе ихъ быта. Средствами сего улучшенія были означены: отводъ земли для ихъ пользованія и выкупъ ихъ усадьбъ.

Редакціонныя коммиссіи, приступая къ исполненію

возложеннаго на нихъ труда, долженствовали прежде всего опредѣлить цѣль сего труда. Въ чемъ должно состоять улучшеніе быта?

Отвѣтъ: въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ отвѣтъ такъ и выраженъ въ „Новыхъ Положеніяхъ.“

Слѣдуетъ ли личное освобожденіе крестьянъ соединить съ надѣломъ земли? Отвѣтъ также былъ утвердительный.

Такимъ образомъ прямая, главная цѣль труда коммиссій ясно была означена и опредѣлена. Эта цѣль: освобожденіе крестьянъ съ землею.

Но принявъ эту цѣль, коммиссіи, не останавливаясь на дальнѣйшемъ изслѣдованіи всѣхъ возможныхъ средствъ надѣленія крестьянъ землею, прямо рѣшили, ссылаясь, конечно, на циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ, что надѣлъ землею долженъ быть достаточнымъ для обеспеченія крестьянъ въ ихъ продовольствіи и въ исполненіи повинностей. Отсюда возникъ цѣлый рядъ постановленій о поземельныхъ надѣлахъ, спутавшій весь планъ коммиссій, постановленій, кои во многихъ случаяхъ, ни мало не соотвѣтствуютъ принятой цѣли обеспечить крестьянъ достаточнымъ надѣломъ земли.

Признанная цѣль: освобожденія съ землею, ясно показывала, что рѣшенія, развязки всего вопроса надлежало искать въ самой землѣ, въ томъ количествѣ оной, которое могло быть предоставлено крестьянамъ. Въ такомъ изысканіи конечно необходимо было взвѣсить и оцѣнить проявлявшіяся мнѣнія и требованія, какъ кресть-

янъ, такъ и помѣщиковъ. Но взвѣсивъ и оцѣнивъ, не слѣдовало останавливаться на сихъ мнѣніяхъ и требованіяхъ; надлежало войти въ сущность вопроса и обсудить оный не въ изключительныхъ выгодахъ того или другаго сословія, но въ ихъ общихъ или взаимныхъ выгодахъ, особенно въ выгодахъ возможнаго и удобнаго исполненія.

Помѣщики утверждали, что вся земля принадлежитъ имъ. Крестьяне, — по крайней мѣрѣ такъ утверждали ихъ ревностные защитники, ибо крестьянъ никто и ни о чемъ не спрашивалъ, — крестьяне, что земля т. е. ихъ надѣлы, принадлежатъ имъ. Правительство объявляло, что земля принадлежитъ помѣщикамъ, но что крестьяне имѣютъ право на всегдашнее пользованіе частію сей земли.

Надлежало искать здраваго, безпристрастнаго исхода изъ сихъ противуположныхъ утвержденій и опредѣленій. Утвержденіе крестьянъ и утвержденіе помѣщиковъ имѣли свое основаніе и прямымъ сему доказательствомъ служитъ упоминаемое нами воззрѣніе правительства, признавшее обоюдное право сторонъ на одну и ту же землю. Въ семъ-то воззрѣніи и надлежало искать настоящей развязки, настоящаго исхода. Къ сему воззрѣнію изключительно слѣдовало обратиться и потому уже что невозможно было принять двухъ другихъ воззрѣній: крестьянскаго и помѣщичьяго.

Помѣщики не могли утверждать, что земля принадлежитъ имъ изключительно, потому что ихъ право собственности было не полное: они обязаны были не только держать крестьянъ на землѣ своей, но, въ нѣкоторыхъ

случаяхъ, не могли даже продавать сей земли, когда оставалось для крестьянъ менѣе извѣстнаго количества оной для пользованія. Какое же полное право можно имѣть на собственность, когда нельзя располагать ею по своему усмотрѣнію?

Крестьяне, съ своей стороны, не могли, съ справедливымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, требовать и безвозмезднаго надѣленія землею, коею они дотолѣ пользовались. Конечно, съ одной стороны неоспоримо, что крестьяне вообще жили на землѣ прежде нежели она начала принадлежать помѣщикамъ; но съ другой стороны извѣстно, что, въ ихъ прежнемъ вольномъ состояніи, они переходили отъ одного владѣльца къ другому, оставляя землю въ рукахъ сего послѣдняго. Впрочемъ мы и не знаемъ достовѣрно: какъ на самомъ дѣлѣ и вообще, крестьяне смотрятъ на этотъ вопросъ. Поговорка: „мы ваши, а земля-то наша,“ есть одна изъ тѣхъ народныхъ поговорокъ, кои конечно свидѣтельствуютъ о нѣкоторыхъ задушевныхъ убѣжденіяхъ; но на которыхъ нельзя создать никакого положительнаго права, изъ коихъ нельзя вывести никакого положительнаго заключенія. Къ тому же нѣтъ ни причинъ, ни повода предполагать, чтобы крестьяне дѣйствительно почитали землю вполнѣ своею. По крайней мѣрѣ очевидно, что они не имѣютъ никакой возможности, и еще менѣе наклонности или охоты настоять на семъ, защищать всѣми средствами это предполагаемое, и предполагаемое не ими самими, право собственности на землю. Но крестьяне имѣютъ неоспоримое право жить на землѣ помѣщичьей и пользоваться оною.

Въ такихъ обстоятельствахъ, находясь въ невозможности основать разрѣшеніе вопроса ни на воззрѣніи помѣщиковъ, ни па воззрѣніи крестьянъ, оставалось обратиться, какъ мы сказали, къ воззрѣнію правительства, въ томъ состоящему, что помѣщики владѣютъ и имѣютъ право владѣть землею, а что крестьяне живутъ и имѣютъ право жить на сей землѣ.

Тогда явилось бы, что для обѣихъ сторонъ существуютъ и права и обязанности, и дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла ясно показало бы, что только въ надлежащемъ опредѣленіи сихъ взаимныхъ правъ и обязанностей, въ основаніи равновѣсія оныхъ, лежитъ настоящій исходъ дѣлу освобожденія съ землею.

Мы повторяемъ наше глубокое убѣжденіе, что въ семъ разпредѣленіи взаимныхъ правъ и обязанностей обѣихъ сословій, заключался самый вѣрный исходъ для дѣла. За новую выгоду каждый заплатилъ бы новымъ пожертвованіемъ, или, за каждое пожертвованіе каждый получилъ бы новую выгоду. Такимъ образомъ крестьянинъ, получивъ въ собственность часть прежняго своего надѣла, лишился бы остальной части онаго. Помѣщикъ, лишившись части предоставленной крестьянину, пріобрѣлъ бы полное право на остальную часть какъ крестьянскихъ надѣловъ, такъ и прочей земли своей, которою, какъ мы замѣтили, онъ не могъ дотолѣ располагать вполнѣ какъ своею безусловною собственностію. Осталось бы опредѣлить ту часть земли крестьянамъ предоставляемой, которая служила бы средствомъ для разрѣшенія задачи. Это опредѣленіе надлежало предоставить на волю и усмотрѣ-

ніе самого государя, который и по неоспоримому праву самодержавія, и по самому положенію своему, облекающему его и въ полное безпристрастіе и въ равное благоволеніе для всѣхъ сословій, могъ рѣшить вопросъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Такимъ способомъ, т. е. посредствомъ обсужденія, разпредѣленія и опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей помѣщиковъ и крестьянъ, было совершено самое удачное освобожденіе крестьянъ съ землею въ Пруссіи. Узаконеніе 1811 года предписывало крестьянамъ возвратить помѣщику половину ихъ надѣла, въ видѣ выкупа за всѣ ихъ повинности, отъ коихъ они симъ самымъ освобождались. Помѣщики же, потерявъ одну половину крестьянской земли, освобождались отъ всѣхъ обязанностей, кои лежали на нихъ относительно къ крестьянамъ.

Но вмѣсто того чтобы обратиться къ воззрѣнію правительства при вопросѣ освобожденія съ землею, коммиссіи остановились на воззрѣніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ. Видя, что съ одной стороны для крестьянъ требуютъ сохраненія ихъ прежнихъ надѣловъ, и что съ другой помѣщики требуютъ выкупа за сіи надѣлы, коммиссіи, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія и разбора, рѣшились обѣщать крестьянамъ ихъ надѣлы или около того, а помѣщикамъ выкупную плату за сіи надѣлы. Мы говоримъ, что къ сей эмпирической синтезѣ коммиссіи пришли безъ дальнѣйшаго изслѣдованія и разбора, потому что протоколы совѣщаній не представляютъ никакихъ слѣдовъ, по коимъ можно было бы думать, что онѣ, кромѣ сей синтезы обратили свое вниманіе на какой либо иной способъ освобож-

денія съ землею. Большіе надѣлы удовлетворяли крестьянъ. Выкупъ удовлетворялъ помѣщиковъ. Чего же лучше? Такъ и было рѣшено.

Но здѣсь мы спрашиваемъ: Возможно ли почитать большой надѣлъ землею первою потребностію для крестьянина? Желаніе крестьянина владѣть или пользоваться большимъ надѣломъ превосходитъ ли всѣ другія его желанія и въ томъ числѣ желаніе полной личной свободы?

Этотъ вопросъ, рѣшеніе коего, для насъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, по тому самому что для русскаго крестьянина, какъ и для всякаго человѣка, свобода всегда была и будетъ самымъ драгоцѣннымъ благодѣяніемъ въ мірѣ, этотъ вопросъ можетъ быть проясненъ нѣкоторыми явленіями, кои никакъ не позволяютъ рѣшить его утвердительно. Въ 30-хъ годахъ крестьяне, со всѣхъ концевъ Россіи, вдругъ двинулись, огромными толпами на Востокъ, на рѣку Дарію, какъ говорили они, гдѣ разпространившіеся слухи обѣщали имъ привольное житье. Множество крестьянъ даже изъ западныхъ губерній, и именно изъ Витебской, пошли въ дальній и неизвѣстный путь твердя: мы идемъ на рѣку Дарію. Войско было употреблено для воспрепятствованія такому переселенію. Ружейные выстрѣлы заставляли крестьянъ возвращаться во свояси, возвращаться на ту землю, къ которой они, какъ утверждаютъ, тякъ сильно привязаны.

Послѣ крымской войны въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ разпространились слухи, что крестьяне могутъ итти въ Крымъ и тамъ селиться на пустопорожнихъ земляхъ. Немедленно цѣлыя селенія, уложивъ свое иму-

щество на телѣги, отправились въ дальній путь. Изъ одного селенія отправилось такимъ образомъ вдругъ болѣе 1000 душъ. Возвращавшіяся изъ Крыма войска преградили всѣмъ дальнѣйшій путь къ новымъ, желаннымъ мѣстамъ.

Это, кажется, достаточно показываетъ, что для крестьянъ есть что-то превышающее выгоду имѣть какіе бы то ни было земельные надѣлы, и именно возможность располагатъ самимъ собою, возможность вольнаго труда.

Мы не споримъ, что было бы весьма утѣшительно видѣть всѣхъ крестьянъ во владѣніи достаточнымъ количествомъ земли. Еще лучше было бы еслибъ каждый изъ нихъ имѣлъ 1000 р. дохода. Но сіе послѣднее едвали болѣе невозможно, нежели первое.

Предназначивъ большіе надѣлы землею крестьянамъ, слѣдовало для помѣщиковъ предназначить соотвѣтственные выкупные платежи. Но коль скоро коммиссіи вошли въ подробности опредѣленія сихъ выкупныхъ платежей, то онѣ немедленно убѣдились въ невозможности симъ средствомъ, т. е. выкупомъ большихъ надѣловъ, вполнѣ рѣшить вопросъ освобожденія съ землею. По сему коммиссіи приведены были къ допущенію надѣловъ весьма ограниченныхъ, состоящихъ иногда изъ одной усадьбы, лишь бы только, хоть какъ нибудь, освободить крестьянъ. *)

Позволительно думать, что если бы коммиссіи прежде всего, въ самомъ началѣ, приступили къ обсужденію

---

*) Мы пространнѣе говорили о семъ въ брошюрѣ: О новомъ устройствѣ крестьянъ.

à priori вопроса о выкупѣ, то онѣ нашли бы, что крестьяне, выходящіе изъ вѣковой крѣпостной зависимости, т. е. изъ рабства, съ весьма немногими изключеніями, не могутъ быть въ состояніи выкупать чего бы то ни было. Основывать же возможность выкупа на тѣхъ средствахъ добывать деньги, кои крестьянинъ пріобрѣтаетъ при новомъ своемъ не вполнѣ вольномъ, но едва полу-вольномъ положеніи, не только весьма сомнительно и опрометчиво, но отдаляетъ совершеніе окончательнаго освобожденія на долгіе сроки, кои могутъ поколебать и даже вовсе изгладить въ сердцѣ крестьянина всякое рвеніе къ труду и къ свободѣ.

И такъ если бы коммиссіи прежде всего занялись подробнымъ изслѣдованіемъ вопросовъ о большихъ надѣлахъ и выкупѣ; то онѣ могли бы и, предполагая логику въ ихъ изслѣдованіяхъ, долженствовали бы притти къ заключенію, что ни большіе надѣлы, ни выкупъ не ведутъ и не могутъ вести къ достиженію цѣли освобожденія съ землею. Тогда оставалось одно только заключеніе: дать крестьянамъ земли не много, но даромъ. Это средство освобожденія, какъ мы старались доказать въ другомъ мѣстѣ, *) было бы, безъ всякаго сомнѣнія, выгоднѣе для крестьянъ; выгоднѣе, вѣроятно, и для помѣщиковъ. **)

---

*) См. о новомъ устройствѣ крестьянъ.

**) Въ одной русской брошюрѣ я встрѣчаю слѣдующія слова: „Противники выкупа были противники освобожденія крестьянъ.“

Если бы авторъ писалъ въ 1808 или 1811 году, когда, въ Пруссіи, Штейнъ и его сотрудники, предоставивъ крестьянамъ на казенныхъ земляхъ живущимъ, безвозмездное надѣленіе землею, постановили правиломъ, что и крестьяне на помѣщичьихъ земляхъ

Но положимъ, что коммиссіи, обсудивъ какъ слѣдуетъ все касающееся до большихъ надѣловъ и выкупа, остались бы вѣрными тѣмъ убѣжденіямъ, кои выражаются нынѣ въ „Новыхъ Положеніяхъ.“ Въ такомъ случаѣ слѣдовало провозгласить иную цѣль всей мѣры освобожденія и сказать, что сія цѣль состоитъ въ дарованіи крестьянамъ личной свободы съ правомъ выкупать свои усадьбы и покупать землю отъ помѣщиковъ по вольнымъ соглашеніямъ. Тогда дѣло было бы ясно и не могло бы представить поводовъ ни къ какимъ неправильнымъ толкованіямъ и заключеніямъ.

Ясно? — Не совсѣмъ; ибо, упомянувъ о личномъ освобожденіи крестьянъ, мы находимъ новое противорѣчіе, новое отступленіе отъ цѣли; а именно: По силѣ различныхъ объявленій и провозглашеній, кои выразились даже и въ манифестѣ 19-го Февраля, крестьяне получаютъ личную свободу безвозмездно. Между тѣмъ „Новыя Положенія“ подвергаютъ лично освобожденнаго крестьянина

живущіе, должны получить часть занимаемой ими земли безвозмездно, т. е. безъ всякаго особеннаго, денежнаго выкупа; что и было исполнено Гарденбергомъ и его сотрудниками въ 1811 году; то, авторъ, неминуемо призналъ бы и Штейна и Гарденберга противниками освобожденія крестьянъ, такъ какъ они были противниками выкупа! Авторъ не подумалъ, что освобожденіе съ землею *безъ выкупа* было тогда совершено на самомъ дѣлѣ и совершено съ величайшимъ успѣхомъ. Вотъ къ чему ведетъ опрометчивая самонадѣянность людей впрочемъ разумныхъ и вполнѣ добросовѣстныхъ, но не умѣющихъ обнять вопроса со всѣхъ сторонъ и, въ пылу своихъ собственныхъ убѣжденій, съ какою-то юношескою нетерпѣливостію отвергающихъ все что не входитъ въ объемъ сихъ убѣжденій.

обязанности, коей онъ отклонить не можетъ, брать извѣстный надѣлъ землею и платить за оный оброкъ.

Еслибы, въ самомъ началѣ, коммиссіи ясно и рѣшительно приняли и постановили правиломъ личное безвозмездное освобожденіе; то онѣ, конечно, не рѣшились бы такъ явно сіе правило нарушить. А если бы онѣ пришли къ тому заключенію, которое содержится въ „Новыхъ Положеніяхъ," т. е. что необходимо подвергнуть обязанности оброка даже и за такую землю, которой крестьяне имѣть не желаютъ; то тогда слѣдовало бы иначе изъяснить „личное освобожденіе," сказавъ, напримѣръ, что крестьяне не освобождаются лично, а переводятся на оброкъ, не произволомъ помѣщика, а закономъ опредѣляемый. Такимъ образомъ и здѣсь не было бы ни противорѣчія, ни отступленія отъ объявленной цѣли, и потому самому повода къ недоумѣніямъ и ложнымъ толкамъ.

Сіе отсутствіе точности въ начальномъ опредѣленіи цѣли и средствъ представляетъ особенныя неудобства въ постановленіяхъ коммиссій объ усадьбахъ. По первоначальнымъ циркулярамъ министра внутреннихъ дѣлъ, усадьбы долженствовали быть выкупаемы крестьянами независимо отъ полевыхъ надѣловъ, кои подлежали, по симъ циркулярамъ, инымъ разпоряженіямъ. Коммиссіи справедливо находя такой отдѣльный выкупъ усадьбъ неудобнымъ, старались однакоже удержать, по крайней мѣрѣ по наружности, циркуляры министерскіе въ ихъ силѣ и потому придумали включить усадьбы въ общій надѣлъ и подвергнуть ихъ общему выкупу, не смотря на то, что выкупъ усадьбъ былъ для помѣщиковъ обязательнымъ, а выкупъ надѣловъ

предоставлялся на ихъ волю. Вмѣстѣ съ симъ, желая во всякомъ случаѣ сохранить крестьянамъ право выкупа усадьбъ, коммиссіи допустили отдѣльный выкупъ оныхъ и опредѣлили ту часть оброка, которую крестьяне перестаютъ платить по выкупѣ усадьбъ.

Если бы коммиссіи занялись прежде всего постановленіемъ главныхъ началъ относительно усадьбъ, началъ истекающихъ изъ самаго опыта, изъ понятія общепринятаго объ усадьбахъ; то, вѣроятно, онѣ пришли бы къ сему простому и ясно справедливому заключенію, что если что либо принадлежитъ крестьянину, то это не только его скотъ и земледѣльческія орудія, не только его изба, которую также коммиссіи почитаютъ его неотъемлемою собственностію, но и пол-десятины земли, на которой она построена, его огородъ, удобренный *собственнымъ его* навозомъ. Циркуляры министра не могли бы остановить здѣсь коммиссій, такъ какъ они не остановили ихъ въ отстраненіи того распоряженія, въ циркулярахъ содержащагося, по коему одна половина всей земли должна быть отведена въ постоянное и неизмѣнное пользованіе крестьянъ, а другая оставаться во владѣніи помѣщика.

Наконецъ мы не можемъ не замѣтить, что при чтеніи „Новыхъ Положеній,“ нельзя вообще не убѣдиться, что вопреки предположенной цѣли „освобожденія крестьянъ съ землею,“ редакціонныя коммиссіи стремились исключительно къ обеспеченію крестьянъ, за плату, извѣстнымъ количествомъ земли, освободивъ ихъ вмѣстѣ съ симъ отъ крѣпостнаго права помѣщиковъ. Очевидно, что въ совокупности сихъ двухъ мѣръ, нѣтъ еще и не можетъ быть

настоящей свободы, независимости; нѣтъ и не можетъ быть вольнаго труда; нѣтъ надежды видѣть образованіе самостоятельнаго, вольнаго и независимаго сословія земледѣльческаго.

Если мы указываемъ здѣсь на то что̀ представляется намъ недостаточнымъ въ „Новыхъ Положеніяхъ;“ то, по истинѣ, это не для того, чтобы уменшить великія заслуги предъ Россіею тѣхъ разумныхъ и добросовѣстныхъ дѣятелей, кои участвовали въ составленіи сихъ „Положеній.“ Нѣтъ! трудъ ихъ былъ огромный, намѣренія самыя чистыя и правдивыя, между тѣмъ какъ обстоятельства, посреди коихъ они дѣйствовали, были для нихъ самыя неблагопріятныя. Сопротивленіе непріязненныхъ элементовъ доходило до ожесточенія, до какого-то остервененія, и если чему либо позволено удивляться, то это тому: какъ посреди сихъ элементовъ, честные и твердые труженики могли совершить и то что̀ они совершили.

Но самый примѣръ сего огромнаго труда, его во многомъ удачнаго и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудачнаго совершенія, не долженъ оставаться безъ пользы, безъ поученія для Россіи. Если „Новыя Положенія“ съ одной стороны вполнѣ доказываютъ, что въ Россіи есть возможность приступать къ начертанію самыхъ важныхъ государственныхъ постановленій; если сіи „Положенія,“ во многихъ частяхъ своихъ, какъ, напримѣръ, въ устройствѣ сельскихъ судовъ и пр. и пр. свидѣтельствуютъ не только о благонамѣренности, коею проникнутъ весь трудъ вообще, но и о совершенномъ знаніи дѣла; то съ другой стороны мы находимъ недостатки, о коихъ мы доселѣ

говорили. Сихъ недостатковъ, по нашему убѣжденію, можно было избѣжать первоначальнымъ точнымъ опредѣленіемъ цѣли и средствъ къ достиженію оной; и мы указываемъ на сіи недостатки и на средства избѣжать ихъ не для чего инаго, какъ для того, чтобы обратить вниманіе на оные тѣхъ, коимъ предоставлено составлять другія „Новыя Положенія“ по различнымъ предметамъ общаго государственнаго управленія.

По всѣмъ симъ предметамъ, приступая къ дѣлу, необходимо прежде всего ясно опредѣлить цѣль, къ которой надлежитъ стремиться и слѣдовать твердо къ сей цѣли, не уклоняясь ни на право ни на лѣво, и не измѣняя всѣмъ тѣмъ требованіямъ, кои для достиженія цѣли необходимы.

Такимъ образомъ если по первому изъ разсмотрѣнныхъ нами предметовъ, по вопросу книгопечатанія, предположено будетъ сдѣлать какое либо новое постановленіе, то надлежитъ прямо и ясно сказать: что *должно* быть сдѣлано.

Если желаютъ сохранить цензуру, то надлежитъ сдѣлать новый цензурный уставъ. О составленіи такихъ уставовъ мы ничего сказать не можемъ, не почитая оныхъ ни въ какомъ видѣ полезными.

Если хотятъ уничтожить цензуру, и допустить свободу книгопечатанія; то необходимо прежде всего опредѣлить отвѣтственность за нарушеніе законныхъ предписаній; предоставить вѣденіе сихъ нарушеній суду, и дать по томъ полный просторъ писателямъ, писать и мыслить въ сихъ предѣлахъ, не подвергая ихъ всѣмъ недавно

придуманнымъ мелочнымъ притѣсненіямъ и придиркамъ въ видѣ „предостереженій“ (avertissements) и т. п.

Если мы излагаемъ мнѣніе наше о цензурѣ и о свободѣ книгопечатанія съ рѣшительною положительностію, то это, по тому что мы предвидимъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ Россіи великую пользу, которую можетъ принести свободное обсуживаніе, въ печати, всѣхъ тѣхъ предположеній, кои приготовляются для лучшаго устройства различныхъ частей государственнаго управленія; видимъ не только пользу, но самую необходимость.

Мы не имѣемъ никакого повода говорить съ такою же положительностію о министерствѣ просвѣщенія вообще. Но мы не можемъ не изъявить нашего искренняго сожалѣнія, замѣчая, по журналнымъ извѣстіямъ, въ дѣлахъ народнаго просвѣщенія нѣкоторое направленіе, для просвѣщенія не только неблагопріятное, но прямо непріязненное. Такъ мы узнали, на сихъ дняхъ, изъ журнала „le Nord,“ что нѣсколько молодыхъ людей, приготовившихся ко вступленію въ университетъ, должны были отказаться отъ этого, не будучи въ состояніи заплатить налога, коему подвергаются студенты. Это совершенно противно духу, который, въ Россіи, обыкновенно одушевлялъ правительство въ дѣлѣ образованія народнаго. Мы замѣтили выше, что въ Россіи правительство обыкновенно заботилось не только о снабженіи училищъ учителями, но вмѣстѣ и учениками. Иначе это и быть не могло. Теперь же мы видимъ, что министерство, какими то скаредными денежными сборами, удаляетъ молодыхъ людей отъ высшихъ учебныхъ заведеній, самимъ правительствомъ устроен-

ныхъ, и устроенныхъ конечно не изключительно для богатыхъ; что̀ опять было бы совершенно несогласно съ высокою цѣлію учрежденія перваго русскаго университета, въ который именно призывались всѣ сословія, всѣ состоянія, не изключая самыхъ бѣдныхъ, самыхъ послѣднихъ.

Въ дѣлѣ судебнаго преобразованія, устройства судовъ и судопроизводства, также надлежитъ прежде всего разсмотрѣть и рѣшить вопросъ: должно ли ввести въ Россіи судъ присяжныхъ? Вообще всѣ желаютъ у насъ суда присяжныхъ. Но по сію пору мнѣніе о приложеніи сего суда къ дѣламъ гражданскимъ не было изслѣдовано и обсуждено достаточнымъ образомъ.

Введеніе присяжныхъ потребуетъ сообразнаго судопроизводства, отличнаго, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отъ того, коего требуютъ обыкновенные суды, изъ судей безъ присяжныхъ состоящіе.

Надлежитъ также предварительно рѣшить и опредѣлить: слѣдуетъ ли замѣнить письменное производство изустнымъ, и должна ли существовать, въ судопроизводствѣ вообще, полная гласность. Если то и другое будетъ принято, то надлежитъ, сообразно сему, составить и опредѣлить всѣ подробности судопроизводства, такъ чтобы части всегда соотвѣтствовали цѣлому.

Въ преобразованіи управленія, болѣе нежели гдѣ либо, необходимо прежде всего разсмотрѣть, рѣшить и постановить общія правила и основанія, на коихъ управленіе должно быть устроено.

По нашимъ убѣжденіямъ, кои мы изъяснили выше, слѣдовало бы принять въ основаніе слѣдующія начала:

1) Управленіе мѣстное, т. е. завѣдываніе всѣми дѣлами непосредственно и изключительно до каждой мѣстности касающимися, должно быть преимущественно предоставлено самимъ мѣстностямъ. Такимъ образомъ начало самоуправленія было бы принято и приложено вездѣ гдѣ оно очевидно полезно.

2) Таковое самоуправленіе совершается подъ непосредственнымъ наблюденіемъ представителей правительственной власти.

3) Устройство высшаго управленія, разпространяющагося на всю имперію, должно соотвѣтствовать началу самоуправленія мѣстностей.

Такія начала приведутъ къ необходимости имѣть въ губерніяхъ и уѣздахъ совѣты, состоящіе изъ выборныхъ отъ жителей лицъ; а въ селахъ къ утвержденію прежняго порядка мірскихъ сходовъ и проч., какъ это было изъяснено нами выше.

Могутъ возникнуть различныя мнѣнія относительно предѣловъ власти, которою будутъ облечены мѣстные совѣты. По нашему мнѣнію лучше было бы разпространить сіи предѣлы сколь возможно болѣе, нежели искать ограничить оные. Надлежитъ заботиться о томъ, чтобы дать людямъ не только возможность дѣйствовать въ но-

вомъ ихъ призваніи, но и охоту дѣйствовать. Люди отличающіеся особенными качествами и способностями, согласятся жертвовать своимъ временемъ и своими силами на пользу общую тогда только, когда для дѣятельности ихъ будетъ много простора.

Нѣкоторыя изъ предстоящихъ преобразованій необходимо требуютъ многихъ предварительныхъ изысканій и изслѣдованій. Сія необходимость представляется особенно въ реформахъ по части финансовъ. Такъ, напримѣръ, желая превратить подушный окладъ въ налогъ поземельный, надлежитъ изчислить и сообразить какую цифру составитъ сей послѣдній на каждую десятину и въ какихъ случаяхъ сія цифра можетъ быть возвышена. Здѣсь мы замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, поземельный налогъ долженъ быть опредѣленъ посредствомъ раскладки, производимой самими плательщиками или ихъ представителями.

Кадастры, какого либо рода, въ Россіи невозможны. Скажемъ болѣе: они безполезны. И такъ опредѣленіе поземельнаго налога должно быть совершено, какъ мы сказали выше, посредствомъ разкладки. Въ началѣ, какъ мы изъяснили въ иныхъ мѣстахъ, та сумма, которую доселѣ крестьяне платятъ въ видѣ подушнаго оклада и земскихъ повинностей, вообще около 2-хъ руб. съ души, должна быть разложена на всю землю селенія, помѣщикамъ или крестьянамъ принадлежащую. Тогда, вѣроятно,

окажется, что поземельный налогъ будетъ весьма не великъ, такъ что онъ будетъ легко платимъ вездѣ, даже и въ мѣстностяхъ малолюдныхъ и вмѣстѣ много земельныхъ. Въ такомъ случаѣ откроется возможность возвысить сей налогъ, если не во всѣхъ, то во многихъ мѣстностяхъ.

Для усовершенствованія методы разкладки во взиманіи поземельнаго налога, можно будетъ раздѣлить имперію на полосы и опредѣлить въ каждой изъ сихъ полосъ три рода земель, смотря по качеству и постановить какъ maximum такъ и minimum налога для каждой полосы и каждаго рода земли. Разпредѣленіе земель по разрядамъ должно также быть предоставлено разкладчикамъ.

Если подобная метода разкладки будетъ принята, то весьма было бы полезно заняться разсмотрѣніемъ вопроса: да какой степени сія метода разпредѣленія налоговъ посредствомъ извѣстныхъ разкладчиковъ, можетъ быть разпространена на собираніе и другихъ прямыхъ налоговъ. Намъ кажется, что метода разкладки, посредствомъ разкладчиковъ изъ среды плательщиковъ избираемыхъ, обѣщаетъ много выгодъ во взиманіи налоговъ. Пристальнѣе занявшись симъ вопросомъ, можетъ быть, откроется возможность учредить всеобщій налогъ съ доходовъ (income-tax), предоставивъ разпредѣленіе онаго между плательщиками таковымъ разкладчикамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что налогъ съ доходовъ можетъ, съ большою выгодою и для казны и для народа, замѣнить множество иныхъ налоговъ. Неудовольствія и жалобы, причиняемыя симъ налогомъ, имѣютъ источникомъ теперешній образъ взиманія, неразлучный съ многими мелочными из-

слѣдованіями и придирками. Въ Россіи, по складу и характеру народа, намъ кажется, что разкладка, посредствомъ избираемыхъ самими плательщиками разкладчиковъ, можетъ отстранить если не всѣ, то многія изъ признаваемыхъ нынѣ всѣми неудобствъ сего налога.

Впрочемъ самая разнообразность предметовъ, требующихъ преобразованія по части финансовъ, указываетъ на необходимость заняться каждымъ изъ сихъ предметовъ въ отдѣльности. Денежное обращеніе, налоги, тарифъ, гильдіи, вино, табакъ и пр. и пр. должны быть подвержены разсмотрѣнію особенныхъ комитетовъ, и по каждому изъ сихъ предметовъ необходимо прежде всего опредѣлить ясно и точно цѣль преобразованія, равно какъ и средства къ достиженію оной.

Касательно преобразованій по военной части, на необходимость коихъ мы только намекнули, мы полагаемъ, что изысканіе средствъ улучшенія участи солдатъ въ отношеніи къ ихъ продовольствію, содержанію и жалованью можетъ быть преимущественно и даже исключительно предоставлено лицамъ военнаго вѣдомства. Но такъ какъ почти все или весьма многое зависитъ въ семъ дѣлѣ отъ положенія финансовъ государственныхъ, то необходимо будетъ имѣть ясное, положительное, на точныхъ и добросовѣстныхъ соображеніяхъ основанное мнѣніе министерства финансовъ о томъ, до какой степени оно можетъ, увеличеніемъ расходовъ по арміи, содѣйствовать желаемымъ улучшеніямъ.

По главному же предмету преобразованій въ сей части, т. е. по предмету тѣлесныхъ наказаній въ арміи,

мы полагаемъ, что если не слѣдуетъ отъ разрѣшенія сего вопроса отстранить людей опытныхъ по военной службѣ, то столь же мало слѣдуетъ предоставить разрѣшеніе сихъ лицамъ исключительно. Этотъ вопросъ не ограничивается однимъ войскомъ, арміею. Онъ касается до всего государства, до всего народа, до его чести и достоинства, до достоинства всего рода человѣческаго. Тутъ одной военной опытности никогда не можетъ быть достаточно. Образованный писатель, здравый и послѣдовательный мыслитель, и даже просвѣщенный архіерей, можетъ въ семъ дѣлѣ быть иногда полезнѣе храбрѣйшаго изъ генераловъ.

Мы вездѣ настояли, что предварительное опредѣленіе цѣли необходимо при предпринятіи какихъ бы то ни было преобразованій. Здѣсь вся сущность вопроса разрѣшается таковымъ опредѣленіемъ цѣли.

По нашимъ глубокимъ, непреодолимымъ убѣжденіямъ, неоднократно высказаннымъ, единственною цѣлію, достойною и XIX вѣка и Государя освободившаго 23 мил. русскихъ подданныхъ отъ крѣпостнаго ига, можетъ быть только: полное, совершенное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній въ арміи. Если, вопреки всѣмъ нашимъ надеждамъ и вѣрованіямъ, принята будетъ иная цѣль, напримѣръ одно только уменшеніе сихъ наказаній; то намъ не остается ничего болѣе какъ указать на опытъ, ясно свидѣтельствующій, что и здѣсь, какъ во многихъ другихъ предпріятіяхъ правительственныхъ, полу-мѣры никуда не годятся, и что полное и безусловное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній въ войскѣ, узаконенное однимъ разомъ, однажды навсегда, имѣло вездѣ желанный успѣхъ.

Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ тильзитскаго мира, сіи наказанія были уничтожены въ Пруссіи. Король находился тогда въ Кенигсбергѣ. Берлинъ былъ занятъ французами. Баронъ Штейнъ, бывшій тогда первымъ министромъ, разсказывалъ, что обнародованіе сего узаконенія перепугало кенигсберскую публику. Старушки обоего пола съ ужасомъ восклицали, что теперь нельзя будетъ показаться на улицѣ, не опасаясь подвергнуться нахальству и неистовству солдатъ, освобожденныхъ отъ палочной дисциплины, и пр. и пр. Между тѣмъ дѣло обошлось весьма спокойно и всякій можетъ теперь судить упала или возвысилась, съ того времени, прусская армія въ своемъ военномъ и человѣческомъ достоинствѣ.

Около того же времени въ вестфальскомъ королевствѣ, правительство занималось образованіемъ арміи. Солдаты бывшихъ армій: Ганноверской, Гессенъ-Касельской, Прусской и Брауншвейгской, въ коихъ существовала палочная дисциплина, вошли въ составъ полковъ вестфальской арміи, въ коихъ немедленно была введена французская дисциплина. Солдаты, разумѣется, весьма скоро и легко привыкли къ новой дисциплинѣ, т. е. къ отсутствію палокъ; между тѣмъ какъ вестфальская армія была, покрайней мѣрѣ, не хуже ни одной изъ прежнихъ армій, въ коихъ палки играли весьма важную роль.

Извѣстно, что во французскомъ флотѣ тѣлесныя наказанія были уничтожены только въ 30-хъ годахъ. Не всѣмъ капитанамъ и адмираламъ эта перемѣна нравилась; но ихъ не послушали, и опытъ доказалъ, что правительство не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ общаго улучшенія французскаго флота.

Между тѣмъ люди съ большимъ трудомъ, неохотно отказываются отъ старыхъ привычекъ, отъ старыхъ обыкновеній, даже и тогда когда они сами чувствуютъ, что сіи привычки и обыкновенія обветшали и сдѣлались предосудительными, безмысленными. Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно не рѣшаются вдругъ отказаться отъ того чего они и сами не одобряютъ; но предпочитаютъ отказаться постепенно, мало по малу и бываютъ чрезъ то часто приведены къ тѣмъ полу-мѣрамъ, кои почти всегда не только недѣйствительны, но даже пагубны. Такимъ образомъ приступаютъ иногда къ ограниченію и сферы и тяжкости наказаній тѣлесныхъ, т. е. ограничиваютъ число проступковъ, кои влекутъ за собою наказаніе и число ударовъ, предписывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что наказанія могутъ быть изрѣкаемы не иначе какъ военнымъ судомъ. Неправильность такихъ полу-мѣръ очевидна: если тѣлесныя наказанія полезны и необходимы, то не слѣдуетъ стремиться къ ихъ отстраненію. Если же онѣ ни то ни другое, т. е. если онѣ просто ненужное, безполезное зло, то слѣдуетъ ихъ просто отстранить, а не довольствоваться уменьшеніемъ.

Англія, въ семъ отношеніи, какъ бы предоставила для себя цѣлію показать, до какой степени можетъ дойти нелѣпость такого противорѣчія. Ея военные оракулы провозглашаютъ, что въ англійской арміи, не похожей, въ ихъ понятіяхъ, на арміи другихъ образованныхъ народовъ, тѣлесныя наказанія необходимы. Вмѣстѣ съ симъ безпрестанно появляются новыя узаконенія, стремящіяся къ ограниченію и уменьшенію сихъ наказаній и сіи ог-

раниченія дошли наконецъ до того, что наказанія сдѣлались чрезвычайно рѣдки въ англійской арміи и продолжаются какъ-бы для того только, чтобы показать, что онѣ существуютъ, что онѣ возможны. Для этихъ людей какъ бы жаль разстаться съ привычками, конхъ они сами признаютъ всю нелѣпость. Странный капризъ! Странный предразсудокъ! изъясняющійся, можетъ быть, отчасти привязанностію англичанъ къ старинымъ обычаямъ, и еще болѣе, какъ мы полагаемъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ самой Англіи солдатъ весьма мало и потому общее мнѣніе не имѣетъ довольно частыхъ случаевъ обращать свое вниманіе на эти наказанія и заставить парламентъ прибавить и эту реформу къ тѣмъ столь многимъ и полезнымъ реформамъ, кои онъ совершилъ въ послѣднія 30 лѣтъ.

Пониманіе сего предмета со стороны англійскаго правительства доходитъ иногда до невѣроятной уродливости. Въ 30 годахъ генералъ губернаторъ Индіи Лордъ В. Бентингъ, заслуженный генералъ, рѣшился уничтожить тѣлесныя наказанія въ индейской арміи. Въ замѣчательномъ и весьма поучительномъ рапортѣ по сему предмету, онъ изъяснилъ, что онъ самъ прежде почиталъ тѣлесныя наказанія въ арміи необходимыми; но что размышленіе и тщательное наблюденіе удостовѣрило его въ совершенной ошибочности его мнѣній. Приступая къ исполненію его новыхъ предположеній, онъ учредилъ комитетъ изъ военныхъ людей для разсмотрѣнія дѣла. Единогласно комитетъ отвергнулъ предположенія стараго генерала, опытнаго не только въ дѣлѣ военномъ, но и въ дѣлѣ размышленія и наблюденія. Но онъ остался непоколебимъ въ

своихъ новыхъ убѣжденіяхъ и, имѣя право и власть совершить сію реформу въ индейской арміи, онъ уничтожилъ въ ней тѣлесныя наказанія. Перемѣна состоялась и не имѣла, кромѣ добрыхъ, никакихъ иныхъ послѣдствій. Но въ Индіи была, кромѣ индейской, еще армія англійская, находившаяся въ вѣдомствѣ не индейской компаніи, а самого англійскаго правительства. Въ сей послѣдней арміи Лордъ В. Бентингъ не имѣлъ права сдѣлать той же перемѣны; такъ что въ одно и тоже время солдаты — индейцы были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, а солдаты—англичане продолжали быть онымъ подвергнуты. Видя, что перемѣна удалась съ индейцами, слѣдовало бы, по прямому здравому смыслу, приложить ее и къ англичанамъ. Но не такъ думало англійское министерство: оно нашло, что для англійскихъ солдатъ унизительно подлежать прежней дисциплинѣ, между тѣмъ какъ индейцы отъ нея освобождены, и въ слѣдствіе сего рѣшило, — вы думаете: уничтожить тѣлесныя наказанія въ англійской арміи? — нѣтъ; но возстановить тѣлесныя наказанія въ индейской арміи. Какая утонченность въ чувствѣ народной гордости!!

И такъ настоящею цѣлію преобразованія по предмету тѣлесныхъ наказаній въ войскѣ можетъ быть, по нашему мнѣнію, только: совершенное уничтоженіе сихъ наказаній; и все дѣло новаго устройства должно состоять въ опредѣленіи правилъ и средствъ новой дисциплины, которая должна замѣнить прежнюю.

Наконецъ, относительно того преобразованія, которое

мы почитаемъ самымъ необходимымъ и которое представляется для насъ самою первою обязанностію просвѣщеннаго и народолюбиваго правительства послѣ освобожденія крестьянъ, т. е. относительно полнаго и совершеннаго уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ гражданской жизни русскихъ подданныхъ; то здѣсь кромѣ одной праведной цѣли сего уничтоженія, мы никакой иной и постигнуть не можемъ. Задача будетъ состоять только въ опредѣленіи иныхъ различнаго рода наказаній, кои должны замѣнить наказанія тѣлесныя. Здѣсь мы должны сдѣлать одно замѣчаніе: Опредѣляемыя сводомъ законовъ тѣлесныя наказанія вообще чрезмѣрно велики и не соотвѣтствуютъ степени проступковъ и преступленій. За малѣйшую кражу опредѣляется до ста ударовъ плетьми и вѣчная ссылка въ Сибирь. Въ Россіи болѣе нежели гдѣ либо слѣдовало бы быть разборчивѣе и снисходительнѣе въ опредѣленіи наказаній за такія преступленія, кои совершаются безнаказанно повсюду въ видѣ взятокъ, воровства и грабительства всѣхъ родовъ. Такимъ образомъ новыя наказанія, кои замѣнятъ тѣлесныя, должны сообразоваться не съ сими послѣдними, но съ самыми проступками и преступленіями, наказаніе за собою влекущими. Тогда не только кровь перестанетъ литься, но и кара нарушителей закона войдетъ въ справедливые предѣлы.

XII.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ: кому обсужденіе предполагаемыхъ преобразованій и начертаніе плановъ и проэктовъ можетъ быть предоставлено.

Въ семъ отношеніи „Новыя Положенія“ о крестьянахъ заключаютъ въ себѣ весьма важное поученіе. Сей огромный трудъ, который по важности и по внутреннему достоинству, не можетъ быть сравниваемъ ни съ однимъ изъ государственныхъ уставовъ новѣйшихъ временъ, исключая, можетъ быть, столь справедливо прославленнаго „Учрежденія о Губерніяхъ,“ этотъ трудъ былъ совершенъ не лицами офиціальными исключительно, но вообще людьми, коихъ призваніе къ сему труду основывалось на ихъ личныхъ свѣденіяхъ, способностяхъ и, скажемъ также, на нравственныхъ качествахъ ихъ отличавшихъ. Не смотря на недостатки, кои неизбѣжны во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ и тѣ, кои изтекали изъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ въ какихъ сіи люди нашли себя, трудъ ихъ оказался въ высокой степени честнымъ, здравымъ, благотворнымъ, хотя и не вполнѣ удовлетворительнымъ. Нельзя ни мало сомнѣваться, что сей успѣхъ былъ именно дѣйствіемъ или слѣдствіемъ методы избранія членовъ редакціонныхъ коммиссій. И такъ самый опытъ показываетъ, что сей же методѣ надлежитъ слѣдовать при составленіи новыхъ плановъ и проэктовъ для разныхъ преобразованій государственныхъ.

По каждой части надлежитъ учредить особую редакціонную коммиссію. Въ каждую коммиссію должны быть призваны лица, особенно знакомыя съ тѣми предметами, коими будетъ заниматься коммиссія, не смотря на то находятся ли сіи лица въ службѣ или въ отставкѣ и къ какому сословію принадлежатъ.

Обнародованіе занятій коммиссій посредствомъ печа-

танія ихъ протоколовъ, какъ это было во время существованія редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, безъ сомнѣнія весьма полезно. Мы желали бы только, чтобы гласности, въ семъ отношеніи, было гораздо болѣе, такъ чтобы вся читающая публика могла знать и судить о ходѣ дѣлъ въ различныхъ коммиссіяхъ.

При учрежденіи такихъ коммиссій, мы желали бы, чтобы было принято правиломъ: призывать въ оныя, для изустныхъ и письменныхъ изъясненій, такихъ людей, коимъ разсматриваемый предметъ можетъ быть особенно извѣстенъ. Такія изъясненія, дѣлаемыя на вопросы предлагаемые коммиссіями, могутъ быть весьма полезны. Коммиссія можетъ или прямо обратиться къ какому либо лицу съ приглашеніемъ явиться въ коммиссію или общимъ увѣдомленіемъ пригласить желающихъ дать свои объясненія по извѣстному предмету. Разумѣется, что избраніе допускаемыхъ лицъ и опредѣленіе вопросовъ къ нимъ обращаемыхъ должно вполнѣ зависѣть отъ коммиссій. Такое обыкновеніе призывать въ коммиссіи и комитеты занимающіеся какимъ либо особеннымъ предметомъ и обращать къ нимъ вопросы, издавна существуетъ въ Англіи и всегда оказывается полезнымъ. Въ послѣдніе годы уставнаго правленія во Франціи и французскія законодательныя палаты приняли сію методу. Выгодныя послѣдствія сего нововведенія не замедлили оказаться.

Оканчивая изложеніе нашихъ мыслей о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ Россіи, мы не можемъ не видѣть,

что главное, если не все, будетъ зависѣть отъ состава редакціонныхъ коммиссій, отъ духа, который ихъ будетъ одушевлять, отъ направленія, которое имъ будетъ дано. Это ведетъ насъ къ вопросу: слѣдуетъ ли сосредоточить главное начальство надъ всѣми коммиссіями въ одномъ лицѣ или одномъ главномъ комитетѣ? Обдумавъ вопросъ сей, мы пришли къ заключенію, что, въ началѣ, коммиссіи должны быть совершенно самостоятельны и независимы. Тогда только, когда работа каждой изъ нихъ приметъ ясный видъ и характеръ, не прежде, планы и проэкты могутъ съ пользою быть подвергнуты общему разсмотрѣнію и обсужденію или главнаго начальства или главнаго комитета. Вмѣшательство сихъ главныхъ властей, въ началѣ дѣла, можетъ ограничиваться только указаніемъ цѣли въ общихъ чертахъ, не входя въ подробности. Вмѣшательство преждевременное или постоянное наблюденіе и направленіе, можетъ и ослабить усердіе членовъ коммиссій и привести ихъ къ сознанію зависимости; въ слѣдствіе чего они будутъ смотрѣть на себя какъ только на исполнителей чужихъ приказаній и тѣмъ откажутся отъ инициативы съ своей стороны и предадутся равнодушію къ порученному имъ дѣлу.

Но какъ бы редакціонныя коммиссіи и высшіе комитеты устроены ни были, всегда представляется для насъ неоспоримая истина, что низшедъ отъ престола, благая мысль должна выразиться въ одномъ лицѣ, и что для сего лица всего болѣе нужна *добрая воля*, чистое усердіе къ дѣлу. Такое лицо всегда найдется, когда обстоятельства его потребуютъ. Въ теперешнемъ положеніи Россіи Про-

видѣніе, поставивъ сіе лицо близь престола, тѣмъ самымъ какъ бы указываетъ на него.

Тѣмъ же кои этого не видятъ, я прошу позволенія напомнить „Любопытнаго“ (въ баснѣ Крылова), который видѣлъ и „букашекъ, и таракашекъ;“ „а видѣлъ ли слона?“..... „Да развѣ тамъ онъ?“ —„Тамъ.“—„Ну, братецъ, виноватъ. „Слона-то я и не примѣтилъ.“

XIII.

Изложивъ здѣсь если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нашихъ мнѣній о тѣхъ жизненныхъ потребностяхъ Россіи, удовлетвореніе коихъ представляется намъ совершенно необходимымъ, мы не можемъ не вспомнить о томъ, каковы были доселѣ судьбы русскаго народа. Русскій народъ великъ: — но былъ ли онъ когда нибудь счастливъ? Какъ ни темны для насъ первые три или четыре вѣка его существованія, мы можемъ однако же полагать, что это младенчество русскаго народа не носитъ на себѣ никакой печати чего либо особенно бѣдственнаго, пагубнаго, чего либо разрушающаго всякую возможность усовершенствованія и преуспѣянія въ гражданской жизни. Напротивъ мы находимъ, въ самомъ началѣ, быстрые успѣхи въ силѣ и могуществѣ народа; послѣ же, не смотря на неустройство общественное, не смотря на междоусобныя распри, не мало отраднаго: народъ много терпѣлъ, но онъ дышалъ и жилъ свободно. Роковыя бѣдствія русскаго народа начинаются съ нашествія татаръ. Болѣе двухъ вѣковъ Россія томилась и гибла подъ симъ игомъ. Но не погибла. Чудное явленіе

представляетъ исторія въ сію бѣдственную для Россіи эпоху! Нѣкоторыя изъ русскихъ земель, до коихъ не дошли татары, или въ коихъ владычество ихъ не могло укорениться, были отдѣлены отъ Россіи сосѣдними державами и жители сихъ земель спасенные отъ татаръ, не спаслись отъ угнѣтенія и гражданскаго и религіознаго и даже отъ самаго рабства, которое, для нихъ, предупредило Годуновское закрѣпощеніе. Освободясь отъ татарскаго ига, русскій народъ нашелъ прежнихъ своихъ собратій въ цѣпяхъ и примѣръ сосѣднихъ земель имѣлъ даже, въ семъ отношеніи, свое вліяніе на преступное предпріятіе Годунова. Въ тоже время тѣ земли русскія, кои остались нетронутыми ни татарами, ни сосѣдями, устояли и развились на просторѣ собственными своими силами, какъ бы въ доказательство того, что̀ способенъ совершить русскій человѣкъ когда онъ можетъ располагать самъ собою: Новгородъ и Псковъ останутся навсегда единственнымъ проблескомъ въ этомъ тысячелѣтнемъ мракѣ русскаго бытія. Но какъ дорого заплатилъ Новгородъ за эту чистую славу, которою онъ озарилъ исторію русскаго народа! Царь Иванъ Васильевичь, бѣшено-жестокій, и котораго снисходительная исторія назвала только *грознымъ*, отмстилъ, по своему, Новгороду за *отступленіе отъ общаго порядка*. И, спустя около трехъ вѣковъ, какъ бы пораженная какимъ-то проклятіемъ, обреченная на бѣдствія, область новгородская долженствовала подвергнуться новымъ ужасамъ и опустошеніямъ отъ военныхъ поселеній: Аракчеевъ напомнилъ царя Ивана Васильевича.

Начатое Годуновымъ закрѣпощеніе, съ теченіемъ времени, продолжало болѣе и болѣе усиливаться и дошло наконецъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ рабства. Всего замѣчательнѣе здѣсь то, что рабство развилось и укоренилось не столько властію законодательною, сколько притязаніями и тихимъ, но постояннымъ и послѣдовательнымъ насиліемъ высшаго сословія въ государствѣ. Тутъ новое противорѣчіе, свидѣтельствующее, что судьба какъ бы издѣвалась надъ Россіею! Тѣ изъ русскихъ правителей и правительницъ, кои наиболѣе возвеличили и прославили Россію, геніальный Петръ I и либеральная Екатерина II приведены были, одинъ къ утвержденію рабства посредствомъ ревизіи, другая къ узаконенію рабства въ свободной Малороссіи! Отъ царствованій между Петромъ и Екатериною, иногда кровавыхъ, иногда постыдныхъ, всегда недальновидныхъ и безпечныхъ о благѣ народа, ничего путнаго ожидать было невозможно. Но къ довершенію бѣдствій народа императоры и императрицы начали сотнями, тысячами и десятками тысячъ *дарить* свободныхъ крестьянъ разнымъ лицамъ за разнаго рода заслуги. Вотъ основаніе, на коемъ создалась знатная часть русской аристократіи! Первыя истинно человѣческія понятія и начала проявляются въ правительствѣ съ воцареніемъ Александра I-го. Царствованіе сего славнаго, мудраго и добраго императора проходило, долгое время, чрезъ самыя трудныя испытанія, въ слѣдствіе продолжительныхъ и самыхъ кровопролитныхъ войнъ. Но наконецъ его труды, его подвиги, его чистыя и безкорыстныя усилія на пользу не только Россіи, но и Европы,

увѣнчались столь же чистою славою и самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Казалось, что наступило время исполненія той благой мысли, которая всегда наполняла великую душу императора, мысли освобожденія. Но судьба опять оказалась неблагопріятною для Россіи. Различныя возникшія тогда волненія, не въ Россіи, а въ Европѣ, на кои Александръ обращалъ болѣе вниманія, нежели сколько онѣ заслуживали, и наипаче ехидная политика предательской державы овладѣвшей довѣренностію его, отклонили императора отъ *„единаго на потребу."* Онъ не избралъ *„благую часть"*, и вмѣстѣ съ этою частію и истинная, самая святая слава *„отнялась отъ него."*

Въ наше время, въ неблагопріятныхъ судьбахъ Россія узнала наконецъ милосердое Провидѣніе, внушившее нынѣ царствующему императору мысль освобожденія и давшее ему силу совершить святое дѣло.

Но мы такъ долго жили во тьмѣ, такъ долго дышали атмосферою лжи и беззаконія, что не съумѣли вполнѣ совладѣть съ понятіемъ о настоящей человѣческой свободѣ, съ понятіемъ о самомъ простомъ человѣческомъ достоинствѣ. Эта наша слабость, это безсиліе выразилось въ новыхъ законоположеніяхъ объ освобожденіи крестьянъ сохраненіемъ тѣхъ постыдныхъ средствъ управленія, кои, впервые, были установлены въ Россіи татарами: мы не придумали новыхъ средствъ держать народъ въ порядкѣ какъ тѣ, кои ввели въ Россію монгольскіе баскаки! Между тѣмъ, если болѣе нежели двухъ-вѣковое закрѣпощеніе что нибудь поясняетъ и доказываетъ, то это безпредѣльную покорность, повиновеніе, долготерпѣніе бѣднаго

русскаго народа: онъ подчинился закрѣпощенію почти безпрекословно, подобно агнцу обреченному на закланіе. Въ теченіе сихъ вѣковъ одна дѣйствительно замѣчательная, историческая вспышка ознаменовала нетерпѣніе и ожесточеніе закрѣпощенныхъ русскихъ крестьянъ. Но этого довольно, чтобы и нынѣ, при малѣйшемъ безпорядкѣ и буйствѣ со стороны отдѣльныхъ крестьянъ, кричать о Пугачевѣ, ссылаться на Пугачевщину, на ея раскольниковъ, и дѣйствовать сообразно чистосердечнымъ или лицемѣрнымъ страхамъ и опасеніямъ. По тому что намъ извѣстно о несчастныхъ произшествіяхъ въ Пензѣ и Казани, мы видимъ множество жертвъ, падшихъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ и отъ шпицрутеновъ. Но не видимъ нигдѣ ни одного посягательства со стороны крестьянъ на жизнь какого бы то ни было помѣщика, между тѣмъ какъ сіи посягательства бывали прежде не рѣдки. Изъясненія, что все это дѣлается „для предупрежденія еще бо̀льшихъ бѣдъ и несчастій,“ входятъ въ область тѣхъ теорій „предупрежденія преступленій,“ кои не пріемлются нынѣ предъ разсудкомъ человѣческимъ, и никогда не могли быть пріемлемы предъ судомъ Божіимъ. Такими изъясненіями можно оправдывать всякія беззаконія и насильства.

О, сильные земли! умоляемъ васъ: сжальтесь надъ бѣднымъ русскимъ народомъ, ради Христа!

Vert-Bois. 21 Сентября 1861.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера и Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О РУССКИХЪ КНИГАХЪ.

А. ФРАНКА.

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ УЛИЦѢ РИШЕЛЬЕ, 67.

Livres russes publiés par A. Franck, à Paris, rue Richelieu, 67.

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

(Documents russes).

Томъ I.

Томъ I. въ 6 Тетрадяхъ (Le tome I en 6 livr.) 15. —

1. **Нѣмцы и дунай.** — (Les Allemands et le Danube). 3. 50.
2. **Журналъ Севастополя.** — (Journal de Sébastopol). 2. 50
3. **Письмо къ наставнику Е. И. В. Государя Наслѣдника.** — (Lettre au gouverneur de S. A. I. le Grand-Duc Héritier). 1. 25.
4. **Описаніе сельскаго духовенства.** — (Le clergé des campagnes). 7. 50.
5. **Отрывокъ изъ записокъ Графа Ростопчина.** — (Extrait des mémoires du comte Rostoptschine). 1. 50.
6. **Карамзинъ и Сперанскій.** — (Karamzine et Spéranski.) 3. —

Томъ II.

Томъ II. въ 4 Тетрадяхъ (Le tome II en 4 livr.) 13. —

1. **Пора!** (Il est temps!) 3. —
2. **О силѣ и дѣйствіи рескрипта,** 20 Ноября 1857 года. (Sur la portée et l'effet de la loi du 20 Novbre 1857). 2. —
3. **Замѣчанія на Римскія письма** (Remarques sur les lettres de Rome de Murawieff). 6. —

4. **Іезуиты краснаго пѣтуха намъ пустили,** или Развратиться-ли Россія въ латинскій католицисмъ? Петромъ Артамовымъ Вяземскимъ мужучкомъ. (Artamoff, le coq rouge). 5 —

Томъ III.

Томъ III. въ 5 Тетрадяхъ. (Le tome III. en 5 livr.)13. —

1. **Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ.** (La question d'affranchissement et la question d'administration des paysans). 6. —
2. **Адвокаты и повѣренные,** или ходатаи по дѣламъ. Физіологическій Этюдъ. (Les avocats et les hommes d'affaires etc. Etude physiologique). 2. —
3. **Петръ I.** Членъ парижской академіи наукъ. (Pierre I. membre de l'Académie des sciences de Paris). 1. 50.
4. **Московская рѣзня.** 1606 года. (Massacre de Moscou).3. —
5. **Къ русскимъ.** (Aux Russes). 3. —

Томъ IV.

Томъ IV. въ 5 Тетрадяхъ (Le tome IV. en 5 livr.) 20. —

1. **О судахъ присяжныхъ,** и о судахъ полицейскихъ въ Россіи. (Du jury et de la police en Russie.) 6. —
2. **Письма** и статьи М. Погодина о политикѣ Россіи въ отношеніи Славянскихъ народовъ и западной Европы. I. (Pogodine, Lettres et Mémoires sur la politique de la Russie vis à vis des peuples slaves et de l'Europe occidentale. 1-re partie.) 6. —
3. Письма и статьи М. Погодина и т. д. II. (Pogodine, Lettres et Mémoires etc. 2-me partie.) 5. —
4. **Письма** и статьи М. Погодина и. т. д. III. (Pogodine, Lettres et Mémoires etc. 3-me partie.) 6, —
5. **Воспоминанія** Князя Евгенія Петровича Оболенскаго. (Mémoires du Prince Eugène Obolenski). 3. —

Будущность. Выходитъ въ неопредѣленные сроки. Каждый продается отдѣльно по 75 французскихъ сантимовъ за каждый листъ. (L'Avenir, journal russe. Parait à des époques indéterminées, chaque No. se vend séparément à 75 centimes la feuille).

КОММИССІЯ

О

ПЕРЕОЦѢНКѢ ГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

ВЪ С.-ЕПТЕРБУРГѢ,

ОТОШЕДШЕЙ

ПОДЪ

С.-ПЕТЕРБУРГО-ВАРШАВСКУЮ

ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ.

.....186 г.

№